

Российская Академия Наук

Кольский научный центр
Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина

ISSN 2220-802X

**СЕВЕР И РЫНОК:
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА**

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

4/2015 (47)

Апатиты
2015

СЕВЕР И РЫНОК:
формирование экономического порядка
№ 4 (47) 2015

Научно-информационный журнал

Основан в 1998 году
чл.-корр. РАН Геннадием Павловичем Лузиным

Выходит 4 раза в год

Учредитель – Институт экономических проблем
им. Г. П. Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук

ISSN 2220-802X

Редакционная коллегия:

к.э.н., доц. Башмакова Е. П.;
д.э.н., проф. Васильев А. М.
к.э.н., доц. Залкинд Л. О.;
к.э.н. Иванова Л. В.;
к.э.н., доц. Кобылинская Г. В.;
к.э.н., доц. Кондратович Д. Л.
д.э.н., проф. Козьменко С. Ю.;
Павлова С. А. (отв. секретарь);
к.э.н., доц. Рябова Л. А.;
д.э.н., проф. Селин В. С. (главный редактор);
д.э.н., проф. Скуфьина Т. П. (зам. главного редактора);
к.э.н., доц. Ульченко М. В.;
к.э.н., доц. Шпак А. В.;
к.т.н., доц. Цукерман В. А.;
д.э.н., проф. Храпов В. Е.

Ответственный редактор номера –
д.э.н., профессор Т. П. Скуфьина

184200, Апатиты Мурманской области,
ул. Ферсмана, 24а
Тел.: 8-81555-79-257
E-mail: pavlova@iep.kolasc.net.ru

С требованиями к авторам статей и редакционной
политикой журнала можно ознакомиться на сайте
журнала по адресу: <http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/>

Позиция редакции необязательно совпадает
с мнением автора

**Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования**

**Журнал включен в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ**

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина
КНЦ РАН, 2015
© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Кольский научный центр РАН, 2015

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Айлин Эспириту, доктор политических наук, научный
сотрудник, Баренц-институт Арктического университета
Норвегии (Киркенес, Норвегия)

Акулов Владимир Борисович, доктор экономических
наук, профессор, декан экономического факультета,
зав. кафедрой экономической теории и менеджмента
Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Россия)

Лаженцев Виталий Николаевич, член-корреспондент
РАН, главный научный сотрудник Института
социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ласси Хейнинен, доктор политических наук, профессор,
Университет Лапландии (Рованиemi, Финляндия)

Ларичкин Федор Дмитриевич, доктор экономических
наук, профессор, директор Института экономических
проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН
(Апатиты, Россия)

Марит Ауре, доктор политических наук,
Центр гендерных исследований при Арктическом
Университете, старший научный сотрудник
в Северном научно-исследовательском институте (Norgut)
(Тромсё, Норвегия)

Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических
наук, профессор, директор Института проблем
промышленной экологии Севера КНЦ РАН
(Апатиты, Россия)

Мешалкин Валерий Павлович, член-корреспондент
РАН, зав. кафедрой логистики и экономической
информатики МХТИ им. Д. И. Менделеева
(Москва, Россия)

Моника Тениберг, доктор социальных наук, профессор,
Арктикцентр университета Лапландии
(Рованиemi, Финляндия)

Николаев Анатолий Иванович, член-корреспондент
РАН, заместитель директора Института химии
и технологии редких элементов и минерального сырья
им. И. В. Тананаева КНЦ РАН (Апатиты, Россия)

Павлов Константин Викторович, доктор
экономических наук, профессор, профессор Ижевского
государственного технического университета
им. М. Т. Калашникова (Ижевск, Россия)

Пилясов Александр Николаевич, доктор
географических наук, профессор, директор Центра
экономики Севера и Арктики СОПС, Председатель
русской секции Европейской ассоциации
региональной науки и Председатель социально-
экономической секции Экспертного совета по Арктике
и Антарктике при Председателе Совета Федерации
Федерального Собрания РФ

Расмус Оле Расмуссен, доктор географических наук,
старший научный сотрудник, Северный центр
пространственных исследований Nordregio
(Стокгольм, Швеция)

Сергунин Александр Анатольевич, доктор
политических наук, профессор, профессор кафедры
теории и истории международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

Фруде Нильссен, доктор экономических наук,
профессор, Высшая школа бизнеса Университета
Нурланда (Буде, Норвегия)

Швецов Александр Николаевич, доктор
экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института системного анализа РАН
(Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Зерщикова Н. И. Некоторые аспекты возможностей обеспечения экономической безопасности северных регионов 4
СТАТЬЯ ОТОЗВАНА / RETRACTED 06.08.2019

Клюкина Э. С. Качество населения в структуре ресурсного потенциала регионов Северо-Арктической зоны РФ: к постановке проблемы (на примере Мурманской области) 13
Столбов А. Г., Мосина Е. А. Особенности и условия развития малого предпринимательства в Мурманской области 22
Смирнова И. В. Стратегии преодоления бедности трудоспособным населением (на примере жителей города Кандалакша) 29
Тоичкина В. П. Тенденции в изменении уровня устойчивости рождаемости в регионах Севера 36

ФИНАНСОВЫЕ И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Вербиненко Е. А., Бадылевич Р. В. Методологические и практические аспекты оценки межбюджетных отношений на региональном уровне (на примере Мурманской области) 44
Носова О. В., Иващенко П. А. Моделирование инвестиционной привлекательности в условиях создания предпосылок эффективного взаимодействия приграничных регионов 53
Пачина Т. М. Транзитная субъектность корпораций и недокапитализация регионов Европейского Севера России 59
Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Оценка финансово-экономической и инновационной деятельности промышленных предприятий Арктики минерально-сырьевой направленности 70
Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Об оценке конкурентоспособности регионов Севера и Арктики 85

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Павлов К. В., Андреева И. Г., Сапрыка В. А., Шмигирилова Л. Н. Методический подход к оценке состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества 98

ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Ким Г. Н., Лесовский Б. Ф. К вопросу о кластерном развитии рыбной отрасли Приморского края 106
Сергеев П. В., Полянский А. В. Повышение эффективности функционирования транспортной инфраструктуры в регионах Российской Федерации 114
Федосеев С. В., Точило М. В. Анализ производства и потребления двуокиси титана в России и за рубежом 120
Федосеев С. В., Цветков П. С. Добавленная стоимость как показатель экономического роста промышленных предприятий 127
Харитонов Г. Н. Совершенствование организационной структуры органа управления природопользованием и охраной окружающей среды в субъекте Федерации (на примере Мурманской области) 133

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ

Иванова Л. В. Институциональная структура управления недропользованием: опыт стран Северной Европы 141
Павлов К. В., Ляшенко В. И., Котов Е. В. Методика оценки развития постиндустриальной и неиндустриальной моделей модернизации на региональном уровне (на примере Донбасса Украины) 147
Козлов А. В., Зайченко И. М., Магаршак В. Б. Стратегические интересы стран, участвующих в освоении Арктики 159

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

УДК 338.24(985)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Н. И. Зерщикова

канд. экон. наук, доцент,

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Аннотация. Перспективы социально-экономического развития России, ее регионов обусловлены возможностями обеспечения экономической, демографической, социальной безопасности страны. Повышенное внимание к регионам Севера и Арктики во многом связано с наличием здесь запасов биологических, минеральных, углеводородных ресурсов, являющихся стратегическими. В условиях постоянного нарастания социально-экономических проблем развития российского Севера и его арктических территорий неизбежно возникает вопрос о возможностях компенсирования неблагоприятных тенденций за счет более эффективного управления этими специфическими территориями. Некоторые аспекты обеспечения экономической безопасности северных регионов связаны с ликвидацией угроз в сфере энергетики, миграционными процессами, эффективностью работы промышленного производства, совершенствованием федеральной и региональной политики, формированием квалифицированных кадров в условиях сохранения экосистем Севера и Арктики, среды обитания, культуры, традиций и обычаев коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: северный регион, Север, Арктика, экономическая безопасность, энергетическая безопасность, миграционные процессы, промышленность региона, угрозы экономической безопасности, законодательные положения.

SOME ASPECTS OF THE POTENTIALITIES OF ENSURING ECONOMIC SAFETY OF THE NORTHERN REGIONS

N. I. Zersshchikova

PhD (Economics), Associate Professor

G. P. Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of the RAS, Apatity

Abstract. Prospects of socio-economic development of Russia and its regions are caused by potentialities of ensuring economic, demographic, and social security of the country. The increased attention to regions of the North and the Arctic to a large extent is connected with the availability of reserves of biological, mineral, hydrocarbon strategic resources. Under the conditions of continuously growing challenges of development of the Russian North and its Arctic territories there arises the inevitable question regarding possibilities to compensate unfavorable tendencies at the expense of more efficient management of these specific territories. Some aspects of ensuring economic security of the northern regions are caused by liquidation of dangers in the field of energy, migration processes, efficiency of work of industrial production, improvement of the federal and regional policy, formation of skilled personnel under the conditions of preservation of ecosystems of the North and the Arctic and the habitat, culture, traditions and customs of the indigenous minorities of the North.

Keywords: the northern region, the North, the Arctic, economic security, energy security, migration processes, industry of the region, dangers to economic security, legislative provisions.

По мнению академика РАН Л. И. Абалкина, «экономическая безопасность – это состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично и эффективно, решать социальные задачи и в котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику».

Перспективы социально-экономического развития России, ее регионов связаны с возможностями обеспечения экономической, демографической, социальной безопасности страны, при этом необходимо учитывать то, что, с одной стороны, усиливается глобализация, а с другой – постоянно растет доля теневой экономики. Ряд специалистов при определении понятия

«экономическая безопасность» большое значение придают состоянию государственных институтов. Согласно их точки зрения, экономическая безопасность – это «такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [1].

Под социально-экономической безопасностью региона понимается способность экономики региона функционировать в режиме расширенного воспроизводства, максимально обеспечивать приемлемые условия жизни и развития личности для большинства населения, а также способность экономики региона противостоять влиянию внешних и внутренних угроз.

Региональная экономическая безопасность – это состояние региональной экономики, при котором обеспечивается за счет внутренних ресурсов требуемый уровень жизни, полная занятость, устойчивость экономического развития, компенсация негативных воздействий внешней среды [2].

На рубеже веков существенным образом изменилась геополитическая ситуация в мире и России. Происходит трансформация системы международных отношений, направленная на ослабление позиций России в политической, экономической, военной и других областях [3]. С точки зрения долговременных тенденций можно предполагать, что одним из важнейших факторов, определяющих расстановку и взаимодействие различных политических и экономических сил в XXI в., будет борьба за ресурсы. В этой связи вероятно объективное нарастание геоэкономических противоречий в Арктике, связанное с ее ресурсным потенциалом и транспортным значением, с одной стороны, и с отсутствием признанной и нормативно оформленной демаркации морских пространств и шельфа – с другой [4].

Повышенное внимание к регионам Севера и Арктики во многом связано с наличием здесь запасов биологических, минеральных, углеводородных ресурсов, являющихся стратегическими, а также важным геополитическим положением данных регионов. Интерес к имеющимся природным ресурсам – в первую очередь углеводородным – проявляют как российские, так и зарубежные игроки (компании и государства). Однако, несмотря на наличие значительных природных ресурсов, многие регионы Севера и Арктики остаются промышленно слабо освоенными, слабо охваченными транспортной и энергетической инфраструктурой. Все это создает угрозы экономической безопасности данных регионов. При разработке мер, направленных на повышение их экономической безопасности, необходимо учитывать национальные и глобальные приоритеты хозяйствования, особенности сложившейся ситуации и перспективы ее развития [5].

В условиях постоянного нарастания социально-экономических проблем развития российского Севера и его арктических территорий неизбежно возникает вопрос о возможностях компенсации неблагоприятных тенденций за счет более эффективного управления этими специфическими территориями. Правомерность такого подхода определяется тем, что в настоящее время фиксируется базовая проблема социально-экономического развития и регулирования процессов на российском Севере; на фоне возрастания геополитического значения и неослабевающего значения экономического эта специфическая зона характеризуется нарастанием системных проблем и появлением новых вызовов современности [6].

В 1996 г. была принята Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, одобренная Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608. Экономической проблематике отводится существенная роль в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, последняя версия которой одобрена в начале 2000 г. В 1997 г. в этом документе как составной части механизма обеспечения национальной безопасности впервые сформулирована концепция о внутреннем характере наиболее серьезных угроз безопасности России. К их числу относятся такие факторы, как системный экономический кризис, социально-политическая напряженность, национализм, религиозный экстремизм, сепаратизм, терроризм и др.

Указанные определения понятия «экономическая безопасность» позволяют сделать несколько выводов: а) экономическая безопасность является составной частью национальной безопасности любого современного государства, в том числе России; б) экономическая безопасность в качестве синтетического понятия имеет отношение к политологии, экономике, праву. Сегодня за контроль над Арктическим регионом борются пять стран, которые имеют прямой выход в Северный Ледовитый океан: Россия, США, Канада, Норвегия и Дания. В то же время Китай и Индия также проявляют интерес к данному региону, связанному с энергоресурсами и путем прохода кораблей.

В современных условиях, на фоне существующего кризиса и напряженности в мировой и региональной экономике и энергетике, возрастает и значение геополитических факторов

для Арктического региона. Сегодня Арктика выступает как место соперничества государств, а не согласованной позиции по его развитию.

Что касается современной России, то для нее Арктический регион имеет особое значение. Во-первых, речь идет об энергетическом потенциале. Во-вторых, 20 % территории России находится к северу от Полярного круга. Северный Ледовитый океан открывает выход в Мировой океан, в связи с этим особое внимание обращается на развитие береговой инфраструктуры. Использование Северного морского пути необходимо при освоении природных богатств Севера России. Применительно к арктическому региону можно сделать следующий вывод: тот, кто в современных условиях установит контроль над Северным Ледовитым океаном, над открывающимся новым путем в мировой экономике, получит преимущества в военной сфере и в целом в политике [7].

Для индикатирования состояния национальной безопасности страны и регионов возможно применение следующих групп показателей. Параметры изменения экономической и социальной безопасности страны и регионов обусловлены, в первую очередь, динамикой абсолютных и относительных показателей, характеризующих изменения экономической, социально-демографической ситуации.

1. Группа экономических показателей, характеризующих состояние экономики региона: индекс физического объема ВРП, % к предыдущему году; индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году; дефицит бюджета, % от ВРП; доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %.

2. Группа показателей, характеризующих социально-трудовую сферу: уровень занятости и безработицы; доля занятого населения старше трудоспособного возраста; доля нелегальных трудовых мигрантов в численности занятого населения (порог 3-7 %, по данным Всемирного банка 2006 г.); коэффициент фондов – отношение среднего уровня доходов 10 % самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10 % самых бедных [1].

Защита энергетических ресурсов формирует энергетическую безопасность, то есть надежное топливо- и энергообеспечение. В. И. Рясин отмечает следующие основные ограничения, стоящие на пути реформирования отрасли, способные повлиять на энергетическую безопасность регионов [8]:

1. Высокая энергоемкость экономики (энергоемкость ВВП в России в 2 раза выше, чем в США, в 3 раза выше, чем в Западной Европе, и в 4 раза выше, чем в Японии).

2. Необходимость реформы теплоснабжения и жилищно-коммунального хозяйства.

3. Высокий износ основных средств, неудовлетворительный темп ввода новых мощностей.

4. Перекрестное субсидирование по видам потребителей.

5. Региональная дифференциация тарифов.

6. Неопределенность топливной базы электроэнергетики.

7. Недостаточная управляемость.

8. Высокие издержки операционной деятельности отрасли.

9. Неоптимальная загрузка электростанций.

Особое геостратегическое положение территории требует значительно большего и непосредственного участия государства в решении вопросов текущего и перспективного развития региона. Приоритетными его направлениями, обеспечивающими эффективное развитие и отвечающими национальным интересам государства, являются: создание условий для опережающего развития ТЭК региона и выхода с энергетической продукцией на новые рынки; расширение транзитных функций по обслуживанию внутрисоссийских и международных хозяйственно-экономических связей с предстоящим усилением роли Северного морского пути и кросс-полярных авиалиний; создание условий для привлечения иностранных капиталов и передовых технологий.

Стратегические ориентиры долгосрочной государственной энергетической политики – энергетическая безопасность (национальная безопасность в области энергетики), энергетическая эффективность, бюджетная эффективность и экологическая безопасность энергетики. Достижение указанных ориентиров и повышение управляемости процессом развития энергетики требует формирования и осуществления основных составляющих государственной энергетической политики, которые будут взаимосвязанными и при этом обладающими своей направленностью, ответственностью, принципами и механизмами реализации, индикаторами результативности. К числу таких составляющих относятся, прежде всего, недропользование и управление государственным фондом недр, развитие внутренних топливно-энергетических рынков, формирование рационального топливно-энергетического баланса, региональная и внешняя энергетические политики, социальная, научно-техническая и инновационная политики в энергетическом секторе [9].

При всем разнообразии мнений большинство авторов склонны рассматривать проблему экономической безопасности в контексте движения основных макроэкономических показателей, таких как объем и структура ВВП, сдвиги в структуре экономики, обеспеченность ресурсами, показатели качества жизни и т. д., либо – а часто и одновременно – в свете тех или иных конкретных угроз безопасности (прежде всего национальной): научно-техническому потенциалу России, ее продовольственному обеспечению, финансовой и валютной независимости и т. д. Такой подход представляется вполне обоснованным, хотя он, вероятно, требует определенного предметного ограничения. В противном случае трудно будет различать действительно приоритетные и второстепенные цели экономической безопасности.

Что касается влияния миграционных процессов на экономическую безопасность России, то отечественными учеными оно изучено относительно слабо. Обусловлено это несколькими обстоятельствами.

Применительно к России наиболее значимыми представляются следующие создаваемые миграцией угрозы.

1. Эмиграция научно-технических кадров, а также некоторые их внутренние перемещения (например, уход в другие сферы деятельности) создают угрозу деградации научно-технического потенциала.

2. Миграции, прежде всего внутренние межрегиональные, способны нанести серьезный ущерб региональным рынкам, созданному ранее в том или ином регионе экономическому и трудовому потенциалу.

3. По причине вызываемого ими сокращения внутреннего спроса межрегиональные миграции могут также усугубить спад производства в отдельных секторах экономики.

4. Чрезмерная концентрация мигрантов в пределах конкретной территории чревата быстрым и резким обострением проблемы безработицы на соответствующем региональном рынке труда.

5. По той же причине на региональном уровне (а в более мягкой форме – и на национальном) может сузиться доступ к жилью и социальным услугам, а это означает, что появятся, во-первых, дополнительные факторы социальной дифференциации населения, во-вторых, угроза маргинализации новой его части и еще большего ухудшения положения групп, уже оттесненных на обочину социальной жизни.

6. Из-за того, что некоторая, нередко значительная часть мигрантов не может найти работу или работает не по специальности, реальной становится угроза утраты или нерационального использования квалификационного потенциала мигрантов, возникает также угроза снижения их мотивации к труду.

7. Так как труд определенных категорий мигрантов используется в теневой экономике, а часть мигрантов-торговцев из стран СНГ и нелегальных мигрантов из дальнего зарубежья прямо вовлекаются в противоправную деятельность, налицо угроза дальнейшей криминализации российской экономики под влиянием миграции.

8. В той мере, в какой внешняя миграция сопровождается вывозом и переводом капитала за рубеж, она может угрожать внешнеэкономическим и финансовым позициям страны-донора.

Нынешнее социально-экономическое положение в стране свело на нет основные стимулы для притока мигрантов в северные и восточные районы и длительного проживания там (высокую оплату труда, хорошее снабжение продовольствием и промышленными товарами), которые позволяли мириться с суровыми природно-климатическими условиями территорий нового освоения. Мало того, что эти территории перестали привлекать к себе население, начался массовый выезд в районы прежнего проживания, давно освоенные и более благоприятные для жизни как в климатическом, так и в социально-экономическом отношении.

В результате только в межрегиональном миграционном обмене Северный район потерял за 1989-1997 гг. более 220 тыс. чел., Восточно-Сибирский – свыше 210 тыс., а Дальневосточный – почти 550 тыс. Правда, в последние два года отток с Дальнего Востока несколько сократился. Однако объясняется это отнюдь не какими-то позитивными сдвигами, а тем, что трудности социально-экономического характера, в частности, высокие транспортные тарифы, не позволяют всем желающим покинуть Дальний Восток. Большинство же тех, кому это было по силам, уже выехали.

Результатом подобной переориентации миграционных потоков стало мощное разрушение демографического и трудового потенциала, на протяжении десятилетий целенаправленно создававшегося в районах нового освоения. Поскольку уезжает значительная часть населения, хорошо адаптировавшегося к экстремальным природным условиям, не менее масштабны потери

генетического потенциала. Для его восстановления потребуется не одно поколение. Таким образом, громадные человеческие и социально-экономические усилия, затраченные несколькими поколениями на освоение северных и восточных территорий, могут оказаться напрасными.

Конечно, не всегда это освоение осуществлялось по соображениям экономической, тем более рыночной целесообразности и эффективности. При дешевой, а то и бесплатной рабочей силе экономические мотивы не были главными, преобладали аргументы военно-политического характера. Однако нельзя не видеть, что к настоящему времени в покидаемых населением регионах оказался сконцентрирован значительный производственный и особенно ресурсный потенциал страны. Его возможная деградация негативно скажется на состоянии российской экономики и в ближайшем, и в отдаленном будущем.

Такая ситуация требует пересмотра миграционной политики в конкретных регионах применительно к условиям рыночной экономики. Нужна концепция освоения северных регионов. Необходимо также разработать эффективные механизмы обустройства мигрантов в старообжитых регионах России. Сделать это целесообразно в рамках общей (объединенной) программы социально-демографического возрождения депопулирующих территорий центра и снижения концентрации приезжего населения в приграничных областях [10].

Обеспечение экономической безопасности промышленности должно опираться на существующую правовую базу и проводиться во взаимосвязи с экономическими интересами государства и собственников. Специфические географические, горно-геологические, природно-климатические особенности северного региона приводят к последствиям (экономическим, социальным, экологическим), которые отражаются на состоянии экономической безопасности как региона в целом, так и субъектов рыночных отношений, а также и на показателях эффективности их функционирования.

Процесс обеспечения экономической безопасности промышленности региона можно рассматривать как процесс предотвращения всесторонних ущербов от негативных воздействий по различным аспектам финансово-хозяйственной деятельности, путем оценки реальных и потенциальных внутренних и внешних опасностей и угроз, кризисных ситуаций, а также прочих неблагоприятных факторов. Основой организации, планирования и осуществления практических действий системы обеспечения экономической безопасности является всесторонний анализ концепции угрозы.

Основой экономики северных регионов являются природоэксплуатирующие отрасли, поэтому, на наш взгляд, для полноценного развития региона, рационального использования природных ресурсов и улучшения экологической обстановки необходимы долгосрочные инвестиции. Привлечение инвестиций, в том числе и иностранных, влечет за собой необходимость обеспечения экономической безопасности проектов с целью создания наиболее благоприятных условий для инвесторов.

К основным внутренним негативным воздействиям, угрожающим промышленному производству, относится состояние основного капитала (основных фондов) в составе корпоративных ресурсов.

Рассматривая экономические последствия особенностей Севера и их влияние на обеспечение экономической безопасности промышленности, следует отметить также, что на Севере производится до 20 % национального дохода притом, что на данной территории проживает лишь 8 % населения Российской Федерации.

Развитие экономики в северном регионе связано ресурсами. Отрасли, функционирующие в северном регионе, как правило, фондоемкие, с повышенными издержками производства.

Обеспечение экономической безопасности финансовых ресурсов промышленного предприятия необходимо рассматривать как процесс прогнозирования и предотвращения всесторонних ущербов от негативных воздействий на экономическую безопасность промышленного предприятия по различным аспектам финансово-хозяйственной деятельности.

На основе проведенного анализа обеспечения финансовой безопасности промышленного предприятия выявляются следующие пути совершенствования управленческой деятельности организации в целом и, соответственно, отдельных ее подразделений: создание и организация функционирования службы независимого мониторинга финансовых операций и благонадежности контрагентов; перспективное бюджетирование комплекса мероприятий по обеспечению экономической безопасности; создание компенсационного резерва для покрытия прогнозируемых

ущербов финансовому благосостоянию предприятия для минимизации убытков от внешних и внутренних угроз экономической безопасности.

При внедрении мер по оптимизации расходов на обеспечение экономической безопасности промышленных предприятий и их сбалансированности по отношению к прогнозируемым рискам предполагается достижение следующих результатов:

- снижение экономического давления на финансовый потенциал предприятия;
- изменение величины себестоимости продукции;
- улучшение финансового результата деятельности;
- увеличение прибыли, остающейся в распоряжении предприятия.

Предполагается решение проблемы возмещения потерь промышленным предприятиям от возможных ущербов за счет формирования компенсационного фонда, позволяющего адекватно реагировать на критические ситуации.

Реализация выводов и предложений по оптимизации расходов промышленных предприятий на обеспечение экономической безопасности создаст более благоприятные условия функционирования, что обеспечит повышение эффективности финансово-хозяйственной деятельности промышленных предприятий и будет способствовать повышению экономического потенциала [11].

Реализация национальных интересов РФ возможна только на основе устойчивого роста экономики, который призван обеспечить высокий уровень и качество жизни населения, социально-экономическую и политическую стабильность общества. В решении этих проблем центральная роль принадлежит Совету Безопасности РФ, Правительству страны и Президенту РФ, ответственным за состояние защиты национальных интересов России в сфере экономики. При этом их решения должны основываться на объективных оценках и реальном перспективном прогнозе возможных угроз на обозримый период [2].

Существенным шагом в формировании новой системы государственного регулирования является принятие Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. В законе четко прописаны полномочия федерального центра и регионов в рамках реализации своих полномочий отраслевого развития территорий. Однако важно понимать, что реализация данного закона потребует от регионов создания эффективной системы стратегического планирования с учетом специфики своего развития [12].

На основе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики, исследования внутренних и внешних угроз экономической безопасности представляется возможным констатировать ряд концептуальных положений и внести ряд предложений по формированию комплекса мероприятий по осуществлению федеральной региональной политики укрепления единства экономического и правового пространства, обеспечения безопасности Российской Федерации.

При этом крайне важно, чтобы государственная стратегия регионального развития была ориентирована на приоритет общенациональных интересов и в то же время учитывала разнообразие и специфику российских регионов.

Среди особенностей и тенденций территориальной организации России и государственной стратегии регионального развития особенно следует выделить:

- во-первых, несоответствие социально-экономического развития отдельных регионов геополитическим и экономическим реалиям. Это относится, в первую очередь, к северным территориям, Северному Кавказу, Приморью, Калининградской обл., играющим важную роль в обеспечении стратегических интересов РФ;

- во-вторых, недостаточное развитие рациональных межбюджетных финансовых взаимоотношений центра и регионов РФ также не способствует становлению дееспособного федерализма, поскольку не достигнута прозрачность финансовых отношений в законодательном порядке и сохраняется перераспределительный, фактически произвольный принцип отчислений в бюджеты разного уровня – федеральная помощь оказывается одним регионам и необоснованно отказывается в помощи другим. Отмечается малопродуктивность федеральных программ, неподконтрольность использования средств, выделенных на них. Практика межбюджетных отношений в сложившихся новых условиях не обеспечена новым надежным механизмом реализации программ;

- в-третьих, отстранение субъектов Федерации от управления значительными объемами региональной собственности. Проблемы собственности при решении вопросов разграничения

полномочий становятся первостепенными, в частности, по вопросам пользования землей, недрами, водными и другими ресурсами. Ситуация с рыбным промыслом на Дальнем Востоке представляет собой яркий и убедительный пример.

Наиболее значимые внутренние угрозы для безопасности России можно представить по следующим составляющим.

В социально-политической сфере:

- обострение социально-политических проблем в обществе вследствие увеличения разрыва в экономическом положении его членов и неподготовленности социальной среды к новым социально-экономическим отношениям, рост социальных проблем и преступности, в том числе организованной;
- наличие элементов напряженности в межнациональных отношениях, возможность дестабилизации обстановки в отдельных регионах страны;
- недостаточные объемы финансирования науки и высшей школы, системы подготовки кадров, механизмов защиты населения, а также девальвации духовного, в том числе культурного потенциала общества.

Под социально-экономической безопасностью региона понимается способность экономики региона функционировать в режиме расширенного воспроизводства, максимально обеспечивать приемлемые условия жизни и развития личности для большинства населения, а также способность экономики региона противостоять влиянию внешних и внутренних угроз.

В экономической сфере:

- сокращение промышленного потенциала в инвестиционно емких отраслях и угроза общей деградации индустриальной системы;
- качественное ухудшение технологического и инновационного потенциала, а также сдвиг экономики в сторону первичного и промежуточного секторов;
- истощение топливно-энергетических ресурсов, дисбаланс добычи энергоносителей и производства энергии;
- нестабильность финансово-кредитной системы, сокращение платежеспособного потенциала населения;
- рост экономической преступности, взяточничества, коррупции, нарушение правил валютных операций, уклонений от уплаты налогов, незаконной торговой деятельности.

В правоохранительной сфере:

- криминализация общественных отношений, сопровождаемая сращиванием криминальной и государственной сфер, активное участие представителей криминальных групп не только в экономической, но и политической жизни страны;
- социальная апатия населения, вызванная слабой защищенностью российских граждан от посягательств на их жизнь, здоровье и имущество;
- подрыв здоровья нации в результате наркотизации и алкоголизации значительной части населения.

Региональные проблемы экономической безопасности являются исключительно многогранными как по причине разнохарактерности самих угроз безопасности, так и в связи со сложившимися значительными территориальными различиями в уровне развития и текущем социально-экономическом положении.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности требует разработки и осуществления комплекса мер в рамках программ социально-экономической безопасности и устойчивого развития субъектов Федерации.

К первоочередным мерам относятся:

- создание децентрализованного механизма структурной реорганизации региональной экономики;
- обеспечение занятости населения и государственной поддержки создания рабочих мест в количестве, достаточном для снятия угрозы экономической безопасности регионов;
- селективная инвестиционная поддержка экономического развития приоритетных, конкурентоспособных производств;
- реальный сбор налоговых платежей;
- переориентация налоговой системы на активное использование налоговых потенциалов производительного капитала в сфере малого предпринимательства;

- активная поддержка предприятий с преимущественным участием государственного капитала;
- противодействие организованной преступности и коррупции в сфере экономической деятельности.

Все эти меры практически могут быть осуществлены только при значительном усилении властных функций государства, активизации рыночных и административных методов регулирования, а также при возрастании роли государства как гаранта стабильности социальных и экономических процессов [2].

В сентябре 2015 г. в Архангельске прошел форум в рамках международной встречи представителей государств – членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубежной научной общественности. Такие встречи проводятся уже в пятый раз по инициативе Совета Безопасности РФ. В предыдущие годы они состоялись в Мурманске, в Салехарде, в Нарьян-Маре и на борту ледокола «Ямал». Проведение форума полностью соответствует стратегическому курсу России в отношении Арктики. Были детально рассмотрены актуальные вопросы подготовки квалифицированных кадров для освоения Арктики и глобальных арктических проектов; консолидации усилий по сохранению уникальных экосистем Арктики при разработке глобальных ресурсных проектов; а также устойчивого развития и сохранения среды обитания, культуры, традиций и обычаев коренных малочисленных народов Севера.

Выступления по этой теме сводились к главной мысли: Арктика – один из наиболее уязвимых к изменению климата регионов Земли. Сегодня необходимо продолжить изучение последствий промышленного освоения Арктики, его влияния на общество и на окружающую среду региона. Третьим вопросом повестки дня обсуждались проблемы устойчивого социального развития коренных малочисленных народов Севера [13].

Изменение геополитической ситуации в мире и в России определяется повышенным интересом к ресурсам (биологическим, минеральным, углеводородным, являющимся стратегическими) регионов Севера и Арктики. Обеспечение экономической безопасности страны напрямую связано с экономической безопасностью регионов Севера и Арктики. Анализируя вышесказанное, необходимо отметить, что возможными направлениями деятельности для обеспечения экономической безопасности северных регионов могут быть следующие:

1. Обеспечение энергетической безопасности.
2. Регулирование миграционных процессов.
3. Ликвидация негативных воздействий, угрожающих промышленному производству.
4. Комплекс мероприятий по осуществлению федеральной региональной политики.
5. Подготовка квалифицированных кадров для освоения Арктики и Севера.
6. Сохранение уникальных экосистем Арктики и Севера.
7. Сохранение среды обитания, культуры, традиций и обычаев коренных малочисленных народов Севера.

Литература

1. Акьюлов Р. И. Проблемы и перспективы мониторинга и оценки социально-экономической безопасности российских регионов. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/04/12/> (дата обращения: 12.09.2015).
2. Дамаскин О. Федерализм и региональные проблемы экономической безопасности Российской Федерации. URL: http://observer.materik.ru/observer/N1-2_03/1-2_11.htm (дата обращения: 14.09.2015).
3. Белогубова М. Н. Безопасность региона Европейского Севера РФ / Автореферат диссертации по социологии. URL: <http://cheloveknauka.com/bezopasnost-regiona-evropeyskogo-severa-rossiyskoy-federatsii#ixzz3ngAGiEuk> (дата обращения: 12.09.2015).
4. Селин В., Башмакова Е. Значение северных и арктических регионов в новых геоэкономических условиях развития России // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=78316> (дата обращения: 15.09.2015).
5. Селин В. С. Научный отчет / Ин-т экономических проблем КНЦ РАН. URL: <http://www.iер.kolasc.net.ru/selnir2014.pdf> (дата обращения: 12.09.2015)
6. Скуфьина Т. П. Комплексные фундаментальные исследования Севера и Арктики: некоторые результаты и перспективы развития при поддержке грантов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 268.

7. Егоров А. А. Арктический регион в системе экономической безопасности // Вестник ПАГС. 2013. URL: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/arhiv37/Yegorov.pdf> (дата обращения: 12.09.2015).
8. Рясин В. И. Энергетическая безопасность региона как системообразующий фактор экономической безопасности // Вестник ИГЭУ. 2005. Вып. 2. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3833> (дата обращения: 16.09.2015).
9. Борталевич С. И. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов // Проблемы современной экономики. 2011. № 4(40). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3833> (дата обращения: 12.09.2015).
10. Супян В. Б. Миграция и некоторые аспекты экономической безопасности. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestkaimmigration/trud/ekonom_bezopastnost/ (дата обращения: 12.09.2015).
11. Чужмаров А. И. Обеспечение экономической безопасности промышленных предприятий (особенности северных регионов). URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2007/2007-2/5/5.htm> (дата обращения: 15.09.2015).
12. Рабкин С. В. Аэродромные комплексы северных городов: особенности институционализации критериев современного развития // Урбанистика. 2014. № 2. URL: http://enotabene.ru/urb/article_13466.html (дата обращения: 12.09.2015).
13. Итоги международной конференции «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики» // Новости и информация / Совет Безопасности РФ. 2015. 28 сент. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/952.html> (дата обращения: 12.09.2015).

References

1. Akyulov R. I. Problemy i perspektivy monitoringa i ochenki socialno-ekonomicheskoy bezopasnosti rossiyskih regionov [Problems and prospects of monitoring and evaluation of socio-economic safety of Russian regions]. Available at: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/04/12/> (accessed 12.09.2015). (In Russ.).
2. Damaskin O. Federalizm i regionalnye problemy ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Federalism and regional problems of economic security of the Russian Federation]. Available at: http://observer.materik.ru/observer/N1-2_03/1-2_11.htm (accessed 14.09.2015). (In Russ.).
3. Belogubova M. N. Bezopasnost regiona Evropeyskogo Severa RF [Security of the region of the European North of RF]. Available at: <http://cheloveknauka.com/bezopasnost-regiona-evropeyskogo-severa-rossiyskoy-federatsii#ixzz3ngAGiEuk> (accessed 12.09.2015). (In Russ.).
4. Selin V., Bashmakova E. Znachenie severnyh i arkticheskikh regionov v novykh geoekonomicheskikh usloviyakh razvitiya Rossii [Importance of northern and Arctic regions under the new geoeconomic conditions of development of Russia]. *Region: ekonomika i sociologiya*, 2010, no. 3. Available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=78316> (accessed 15.09.2015). (In Russ.).
5. Selin V. S. Nauchnyy otchet. Institut ekonomicheskikh problem [Scientific report of the Institute for Economic Studies]. Available at: <http://www.iep.kolasc.net.ru/selnir2014.pdf> (accessed 12.09.2015) (In Russ.).
6. Skufina T. P. Kompleksnye fundamentalnye issledovaniya Severa i Arktiki: nekotorye rezultaty i perspektivy razvitiya pri podderzhke grantov [Integrated basic research of the North and the Arctic: some results and development prospects supported by grants]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, no. 1, pp. 268. Available at: http://www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=10000964 (accessed 12.09.2015) (In Russ.).
7. Egorov A. A. Arkticheskiy region v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti [The Arctic region in the system of economic security]. *Vestnik PAGS*, 2013. Available at: <http://vestnik.pags.ru/vestnik/archive/arhiv37/Yegorov.pdf> (accessed 12.09.2015). (In Russ.).
8. Ryasin V. I. Energeticheskaya bezopasnost regiona kak sistemoobrazuyushchiy faktor ekonomicheskoy bezopasnosti [Energy security of the region as a system-forming factor of economic security]. *Vestnik IGEU*, 2005, vyp. 2. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3833> (accessed 16.09.2015). (In Russ.).
9. Bortalevich S. I. Ekonomicheskie problemy regionov i otraslevykh kompleksov [Economic problems of regions and sectors]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2011, no. 4(40). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3833> (accessed: 12.09.2015). (In Russ.).
10. Supyan V. B. Migratsiya i nekotorye aspekty ekonomicheskoy bezopasnosti [Migration and some aspects of economic security]. Available at: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestkaimmigration/trud/ekonom_bezopastnost/ (accessed 12.09.2015). (In Russ.).

11. Chuzhmarov A. I. Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti promyshlennyh predpriyatiy (osobennosti severnyh regionov) [Ensuring economic security of industrial enterprises (specificity of the northern regions)]. Available at: <http://koet.syktso.ru/vestnik/2007/2007-2/5/5.htm> (accessed 15.09.2015). (In Russ.).
12. Rabkin S. V. Aerodromnye komplekсы severnyh gorodov: osobennosti institucionalizatsii kriteriev sovremennogo razvitiya [Airfield complexes of northern towns: specificity of institutionalization of the criteria of contemporary development]. *Urbanistika*, 2014, no. 2. Available at: http://e-notabene.ru/urb/article_13466.html (accessed 12.09.2015). (In Russ.).
13. Itogi mezhdunarodnoy konferentsii "Obespechenie bezopasnosti i ustoychivogo razvitiya Arkticheskogo regiona, sohraneniye ekosistem i traditsionnogo obraza zhizni korennoy naseleniya Arktiki". *Novosti i informatsiya / Sovet Bezopasnosti RF*, 2015, 28 sent. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/news/952.html> (accessed 12.09.2015). (In Russ.).

УДК 314(470.21)

КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРО-АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Э. С. Клюкина

канд. социол. наук, доцент кафедры философии и социологии

Кольский филиал Петрозаводского государственного университета, Апатиты, Россия

Аннотация. Качество населения имеет особую значимость для развития регионов наряду с экономическими, производственными, трудовыми, политическими, природными и другими видами ресурсов. В данной статье анализируются вопросы, связанные с изучением показателей качества населения в структуре ресурсного потенциала Мурманской обл. – одного из регионов Северо-Арктической зоны Российской Федерации.

Анализируется категориальный аппарат, отражающий характеристики населения территории, обосновывается выбор понятия «качество населения» для описания свойств народонаселения как ресурса регионального развития. Автор использует подход, согласно которому основными компонентами качества населения являются состояние здоровья населения, профессионально-образовательные способности людей, формирующие их интеллектуальный потенциал, а также культурно-нравственные ценности людей, их социокультурная активность. Акцентируется внимание на обобщении и представлении важнейших индикаторов качества населения Мурманской обл. – состояния здоровья, уровня образования населения.

Сделан вывод о том, что внимание исследователей к анализу показателей качества населения является решающим фактором для определения ресурсного потенциала и сценариев развития Мурманской обл. как одного из ведущих регионов Северо-Арктической зоны России.

Ключевые слова: *качество населения, ресурсный потенциал региона, состояние здоровья, ресурсы развития Мурманской обл.*

QUALITY OF THE POPULATION IN THE STRUCTURE OF RESOURCE POTENTIAL OF THE REGIONS IN THE NORTH-ARCTIC PART OF RUSSIA: THE PROBLEM SETTING (CASE STUDY OF MURMANSK REGION)

E. S. Kliukina

PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology

Kola Branch of Petrozavodsk State University, Apatity, Russia

Abstract. Quality of population is very significant for the regional development together with economic, productive, labour, political, natural and environmental, and other resources. The author makes an attempt of analyzing questions connected with investigation of the indicators of population's quality as an element in the resource potential of the Murmansk region, one of the regions in the Arctic part of the Russian Federation.

The author analyses concepts characterizing population of the territory, substantiates selection of the concept «quality of population» for describing properties of population as a resource of regional development. The author uses an approach according to which quality of population includes such elements as state of health, professional and

educational abilities of people, forming their intellectual potential, and cultural and moral values of people, and their sociocultural activity. The author focuses on the synthesis and presentation of the most important indicators of the population in the Murmansk region among which are health status and educational level of the population. The author concludes, that attention of researchers to analyzing the indicators of population's quality is a decisive factor for evaluating resource potential and scenario for the development of the Murmansk region as a leading region in the Arctic part of Russia.

Key words: *quality of population, resource potential of the region, health condition of the population, resources of development of the Murmansk region.*

Вопросы, связанные с изучением качества населения – одного из важнейших показателей для оценки состояния и возможностей развития современной России, ее регионов, находятся в центре исследовательского внимания представителей многих областей научного знания. В рамках данной проблематики внимание научного сообщества уделено разработке обобщающих, комплексных (в том числе интегральных) показателей для оценки состояния регионов, возможностей, рисков их развития.

Одним из обобщающих понятий, позволяющих связать качество населения и активы региона, на наш взгляд, является понятие «ресурсный потенциал».

Отметим, что данное понятие используется исследователями – социологами, экономистами – для описания совокупности ресурсов применительно к населению, разным социальным группам, для анализа социально-экономического развития регионов [1, 2 и др.]. Так, О. И. Шкаратаном «еще во второй половине 1990-х гг. была начата разработка концепции ресурсно-потенциального подхода, создающая теоретико-методологическую основу для разделения ресурсного потенциала и капитала, а также был предложен свой перечень ресурсов, которые необходимо учитывать при использовании ресурсно-потенциального подхода, впервые была предпринята попытка эмпирически замерить наличие трех видов ресурсов применительно к работающему населению России [цит. по: 3, с. 21].

Автор этих строк уже использовал данное понятие в своих работах [4, 5]. Так, ресурсный потенциал рассматривался как наиболее общий, интегральный показатель жизнедеятельности представителей разных социальных групп, отражающий совокупность средств для выполнения основных функций и характеризующий реальные возможности для удовлетворения актуальных потребностей с целью выживания и развития в постоянно изменяющихся условиях, а также резервы для достижения более высокого качества жизни. Данное понятие охватывает не только существующие ресурсы для достижения целей «здесь и сейчас», но и их предпосылки – т. е. те латентные резервы, которые могут быть мобилизованы индивидом (группой) в будущем [4, с. 7589]. Сейчас наша задача заключается в применении ресурсного подхода к анализу состояния и сценариев развития региона. В этой связи ресурсный потенциал региона может быть определен как наиболее общий показатель уровня развития региона, отражающий совокупность средств (активов) для выполнения регионом своих основных и частных (специфических) функций. Разработка концептуальной и операциональной схем ресурсного потенциала региона требует анализа существующих подходов к изучению разных типов ресурсов (экономических, производственных, природных, климатогеографических, политических, административных, трудовых, социокультурных и др.) и методов их исследования (измерения). Особого внимания требует анализ элементов структуры ресурсного потенциала региона, одним из которых является качество населения.

Изучение качества населения как элемента ресурсного потенциала регионов России имеет особое значение для определения перспектив развития ее северных и арктических территорий, одной из которых является Кольский Север (Мурманская обл.). Территориально регион полностью входит в Арктическую зону Российской Федерации [6, с. 67], имеет особое геополитическое значение для страны по целому ряду факторов. В этой связи разработка подходов к анализу структуры ресурсного потенциала Мурманской обл. требует учета сложности научного рассмотрения региона как объекта изучения.

В границах данной статьи остановимся на ключевых моментах при анализе содержания понятия «регион», имеющих непосредственное отношение к изучению ресурсного потенциала и качества населения региона. В этой связи заслуживает особого внимания подход, предложенный Н. И. Лапиным, который считает обоснованным выделять «два смысла термина регион: общетеоретический и конкретно-практический. В общетеоретическом смысле регион – это исторически сложившееся территориальное сообщество людей в составе большого общества, мезоуровень структуры и динамики общества, макроячейка его социокультурного пространства. Регион возникает на основе этнокультурной идентичности населения, заселившего данную территорию, существует и изменяется в результате деятельности его жителей, которые сконцентрированы в городских и сельских поселениях, связаны экономическими интересами

(разделения труда, обмена) и социальной организацией (структурой, институтами). Структурно регион как сообщество людей (community) находится между обществом как целым (Gesellschaft, society, социетальный уровень) и поселениями – городами и поселками, селами и деревнями, т. е. первичными территориальными общностями (die Gemeinschaften, communities). В этом смысле указанное сообщество представляет мезоуровень большого общества и характеризуется сложной дифференциацией» [7, с. 25]. Вместе с тем, регион как сообщество людей «выступает как макроячейка горизонтальной дифференциации общества, его социокультурного пространства. Это сообщество образует близкую социокультурную среду жизнедеятельности его членов как личностей, мотивирует их действия». Регион, таким образом, «выполняет функции, отчасти аналогичные функциям общества, но вместе с тем и специфичные» [7, с. 26].

Понимание термина «регион» в конкретно-практическом смысле связано с изучением региона как субъекта Российской Федерации. С этих позиций регион представляет собой «территориальную единицу политико-административной, экономической и социально-культурной структуры страны. Его правовой статус определен Конституцией РФ. Он ограничен рамками территории и характеризуется своеобразием природных условий, этнорелигиозным составом населения, его традициями, специализацией производства и обмена товаров и услуг, количеством и структурой рабочих мест, социальной инфраструктурой, уровнем, качеством жизни различных слоев населения, организацией политико-административного управления. ... В конкретно-практическом смысле регион представляет собою, скорее, формализованное сообщество его граждан» [7, с. 26].

С позиций изучения качества населения как элемента структуры ресурсного потенциала региона интерес представляет как общетеоретическое, так конкретно-практическое понимание региона. Так, общетеоретическое понимание дает возможность изучить регион как «исторически сложившееся территориальное сообщество людей: уяснить его социокультурные функции и функциональные структуры, процессы, базовые проблемы и тенденции изменения в контексте эволюции российского общества. Вместе с тем, конкретно-практическая характеристика региона позволяет представить совокупность показателей (индикаторов, индексов), характеризующих состояние и динамику данного сообщества, качество жизни и социальное самочувствие различных его слоев, сформулировать средне- и краткосрочные цели улучшения этого качества и самочувствия, повышения привлекательности региона для населения и для инвестиций в развитие данного субъекта РФ» [7, с. 26].

Одним из важнейших элементов ресурсного потенциала, благосостояния любого региона, в особенности регионов Северо-Арктической зоны страны, является проживающее в нем население, которое можно охарактеризовать с точки зрения как количественных, так качественных показателей. Именно от количества и качества народонаселения зависят состояние и динамика развития региона. Но если с количественными показателями (численность, структура населения по тем или иным признакам и др.) существует определенная ясность, то показатели качества населения носят дискуссионный характер.

Следует подчеркнуть, что споры по поводу понятийного аппарата, применимого для описания и анализа населения той или иной территории, ведутся уже в течение нескольких десятилетий. Так, исследователи используют понятия «качество населения» [8, 9], «качественный потенциал населения» [10], «человеческий потенциал населения» [10-12], «качество человеческого потенциала» [13], «человеческий капитал», «потенциал населения» [8], «потенциал человеческих ресурсов» [1]. Обосновывая выбор понятия «качество населения» как наиболее удачного для характеристики населения, согласимся с точкой зрения О. И. Иванова, который предлагает различать понятия «качество населения» и «человеческий потенциал населения». Так, в понятии «человеческий потенциал населения» фиксируется только часть особо значимых социальных свойств населения. Это означает, что понятие «качество населения» имеет более общее содержание [12, с. 141].

Несмотря на сложность, многоаспектность, категория «качество населения» уже достаточно прочно утвердилась в категориальном аппарате общественных наук. Остановимся на его важнейших компонентах.

Ряд исследователей, анализируя понятие и структуру качества населения, в качестве основы используют элементы, предложенные Н. М. Римашевской в рамках методологии анализа качественных характеристик населения [10, с. 34-35], в числе которых:

- здоровье физическое, психическое и социальное;
- профессионально-образовательные способности людей, образующие их интеллектуальный потенциал;
- культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность.

Каждый из выделенных элементов имеет систему упорядоченных индикаторов и способы измерения.

Обосновывая внимание к результатам анализа характеристик населения с позиций системы количественных и качественных показателей как основы для разработки прогнозов и планов развития северных и арктических территорий страны, в границах данной статьи рассмотрим некоторые из выделенных показателей, в числе которых – численность и демографическая структура населения, состояние здоровья населения и уровень его образования.

Представим сведения о численности населения Мурманского обл. [14, с. 23; 15, с. 39]. Так, за период с 1989 по 2015 гг. численность населения региона сократилась на 34.2 %: с 1164.6 до 766.3 тыс. жителей (табл.1). Одной из основных причин стойкого снижения численности населения области за последние десятилетия является выезд людей за пределы региона. Выполненные исследователями прогнозы численности населения региона показывают дальнейшее ее снижение [16, с. 51].

Таблица 1

Численность населения Мурманской обл.

Год	Всё население, тыс. чел.	в том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
1959	568.2	523.1	45.1	92.1	7.9
1970	801.0	708.2	92.8	88.4	11.6
1979	978.0	869.8	108.2	88.9	11.1
1989	1164.6	1071.0	93.6	92.0	8.0
2002	892.5	823.2	69.3	92.2	7.8
2010	795.4	738.4	57.0	92.8	7.2
2011	794.1	737.2	56.9	92.8	7.2
2012	787.9	730.7	57.2	92.7	7.3
2013	780.4	723.5	56.9	92.7	7.3
2014	771.1	714.5	56.6	92.7	7.3
2015	766.3	709.6	56.7	92.6	7.4

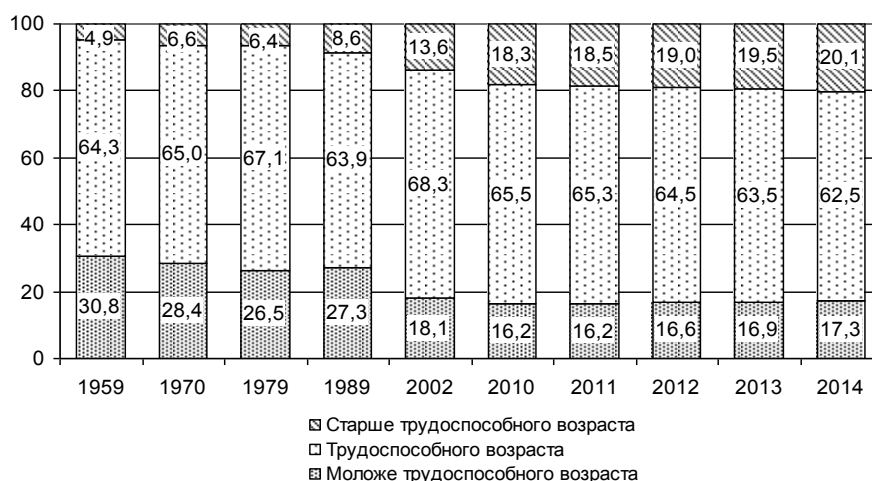
На фоне констатации негативных демографических тенденций перед исследователями Кольского Севера стоит задача использовать прогностический потенциал комплексных (экономических, социологических, демографических, политических и др.) исследований для анализа ресурсов данного региона российской Арктической зоны для обеспечения жизнедеятельности его населения [17]. При характеристике населения региона весомую роль играет демографическая структура, в особенности возрастной состав населения, анализ которого позволяет ответить на вопрос: «Оптимален ли он для поддержания равновесия между производством и потреблением, или же в обществе слишком велика доля нетрудоспособных?» [8, с. 91].

Ситуация на Кольском Севере осложняется тем, что на фоне сокращения численности населения наблюдается устойчивая тенденция старения населения региона. Приведем статистические данные (рис., табл.2) [15, с. 40].

Таблица 2

Численность населения Мурманской обл. по основным возрастным группам, тыс. чел.

Год	Всё население	в том числе в возрасте			Коэффициент демографической нагрузки, чел.
		моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	
1959	568.2	175.0	365.0	27.9	556
1970	801.0	227.0	519.6	52.6	538
1979	978.0	258.7	656.1	63.0	490
1989	1164.6	318.3	743.6	100.4	563
2002	892.5	160.9	609.1	120.7	462
2010	795.4	128.5	520.7	146.0	527
2011	794.1	128.9	518.5	146.6	531
2012	787.9	130.5	507.9	149.5	551
2013	780.4	132.2	495.8	152.4	574
2014	771.1	133.7	482.1	155.3	599

Доля основных возрастных групп, % к общей численности населения

Согласно приведенным на рисунке данным, отмечается устойчивая тенденция увеличения доли лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения региона. Доля детей в общей численности населения региона в период с 1959 по 2011 гг. сократилась в 1.9 раза. В период с 2011 по 2014 гг. отмечен незначительный рост значения данного показателя.

Сокращение численности населения Мурманской обл. сопровождается ростом заболеваемости взрослого и детского населения региона. В этой связи актуальной для региона является проблема формирования и сохранения здоровья его жителей, поскольку состояние здоровья является одним из факторов, оказывающих влияние на качество жизни населения [17, с. 142].

Следует отметить, что состояние здоровья населения признается исследователями одним из ведущих показателей качества населения, в особенности – подрастающего поколения. Так, по данным экспертов, с продвижением на Север значительно возрастает патологическая пораженность, меняется структура заболеваемости. За последние годы происходят значительные «качественные» изменения в состоянии здоровья населения. Особого внимания требует динамика детской и подростковой заболеваемости в регионе. Исследования, проведенные в промышленных центрах Севера и Северо-Запада России, установили, что состояние здоровья детей во всех возрастных группах можно оценить как неблагоприятное [18, 19]. Риск повреждения здоровья детей, проживающих в регионе, с самого раннего детства обусловлен целым рядом факторов, оказывающих влияние на организм человека в условиях Севера [5, с. 15]. Среди детей всех возрастных групп отмечается рост общей заболеваемости и числа хронических болезней. В структуре повозрастной заболеваемости увеличивается доля заболеваний, являющихся маркерами воздействия антропогенно загрязненной окружающей среды.

По данным Министерства здравоохранения Мурманской обл., показатель общей заболеваемости детского населения в 2013 г. (более свежие данные пока отсутствуют) составил 2975.3 на 1000 детского населения в возрасте до 17 лет и вырос по сравнению с 2012 г. на 1.7 % (2927.6). Показатель общей заболеваемости превышает на 27 % средний показатель по Российской Федерации (по классу болезни эндокринной системы – на 58.7 %, мочеполовой системы – на 31.4 %, новообразований – на 77 %), на 5.3 % – по Северо-Западному федеральному округу (СЗФО)(24574.3) [20, с. 4].

Ниже средних российских показателей заболеваемость врожденными аномалиями (на 23.5 %), по классу болезней системы кровообращения (в 3 раза). В 2013 г. зарегистрировано снижение уровня заболеваемости по классам болезни системы кровообращения, костно-мышечной системы и соединительной ткани, в группе инфекционных заболеваний, уровень, наоборот, вырос. По сравнению с 2012 г. регистрировалось снижение на 3.5 % общей заболеваемости подростков (15-17 лет) на 1000 населения данной возрастной группы (2013 г. – 2712.5, 2012 – 2827.0), при этом показатели 2012 г. на 27.0 % превышали средние показатели по России (2 225.1), на 4.3 % – по Северо-Западному федеральному округу (2710.1) [20, с. 4].

Общая заболеваемость взрослого населения в 2013 г. по сравнению с предыдущим периодом увеличилась на 5.4 %, первичная – на 6.8 %. Рост как общей, так и первичной заболеваемости взрослого населения отмечен по злокачественным новообразованиям, анемиям, болезням эндокринной системы (в том числе сахарному диабету и ожирению), переходящим транзиторным ишемическим атакам, астме и астматическому статусу, болезням кожи, врожденным аномалиям (в т. ч. системы кровообращения), симптомам, признакам и отклонениям от нормы. Значительный

вклад в динамику показателей общей и первичной заболеваемости внесли результаты дополнительной диспансеризации отдельных категорий граждан [20, с. 8-12].

Еще одним важным показателем качества населения являются профессионально-образовательные способности людей (интеллектуальный потенциал). Оценка интеллектуального потенциала населения представляет сложную задачу, поскольку данный вид ресурсов детерминирован совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов. Признавая неизбежность упрощения анализа интеллектуального потенциала, примем за основу уровень образования населения региона в целом (в частности, долю лиц с высшим образованием), а также уровень образования экономически активного населения, занятого в экономике региона. Уровень образования населения тесно связан с воспроизводством кадров высшего и среднего уровня квалификации, а также квалифицированной рабочей силы.

Как показывает анализ статистических данных, Мурманская обл. характеризуется высоким образовательным потенциалом. По данным Всероссийской переписи 2010 г., по доле населения с высшим образованием в общей численности населения старше 15 лет регион занимает 3-е место среди регионов Северо-Западного федерального округа, уступая лишь Санкт-Петербургу и Калининградской обл. (табл.3). Высшее образование имеет почти треть экономически активного населения, занятого в экономике региона [14, с. 27, 31]. Отметим, что уровень образования населения является одним из важнейших показателей качества населения Мурманской обл. и серьезным ресурсом для развития региона (табл.4).

Таблица 3

Рейтинг регионов СЗФО по доле населения с высшим образованием

Ранг	Субъект РФ	Доля лиц с высшим образованием
1	Санкт-Петербург	35.8
2	Калининградская обл.	24.5
3	Мурманская обл.	22.2
4	Ленинградская обл.	20.9
5	Республика Карелия	19.3
6	Новгородская обл.	18.7
7	Псковская обл.	18.3
8	Вологодская обл.	18.2
9	Республика Коми	18.1
10	Архангельская обл.	17.1
11	Ненецкий автономный округ	15.9

Примечание. Рейтинг составлен автором на основании итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Рассчитан процент от численности лиц, указавших уровень образования в переписном листе (без учета лиц с послевузовским образованием).

Таблица 4

Распределение населения Мурманской обл. по уровню образования
(по итогам переписей 2002 и 2010 гг.)

Уровень образования	2002 г.		2010 г.	
	тыс. чел.	%*	тыс. чел.	%*
Профессиональное образование				
высшее	115.6	15.7	141.6	22.8
в т. ч. послевузовское	1.5	0.2	3.7	0.6
неполное высшее	18.8	2.6	24.3	3.9
среднее	224.1	30.4	217.9	35.0
начальное	116.8	15.8	43.1	6.9
Общее образование				
среднее (полное)	141.8	19.2	119.5	19.2
основное	88.4	12.0	54.5	8.8
начальное	29.4	4.0	19.0	3.1
не имеют начального общего	2.8	0.4	2.0	0.3
Лица, указавшие уровень образования	737.6	100.0	622.0	100.0
Лица, не указавшие уровень образования в переписном листе и по которым сведения получены из административных источников	8.4		52.4	
Все население в возрасте 15 лет и более	746.1		674.4	

* Рассчитано от численности лиц, указавших уровень образования в переписном листе.

Анализ качества населения – одного из важнейших элементов в структуре ресурсов Мурманской области – позволяет сделать еще один шаг на пути разработки обобщающего индекса ресурсного потенциала региона, включающего как количественные, так и качественные показатели, который может служить основой для оценки состояния, прогнозирования сценариев развития региона и его муниципальных образований (табл.5).

Таблица 5

Распределение численности занятых в экономике региона по полу, возрастным группам и уровню образования в 2014 г. (% к итогу, $N = 427.4$ тыс. чел.)

Занятое население	Всего	в том числе	
		мужчины	женщины
В возрасте, лет			
до 20	0.8	1.2	0.3
20-29	31.3	40.2	18.7
30-39	24.9	24.5	25.5
40-49	21.0	17.6	25.8
50-59	17.3	13.5	22.6
60-72	4.7	3.0	7.1
Имели образование			
Высшее профессиональное*	29.8	26.1	34.0
Среднее профессиональное	22.3	16.2	29.1
Начальное профессиональное	27.2	35.2	18.2
Среднее (полное) общее	18.0	19.5	16.3
Основное общее	2.6	2.9	2.3
Не имеют основного общего	0.1	0.2	...
Справочно: средний возраст занятых в экономике, лет	40.0	38.6	41.5

*Включая лиц, имевших послевузовское образование.

Отметим, что на фоне неблагоприятных медико-демографических тенденций внимание исследователей к вопросам качества населения, которое остается в Мурманской обл., продолжает жить, работать и обучаться в условиях Крайнего Севера, является одним из ведущих факторов для усиления ресурсного потенциала данного региона Арктической зоны России.

Литература

1. Пахомова Е. И., Тихонова Н. Е., Шкаратан О. И. Потенциал человеческих ресурсов России (1994 г.) // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 10-24.
2. Холодов П. П. Формирование ресурсного потенциала для комплексного социально-экономического развития региона // Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (43). С. 216-220. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4211> (дата обращения: 17.10.2015).
3. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в статификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 2-32.
4. Клюкина Э. С. Ресурсный потенциал и риски жизни на Севере // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Всерос. социол. конгр. / РОС; ИС РАН; АН РБ; ИСПИИ. М.: РОС, 2012. С. 7589-7592. URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012> (дата обращения 31.10.2015).
5. Клюкина Э. С. Ресурсный потенциал молодой семьи в условиях Кольского Севера: автореферат дисс... канд. социол. наук. СПб., 2004. 23 с.
6. Залкинд О. Л., Скуфьина Т. П. Государственная программа развития Арктической зоны Российской Федерации и ее влияние на социально-экономическое развитие Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 1 (44). С. 66-73. URL: <http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/files/Sever-i-rynok-1-2015.pdf> (дата обращения: 31.10.2015).
7. Лапин Н. И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 25-34.

8. Рубин Я. И. Качество населения. О сущности и структуре понятия // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 87-91.
9. Суховеева А. Б. Типология регионов Дальнего Востока России по качеству населения // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2013. Т. 15, № 3-6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-regionov-dalnego-vostoka-rossii-po-kachestvu-naseleniya> (дата обращения: 17.10.2015).
10. Римашевская Н. М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34-48. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kachestvennyy-potentsial-naseleniya-rossii-vzglyad-v-xxi-vek> (дата обращения: 17.10.2015).
11. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5-16.
12. Иванов О. И. Человеческий потенциал современной российской экономики // Журн. социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 140-156. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/123456789/1225/1/Ivanov_2012_1.pdf (дата обращения: 28.10.2015).
13. Шкаратан О. И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 14-37. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.3/02.pdf> (дата обращения: 17.10.2015).
14. Мурманская область в цифрах / Федер. служба гос. статистики, Территориальный орган Федер. службы гос. статистики по Мурманской обл. Мурманск: Мурманскстат, 2015. 138 с. URL: http://213.168.51.135/files/electronic_versions/Figures/012311001.pdf (дата обращения: 31.10.2015).
15. Статистический ежегодник 2013 / Федер. служба гос. статистики, Территориальный орган Федер. службы гос. статистики по Мурманской обл. Мурманск: Мурманскстат, 2014. 253 с. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/resources/9ff4350048898df79768d7f7eaa5adf2/032311003.DOC (дата обращения: 31.10.2015).
16. Каспарьян Ж. Э. Историческая ретроспектива исследований проблемы разработки и реализации социальной политики в условиях Кольского Севера: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Вып. 5. С. 48-58.
17. Ключкина Э. С. Качество жизни молодых северян // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014 (21). Вып. 5. С. 136-146.
18. Ковалев И. В. Проблемы развития Севера и здоровья населения. М.: Тривант, 2000. 289 с.
19. Рубин А. Д. Научные основы организации лечебно-профилактической помощи детям в условиях реформирования здравоохранения Кольского Севера: автореферат дис. ... канд. мед. наук. СПб., 1998. 21 с.
20. Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения в Мурманской области по итогам деятельности за 2013 г. URL: <http://minzdrav.gov-murman.ru/files/doclad.pdf> (дата обращения: 31.10.2015).

References

1. Pahomova E. I., Tihonova N. E., Shkaratan O. I. Potencial chelovecheskih resursov Rossii (1994 g.) [The potential of human resources in Russia (1994)]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1995, no. 4, pp. 10-24. (In Russ.).
2. Holodov P. P. Formirovanie resursnogo potentsiala dlja kompleksnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija regiona [Formation of the resource potential for complex socio-economic development of the region]. *Problemy sovremennoj jekonomiki* [Problems of modern economics], 2012, no. 3 (43), p. 216-220. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4211> (accessed 17.10.2015). (In Russ.)
3. Tihonova N. E. Resursnyj podhod kak novaja teoreticheskaja paradigma v statifikacionnyh issledovanijah [Resource-based approach as a new theoretical paradigm in researches of stratification]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological researches], 2006, no. 9, pp. 2-32. (In Russ.).
4. Kljukina Je. S. Resursnyj potencial i riski zhizni na Severe [Resource potential and risks of living in the North]. *Materialy IV Ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa "Sociologija i obshhestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie"* [Proceedings of the Forth Russian Sociological Congress "Sociology and society: global challenges and regional development"], Moscow, Publ. ROS, 2012, pp. 7589-7592. Available at: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part56.pdf> (accessed 31.10.2015). (In Russ.).
5. Kljukina Je. S. Resursnyj potencial molodoj sem'i v uslovijah Kol'skogo Severa: avtoreferat diss. ... kand. sociol. nauk [The resource potential of the young family in terms of the Kola North. PhD. Sci. (Sociology) diss. abstract], Saint-Petersburg, 2004, 23 p. (In Russ.).

6. Zalkind O. L., Skufina T. P. Gosudarstvennaja programma razvitija Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii i ee vlijanie na social'no-ekonomicheskoe razvitie Murmanskogo oblasti [The state program of development of the Arctic zone of the Russian Federation and its influence on the socio-economic development of the Murmansk region]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [The North and the market: formation of economic order], 2015, no. 1 (44), pp. 66-73. Available at: <http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/files/Sever-i-rynek-1-2015.pdf> (accessed 31.10.2015). (In Russ.).
7. Lapin N. I. Region, ego status i funkcii v rossijskom obshhestve: teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija [The region, its status and function in the Russian society: theoretical and methodological basis of research]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological researches], 2006, no. 8, pp. 25-34. (In Russ.).
8. Rubin Ja. I. Kachestvo naselenija. O sushhnosti i strukture ponjatija [Quality of the population. About the essence and structure of the concept]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological researches], 1998, no. 9, pp. 87-91. (In Russ.).
9. Suhoveeva A. B. Tipologija regionov Dal'nego Vostoka Rossii po kachestvu naselenija [The typology of the regions in Far East of Russia based on the quality of the population]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 3-6, vol. 15. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-regionov-dalnego-vostoka-rossii-po-kachestvu-naseleniya> (accessed 17.10.2015). (In Russ.).
10. Rimashevskaja N.M. Kachestvennyj potencial naselenija Rossii: vzglyad v XXI vek [Qualitative potential of the population in Russia: a look into the XXI century]. *Problemy prognozirovanija* [Problems of Forecasting], 2001, no. 3, pp. 34-48. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kachestvennyj-potencial-naseleniya-rossii-vzglyad-v-xxi-vek> (accessed 17.10.2015). (In Russ.).
11. Zaslavskaja T. I. Chelovecheskij potencial v sovremennom transformacionnom processe [Human potential in the modern transformation process]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2005, no. 3, pp. 5-16. (In Russ.).
12. Ivanov O. I. Chelovecheskij potencial sovremennoj rossijskoj ekonomiki [Human potential of the modern Russian economy]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2012, vol. 15, no. 1, pp. 140-156. Available at: https://dspace.spbu.ru/bitstream/123456789/1225/1/Ivanov_2012_1.pdf (accessed 28.10.2015). (In Russ.).
13. Shkaratan O. I. Vosproizvodstvo social'no-ekonomicheskogo neravenstva v postsovetskoj Rossii: dinamika urovnja zhizni i polozhenie social'nyh nizov [Reproduction of socio-economic inequality in post-Soviet Russia: the dynamics of life level standards and the position of the lower classes]. *Politicheskaja konceptologija* [Political conceptology], 2012, no. 3, pp. 14-37. Available at: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.3/02.pdf> (accessed 17.10.2015). (In Russ.).
14. Murmanskaja oblast' v cifrah [Murmansk region in figures]. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki, Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Murmanskogo oblasti [Federal State Statistics Service, the territorial office of the Federal State Statistics Service in the Murmansk region], Murmansk, Publ. Murmanskstat, 2015, 138 p. Available at: http://213.168.51.135/files/electronic_versions/Figures/012311001.pdf (accessed 31.10.2015). (In Russ.).
15. Statisticheskij ezhegodnik, 2013 [Statistical yearbook, 2013] / Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki, Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Murmanskogo oblasti [Federal State Statistics Service, the territorial office of the Federal State Statistics Service in the Murmansk region], Murmansk, Publ. Murmanskstat, 2014, 253 p. Available at: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/resources/9ff4350048898df79768d7f77eaa5adf2/032311003.DOC (accessed 31.10.2015). (In Russ.).
16. Kaspar'jan Zh. Je. Istoricheskaja retrospektiva issledovanij problemy razrabotki i realizacii social'noj politiki v uslovijah Kol'skogo Severa: k postanovke problemy [Retrospective studies on the development of social policy in the context of the Kola North: the problem setting]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Transactions Kola Science Center RAS. Humanitarian studies], 2014 (21), no. 5, pp. 48-58. (In Russ.).
17. Kljukina Je. S. Kachestvo zhizni molodyh severjan [Life level of young people living in the Kola North]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Transactions Kola Science Center RAS. Humanitarian studies], 2014 (21), no. 5, pp. 136-146. (In Russ.).
18. Kovalev I. V. *Problemy razvitija Severa i zdorov'ja naselenija* [Problems of development of the North and the health of the population], Moscow, Trovant, 2000, 289 p. (In Russ.).

19. Rubin A. D. *Nauchnye osnovy organizacii lecebno-profilakticheskoy pomoshhi detjam v uslovijah reformirovanija zdavoohranenija Kol'skogo Severa. Avtoreferat diss. ... kand. med. nauk* [The scientific basis of the organization of therapeutic and preventive care for children in the context of health care reform in the Kola North. PhD. Sci. (Medicine) diss. abstract], Saint-Petersburg, 1998, 21 p. (In Russ.).
20. Doklad o sostojanii zdorov'ja naselenija i organizacii zdavoohranenija v Murmanskoj oblasti po itogam dejatel'nosti za 2013 g. Available at: <http://minzdrav.gov-murman.ru/files/doclad.pdf> (accessed 31.10.2015). (In Russ.).

УДК 334.7(470.21)

ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. Г. Столбов

**докт. экон. наук, профессор кафедры управления социально-экономическими системами
Мурманский государственный технический университет, Мурманск, Россия**

Е. А. Мосина

**старший преподаватель кафедры экономики и финансового права
Российский государственный социальный университет (филиал в г. Мурманске), Россия**

Аннотация. Доля малых предприятий в производстве ВРП регионов РФ составляет 13-20 %, тогда как за рубежом она достигает 50-70 %, поэтому представляет интерес исследование региональных условий для развития малого предпринимательства. В статье приводятся данные о развитии МСП за 2010-2013 гг. и за I полугодие 2014 г., которые характеризуют рост оборота предприятий, средней зарплаты работников и объёма налогов, поступивших в бюджет региона от субъектов МСП. В то же время из-за увеличения налоговой нагрузки сократилось количество хозяйствующих субъектов и снизился объём инвестиций в основной капитал. Для улучшения предпринимательского климата необходимо устранять административные барьеры в сфере арендных отношений (за семь лет арендная плата выросла в 30 раз), проблемы в энергообеспечении, коррупцию в администрации и контролирующих органах, снижать процентную ставку за кредиты.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство (МСП), малый и средний бизнес, Мурманская обл., предпринимательский климат, препятствия в развитии предпринимательства, поддержка МСП.

FEATURES AND CONDITIONS OF SMALL ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN THE MURMANSK REGION

A. G. Stolbov

**Dr. Sc. (Economics), Professor, Department of Management of Social and Economic Systems
Murmansk State Technical University, Murmansk, Russia**

E. A. Mosina

**Senior Lecturer, Department of Economics and Finance Law
Russian State Social University (Murmansk Branch), Murmansk, Russia**

Abstract. The share of small businesses in the production of GRP Russian regions is 13-20%, while abroad it reaches 50-70%. Hence the interest is the study of regional conditions of the development of small business. The article provides data on the development of SMB for 2010-2013 years and 1 semester of the year 2014 which characterize the output of enterprises, the average salary of employees and the amount of taxes in the budget of the region from SME. At the same time, the number of economic units decreased and the volume of investments in fixed capital reduced because of an increase in the tax burden. To improve the business climate should eliminate administrative barriers in the sphere of rental relations (in the seven years the rent has grown in 30 times), the problems in energy supply, the corruption in the Administration and regulatory bodies, high interest rate for the loans.

Keywords: small and medium business, the Murmansk region, the business climate, the obstacles in the development of entrepreneurship, support for small and medium entrepreneurship.

В регионах Российской Федерации доля малых предприятий в производстве ВРП составляет 13-20 %, тогда как в зарубежных странах она достигает 50-70 %. Это определяет высокую степень актуальности исследования условий для развития малого предпринимательства с целью преодоления негативных факторов и повышения эффективности функционирования малых предприятий в регионе и стране.

Организационно-экономические особенности развития субъектов малого и среднего предпринимательства Мурманской обл. в некоторой степени характеризуют результаты первого в России детального изучения климата в секторе малого и среднего предпринимательства, который проводился в 83 регионах [1]. Он показал, что малый и средний бизнес Мурманской обл. имеет в перспективе хороший потенциал. В рейтинге «Индекс качества условий для малого и среднего бизнеса», составленного МСП Банком, который входит в структуру Внешэкономбанка, Мурманская обл. включена во вторую из пяти групп – в группу В. Самые успешные регионы расположились в группе А.

На 1 тыс. жителей в 2014 г., по данным Росстата [2], в Мурманской обл. приходилось 7.7 предприятий МСП, тогда как в целом по России – 14.6. В то же время в исследовании [1] подчеркивается, что регионы, вошедшие в группу В, достаточно обеспечены финансовыми ресурсами, правильное использование которых может способствовать их опережающему экономическому развитию.

Мурманская обл. выделяется в лучшую сторону по таким показателям, как доступность важнейших производственных факторов, включая человеческий капитал, финансовые ресурсы и уровень развития инфраструктуры. В позитиве также макроэкономические показатели и конкурентная среда. Достаточно высок по сравнению с другими регионами и платежеспособный спрос на продукты и услуги малых и средних предприятий. Еще один плюс: по оценке экспертов, в Мурманской обл. низок уровень макроэкономических рисков. Однако влияние остальных рисков для бизнеса – бюджетная ситуация (соотношение доходов и расходов в региональном бюджете), риски, связанные с избыточными административными барьерами, преступность и коррупция, по оценке МСП Банка, понизило рейтинг Мурманской обл.

В рейтинге также учитывалась активность региональной власти в стимулировании малого и среднего бизнеса. Это то, что способствует формированию единого институционального пространства в регионе. Следует отметить, что в Мурманской обл. создана целая сеть объектов инфраструктуры поддержки предпринимательства, в которую вошли следующие организации [3]:

- НКО «Фонд развития малого и среднего предпринимательства Мурманской области», который является соисполнителем мероприятий по субсидированию субъектов МСП, предоставлению льготных микрозаймов и поручительств регионального гарантийного фонда;
- Центр поддержки предпринимательства, оказывающий услуги финансового и маркетингового сопровождения субъектов МСП;
- ГОБУ «Мурманский региональный инновационный бизнес-инкубатор» (ГОБУ МРИБИ), участвующий в обучении и предоставлении грантов начинающим предпринимателям в рамках программы «Шаг за шагом» и оказывающий услугу по бизнес-инкубированию резидентов – начинающих предпринимателей;
- ЕвроИнфоКорреспондентский Центр (ЕИКЦ), который принимает участие в выставках, конференциях, круглых столах, рабочих встречах, региональных тренингах, а также в бизнес-миссиях, ориентированных на развитие сотрудничества с предпринимателями из соседних государств – Норвегии и Финляндии. Кроме того, ЕИКЦ на бесплатной основе оказывает информационно-консультационную поддержку малого и среднего бизнеса и содействует развитию межрегионального и международного сотрудничества между субъектами МСП.

В области принят закон «О содействии развитию и государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Мурманской области» от 27 мая 2008 г. № 977-01-ЗМО [4] и действует программа «Развитие малого и среднего предпринимательства, стимулирование инноваций в Мурманской области».

Ежегодно Мурманская обл. принимает участие в конкурсе, проводимом Минэкономразвития России по отбору субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета для оказания государственной поддержки субъектам МСП. В 2013 г. по результатам такого конкурса в область поступило 87.2 млн руб., что на 8.2 млн руб. больше, чем годом ранее. С учетом областных средств на реализацию мероприятий поддержки МСП в 2013 г. направлено 138.8 млн руб., или на 11 млн руб. больше, чем в 2012 г. [5]. Наиболее востребованным видом государственной поддержки является предоставление микрозаймов, гарантий (поручительств), субсидий на возмещение части затрат, а также предоставление грантов начинающим предпринимателям на создание собственного бизнеса.

Материалы Комитета промышленности и предпринимательства Мурманской обл. позволяют оценить масштабы реализации системы субсидирования в регионе. По результатам работы программы микрофинансирования в 2013 г. предоставлено 114 займов на общую сумму 76.6 млн руб. [3]. Преимущество микрозаймов перед банковским кредитованием состоит в более низкой процентной ставке. Основное целевое назначение займов – приобретение оборудования и транспорта, ремонтно-строительные работы. Программы микрофинансирования оказывают положительное влияние на финансово-хозяйственную деятельность организаций, пользующихся этим видом поддержки. Так, за 2013 г. выручка этих предпринимателей увеличилась на 42.8 млн руб. (или на 11 %), среднесписочная численность работников – на 61 чел. (или на 9.5 %); среднемесячная заработная плата – на 6 тыс. руб. (или на 46 %), сумма уплаченных налогов – на 800 тыс. руб. (или на 7.3 %).

В случае недостаточного обеспечения кредита при банковском кредитовании заемщикам предоставляется финансовая поддержка в виде поручительства регионального гарантийного фонда. В 2013 г. предоставлено 60 поручительств на 190.1 млн руб., что позволило привлечь кредиты на 453.8 млн руб., т. е. на 1 руб. гарантии приходится 2.4 руб. кредитных средств коммерческих банков, привлеченных в сектор малого предпринимательства с помощью государственной поддержки [3].

Данная поддержка оказывает положительное влияние на деятельность организаций. Так, в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом выручка предпринимателей увеличилась на 53.5 млн руб. (или на 1.5 %), среднесписочная численность работников – на 8 чел. (или на 1 %), сумма уплаченных налогов – на 600 тыс. руб. (или на 1.2 %), среднемесячная заработная плата сохранилась на уровне 17 тыс. руб. [3].

Финансовая поддержка в виде субсидирования затрат реализуется в Мурманской обл. в течение 7 лет. Возмещаются такие затраты, как уплата процентной ставки по кредитам, договорам финансовой аренды (лизинга), по обеспечению энергоэффективности предприятий, подключению к электросетям. По состоянию на 1 января 2014 г. за счет средств областного и федерального бюджетов распределено 154 субсидии на 35.5 млн руб. Наибольшим спросом в 2013 г. пользовалось субсидирование лизинговых договоров, что говорит о стремлении предпринимателей расширять и модернизировать свои производства, о желании снизить издержки и увеличить производительность труда. Проведенный анализ эффективности расходования бюджетных средств, предназначенных для возмещения части затрат, показал, что на 1 руб. субсидий в бюджет вернулось в виде уплаченных налогов в 2012 г. – 5.30 руб., в 2013 г. – 6.33 руб.

Для поддержки начинающих предпринимателей в рамках программы «Шаг за шагом» предоставляются стартовые гранты. Программой предусматривается проведение тренинг-курсов «Начинающий предприниматель» в различных городах Мурманской обл., слушателями которых являются граждане, желающие создать собственный бизнес. Начинаящие предприниматели участвуют в конкурсе бизнес-планов, победители которого получают стартовый грант на открытие собственного бизнеса (до 600 тыс. руб. на одного субъекта социального предпринимательства, до 500 тыс. руб. на одну малую инновационную компанию, от 300 тыс. руб. остальным начинающим предпринимателям).

В 2013 г. прошли обучение 810 чел. Были проведены 5 конкурсов бизнес-планов и победителям конкурса из средств областного и федерального бюджетов назначено к выплате 102 стартовых гранта в сумме 37.8 млн руб. Мониторинг деятельности начинающих предпринимателей в течение двух лет с момента получения гранта показал следующие результаты: по состоянию на 31 декабря 2013 г. субъектами МСП, которые воспользовались данным видом государственной поддержки, создано 160 рабочих мест; среднемесячная заработная плата составила 13.3 тыс. руб.; отчисления во внебюджетные фонды – 7.4 млн руб.; объем уплаченных налогов – 13.0 млн руб.; объем выпуска продукции (услуг) – 109.7 млн руб. Бизнес-проекты 220 начинающих предпринимателей позволили получить выручку на 31.0 млн руб. больше, чем общий объем субсидий, предоставленных этим предпринимателям. На 1 руб. выплаченной субсидии произведено продукции, выполнено работ, оказано услуг на 1.4 руб. Кроме того, за два года реализации проектов 26 % средств субсидий вернулись в бюджет в виде налогов и отчислений во внебюджетные фонды [3].

Таким образом, оказываемые меры государственной поддержки востребованы субъектами МСП и дают определенный положительный эффект, что подтверждает тенденция к росту показателей развития малого бизнеса за последние три года (табл. 1).

Развитие малого и среднего предпринимательства Мурманской обл.
за период 2010-2013 гг. и I полугодие 2014 г. [2]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	I полугодие 2014 г.
Количество действующих МСП, ед.	6195	6217	6198	6049	5938
Число индивидуальных предпринимателей, ед.	14536	21942	21123	18054	17907
Средний размер заработной платы одного работника МСП, руб.	17447	19500	22129	24806	26071
Оборот МСП, млрд руб.	140.6	134.0	135.2	147.5	88.8
Оборот МСП на душу населения, тыс. руб.	176.8	168.7	171.6	189.0	115.2
Средний объем оборота МСП в расчете на одно МСП, млн руб.	22.7	21.6	21.8	24.2	15.0
Объем налогов, поступивших в консолидированный бюджет региона от субъектов МСП, млн руб.	1083.2	1432.6	1775.5	1837.0	1182.0
Общий объем инвестиций МСП в основной капитал, млрд руб.	2.400	2.368	1.630	1.200	0.700
Средний объем инвестиций в основной капитал в расчете на одно МСП, млн руб.	0.387	0.381	0.263	0.197	0.118

Необходимо заметить, что в анализируемом периоде ставка ЕСН была увеличена с 26 до 34 %, а с 1 января 2013 г. налоговые платежи и отчисления во внебюджетные фонды повысились практически в 2 раза. В подобной ситуации многие предприятия вынуждены уходить в теневой сектор и сокращать зарплату персоналу [6]. Число действующих в Мурманской обл. малых и средних предприятий к середине 2014 г. уменьшилось на 4.1 % по сравнению с 2010 г.

Однако, несмотря на сокращение количества хозяйствующих субъектов МСП, их деятельность стала более эффективной, о чем свидетельствует рост объемов оборота как в целом по субъектам МСП, так и в расчете на одно предприятие. Рост оборотов позволил предпринимателям увеличить заработную плату своим работникам с 17 447 в 2010 г. до 26 071 руб. (или на 49 %) в 2014 г. (табл.1).

Выросли ежегодные поступления в консолидированный бюджет Мурманской обл., чего не скажешь об объемах инвестиций в развитие малых и средних предприятий, которые ежегодно сокращаются и в целом по субъектам МСП, и в расчете на одно предприятие.

Микро- и малые предприятия составляют подавляющее большинство в субъектах МСП по количеству предприятий, по численности занятых на них работников, по обороту и по объему инвестиций (табл.2), при этом около 80 % от общего числа малых предприятий составляют микропредприятия.

Мурманская обл. занимает одно из последних мест среди всех регионов Российской Федерации по показателю объема инвестиций в основной капитал малых предприятий, исчисленному на душу населения. Это свидетельствует о том, что система субсидирования, реализуемая в регионе, имеет ограниченные масштабы и не способна стимулировать долгосрочные вложения в бизнес.

В Мурманской обл. действует около 6 тыс. малых и средних предприятий, а также более чем 18 тыс. индивидуальных предпринимателей (табл.1), но участниками процесса субсидирования стал очень узкий круг субъектов МСП: в 2013 г. было выплачено 154 субсидии и 102 стартовых гранта. Таким образом, несмотря на принятые региональным правительством программы поддержки малого предпринимательства и осведомленности малого бизнеса о них, участниками государственных программ стали лишь 7 % общего числа субъектов МСП области.

Что же мешает созданию благоприятного предпринимательского климата в регионе? Т. И. Барашева в статье «Что препятствует развитию малого бизнеса: взгляд предпринимателей Мурманской области» [8] подробно анализирует мнение предпринимателей, высказанное в ходе опроса. Итак, по мнению предпринимателей, развитию бизнеса мешают:

- административные барьеры в сфере арендных отношений (высокая арендная плата, ограниченная доступность земельных участков, промышленных и складских помещений, постоянный рост кадастровой стоимости земли, коррупция при выделении земельных участков);

- проблемы в сфере энергообеспечения (низкая доступность новых энергетических мощностей, чрезмерно высокая стоимость подключения к электросетям и прочим коммуникациям, высокие тарифы на электроэнергию, технологические сложности, распространение коррупции в данной сфере);
- сложность в выстраивании отношений руководителей предприятий с Пенсионным фондом, налоговой и ветеринарной службами, Россельхознадзором, другими разрешающими и контролирующими органами;
- ограниченное участие представителей малого бизнеса в обязательных аукционах, конкурсах для государственных и муниципальных нужд.

Таблица 2

Развитие субъектов МСП Мурманской обл. [3, 7]

Показатель	Тип предприятия	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	I полугодие 2014 г.
Число зарегистрированных предприятий, ед.	Малые	9073	6129	6127	5982	5784
	<i>в т. ч. микро-</i>	7704	4919	4835	4753	4753
	Средние	116	88	71	67	154
	Всего	9189	6217	6198	6049	5938
Число предприятий, осуществляющих деятельность, ед.	Малые	6080	6129	6127	5982	5784
	<i>в т. ч. микро-</i>	4753	4919	4835	4753	4753
	Средние	115	88	71	67	154
	Всего	6195	6217	6198	6049	5938
Занято работников, тыс. чел.	Малые	64	54	52	52	48
	<i>в т. ч. микро-</i>	21	17	16	16.2	16.2
	Средние	13	12	9	13	19
	Всего	77.6	65.9	60.4	65.5	66.8
Оборот предприятий, млрд руб.	Малые	99.6	94.8	102.5	112.3	69.3
	<i>в т. ч. микро-</i>	33.5	30.9	31.3	34.7	34.7
	Средние	41.0	39.2	32.7	35.2	19.5
	Всего	140.6	134.0	135.2	147.5	88.8
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	Малые	2.0	0.5	0.7	0.7	0.3
	<i>в т. ч. микро-</i>	1.7	0.2	0.3	0.5	0.2
	Средние	0.4	1.7	0.7	0.5	0.2
	Всего	2.400	2.368	1.630	1.200	0.700

Кроме того, существует низкая вовлеченность предпринимателей в государственные программы поддержки, а именно: неуверенность в достижении положительного результата, большой объем требуемых для участия в программе документов, длительность их оформления [1, 8].

Для улучшения условий предпринимательства начиная с 2014 г. региональным правительством принимаются дополнительные меры помощи субъектам МСП [4, 9]:

- введена новая форма государственной финансовой поддержки – предоставление субсидий на покрытие затрат, связанных с удорожанием товаров, работ, услуг;
- предусмотрены специальные субсидии на развитие социального предпринимательства;
- изменены условия получения стартовых грантов начинающими предпринимателями (если прежде рассчитывать на них могли лишь те, кто прошел специальное обучение в бизнес-инкубаторе, то теперь люди, имеющие высшее юридическое или экономическое образование, могут претендовать на такие гранты без него).

Кроме того, планируется сократить процесс подключения новых потребителей к сетям с 328 до 45 дней в 2015 г. и до 40 дней в 2018 г.

На федеральном уровне также принимаются дополнительные меры поддержки предпринимателей. В антикризисном плане Правительство РФ предусмотрело увеличить в 2 раза предельные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг) для отнесения предприятий к категории субъектов малого или среднего предпринимательства, предоставить право субъектам РФ снижать ставки налога для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, с 6 до 1 %, а также ввести ещё ряд налоговых льгот [10].

В октябре 2014 г. в Государственную думу внесен законопроект об изменениях статьи 12 части первой и главы 26.2 и 26.5 части второй Налогового кодекса, который будет действовать, начиная с 2015 г. в течение 6 лет. В соответствии с законопроектом, субъекты РФ смогут уменьшать предельные размеры ограничений по доходам, остаточной стоимости основных средств и средней численности работников, дающие право перехода на упрощенную систему налогообложения и ее применение. Если в регионе будут снижены лимиты по упрощенной системе налогообложения, то, согласно законопроекту, понижение будет применяться и к лимиту по доходам при патентной системе налогообложения.

Это затронет виды предпринимательской деятельности, предусмотренные подпунктами 19, 45, 46 пункта 2 статьи 346.43 Налогового кодекса, в том числе:

- сдачу в аренду (наем) жилых и нежилых помещений, дач, земельных участков, принадлежащих индивидуальному предпринимателю на праве собственности;
- розничную торговлю через объекты стационарной торговой сети с площадью торгового зала не более 50 м² по каждому объекту организации торговли;
- розничную торговлю через объекты стационарной торговой сети, не имеющие торговых залов, а также через объекты нестационарной торговой сети.

Предложенные поправки предполагают право регионов открывать двухлетние налоговые каникулы индивидуальным предпринимателям, которые впервые зарегистрировались и перешли на упрощенную или патентную систему налогообложения.

Перечисленные меры не могут не вселять определенного оптимизма, однако они не устраняют главных препятствий на пути развития малого бизнеса. По-прежнему остается высокой процентная ставка при кредитовании субъектов МСП. Если, например, в соседней Норвегии она составляет 4 % годовых, в Таиланде – 0.2 %, то в России она составляет порядка 18-20 %, а после повышения ставки Центробанка в конце 2014 г. – ещё выше.

Арендная плата за последние 7 лет выросла в 30 раз, что часто является главной причиной, по которой предприниматели вынуждены закрывать бизнес. Арендодатели практически являются монополистами, которых никто не контролирует.

Слабо идёт борьба с коррупцией, которую предприниматели считают, к сожалению, неизбежной и неистребимой.

Кроме того, созданы неравноправные конкурентные условия для малого и крупного бизнеса в сфере торговли. Так, если в ряде крупных российских городов сетевые магазины выведены на окраину города и цены там значительно ниже, что позволяет субъектам МСП организовывать свои торговые точки в центре с небольшой наценкой. В Мурманске ситуация ровно противоположная. Все крупные сетевые компании (например, «Евророс») расположены как раз в шаговой доступности, что лишает МСП возможности занять эту нишу.

Несмотря на то, что Президент России В. В. Путин периодически настаивает на прекращении «кошмарить бизнес», контролирующие структуры, такие как Роспотребнадзор, по-прежнему проводят частые несанкционированные проверки.

Поэтому очень важно, чтобы как на федеральном, так и на региональном уровне были реализованы не только намеченные меры по созданию благоприятных экономических условий для развития малого предпринимательства, но и постоянно предпринимались ещё более активные действия.

Литература

1. В Мурманской области малый и средний бизнес ждут лучшие перспективы. Мурманск, 2013. URL: <http://www.hibiny.com/news/archive/48898>.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели: каталог публикаций / Росстат. 2014. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/
3. Информация о развитии малого и среднего предпринимательства и эффективности поддержки в Мурманской области: аналит. информация / Комитет развития промышленности и предпринимательства Мурманской обл. URL: http://krpp.gov-murman.ru/activities/buss_devel/sub03/ (дата обращения: 08.12.2014).
4. О содействии развитию и государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Мурманской области: закон Мурманской обл. от 27 мая 2008 г. № 977-01-ЗМО (ред. от 08.04.2014): принят Мурманской обл. думой 12 мая 2008 г. // Ведомости Мурманской областной думы: информ. бюл. 2008. 18 окт. (№ 88). С. 231-238.

5. Отчет о социально-экономическом положении Мурманской области за 2013 г. Мурманск, 2014. URL: <http://minec.gov-murman.ru/upload/iblock/7c1/5.pdf>.
6. В Мурманской области 49 предприятий платят «теневую» зарплату. Мурманск, 2014. URL: <http://murmansk.bezformata.ru/listnews/murmanskoj-oblasti-49-predpriyatij-platyat/21712382/>.
7. Основные показатели деятельности малых и микропредприятий Мурманской области в 2011-2013 годах. Мурманск, 2013. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/.
8. Барашева Т. И. Что препятствует развитию малого бизнеса: взгляд предпринимателей Мурманской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С.140-150.
9. О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Мурманской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Мурманской области: закон Мурманской обл. от 8 апреля 2014 г. № 1723-01-ЗМО. Мурманск, 2014. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW087;n=49424>.
10. Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году: распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р. 2015. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/40555.html>.

References

1. V Murmanskoy oblasti malyy i srednij biznes zhdet luchshie perspektivy, Murmansk, 2013. Available at: <http://www.hibiny.com/news/archive/48898> (In Russ.).
2. Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli: katalog publikacij. Rosstat, 2014. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ (In Russ.).
3. Informaciya o razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva i ehffektivnosti podderzhki v Murmanskoy oblasti: analiticheskaya informaciya. Komitet razvitiya promyshlennosti i predprinimatel'stva Murmanskoy oblasti. Available at: http://krpp.gov-murman.ru/activities/buss_devel/sub03/ (In Russ.).
4. O sodejstvii razvitiyu i gosudarstvennoj podderzhke malogo i srednego predprinimatel'stva v Murmanskoy oblasti: zakon Murmanskoy oblasti ot 27.05.2008 No. 977-01-ZMO (red. ot 08.04.2014) (prinyat Murmanskoy oblastnoj Dumoj 12.05.2008). *Vedomosti Murmanskoy oblastnoj Dumy. Informacionnyj byulleten'*, 2008, 18 october (no. 88), pp. 231-238. (In Russ.).
5. Otchet o social'no-ehkonomicheskom polozhenii Murmanskoy oblasti za 2013 god, Murmansk, 2014. Available at: <http://minec.gov-murman.ru/upload/iblock/7c1/5.pdf> (In Russ.).
6. V Murmanskoy oblasti 49 predpriyatij platyat "tenevuyu" zarplatu. Available at: <http://murmansk.bezformata.ru/listnews/murmanskoj-oblasti-49-predpriyatij-platyat/21712382/> (In Russ.).
7. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti malyh i mikropredpriyatij Murmanskoy oblasti v 2011-2013 godah. Available at: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/ (In Russ.).
8. Barasheva T. I. Chto prepyatstvuet razvitiyu malogo biznesa: vzglyad predprinimatelej Murmanskoy oblasti. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2014, no. 3 (33), pp.140-150. (In Russ.).
9. O gosudarstvennoj podderzhke innovacionnoj deyatel'nosti na territorii Murmanskoy oblasti i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Murmanskoy oblasti: zakon Murmanskoy oblasti ot 08.04.2014 № 1723-01-ZMO. Available at: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW087;n=49424> (In Russ.).
10. Ob utverzhdenii plana pervoocherednyh meropriyatij po obespecheniyu ustojchivogo razvitiya ehkonomiki i social'noj stabil'nosti v 2015 godu: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 27.01.2015 No. 98-r. Available at: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/40555.html> (In Russ.).

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ ТРУДОСПОСОБНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КАНДАЛАКША)

И. В. Смирнова

студентка кафедры философии и социальных наук

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются причины возникновения бедности трудоспособного населения города Кандалакша Мурманской обл. и способы ее сокращения. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в данном населенном пункте основным фактором, влияющим на причины возникновения бедности, является экономический. Он включает в себя безработицу, нехватку рабочих мест, низкую заработную плату, а также сокращение персонала. Основной стратегией преодоления бедности является обеспечение себя собственными продуктами питания, при этом молодежь также предпочитает находить дополнительные источники заработка, а более взрослое население – одалживать деньги у родных и друзей или брать кредиты.

Ключевые слова: бедность, неравенство, трудоспособное население, стратегии преодоления бедности.

POVERTY REDUCTION STRATEGY OF THE WORKING-AGE POPULATION (CASE STUDY OF THE TOWN OF KANDALAKSHA)

I. V. Smirnova

Student, Department of Philosophy and Social Sciences

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract. This paper examines the causes that contribute to the emergence of such problems as poverty among the adult working-age population in the town of Kandalaksha in the Murmansk region, and as a consequence, on this basis, identify ways to reduce it. Results of the study show that in this town the main factor causing poverty is the economic factor. It includes unemployment, lack of jobs, low wages and a reduction in staff. The conclusions are that the residents experience financial difficulties. Therefore, the main strategy to overcome poverty is to provide themselves with food, but young people also prefer additional income and more adult population borrow money, take loans.

Keywords: *poverty, inequality, working-age population, poverty reduction strategy.*

Бедность является мировой проблемой, но в современной России, ввиду сложившейся экономической ситуации, этот вопрос стал особенно актуальным. Из-за экономических реформ, происходящих в течение последних лет, серьезно изменилась социальная структура. Произошло стремительное социальное расслоение, появились очень богатые и крайне бедные граждане. Подавляющее большинство людей лишились работы и социальной защиты государства, им пришлось приспособиться к жизни в условиях рыночной нестабильности, ведь состояние бедности не позволяет социуму реализовать свои потенциальные возможности, следовательно, и развиваться. Из-за сложившихся обстоятельств в России сегодня наблюдается тенденция пополнения рядов бедных за счет экономически активного населения. Большинство лиц данной категории – это семьи трудоспособных, как правило работающих людей (заработная плата нередко им только начислена, но вовремя не выплачена), для них характерно противоречивое сочетание низкого уровня дохода при включенности в производственный процесс. Хотя в последнее десятилетие можно наблюдать, что реальные доходы россиян растут, а численность трудоспособного населения с доходами ниже прожиточного минимума уменьшается, разрыв между уровнями потребления различных групп трудоспособного населения россиян все еще значителен. Так, 5 апреля 2015 г. Росстат опубликовал предварительные данные по количеству россиян, чьи денежные доходы оказались ниже величины прожиточного минимума. По подсчетам статистического ведомства, в 2014 г. таковых оказалось 16.1 млн чел. Таким образом, за чертой бедности оказались 11.2 % россиян.

Источником возникновения трудового неравенства стали российские экономические реформы, влекущие за собой уменьшение размеров заработной платы, сокращение рабочего времени, потерю работы, рост безработицы, сокращение государственных расходов и т. п. Становится все более ясным, что без снижения уровня бедности и ликвидации крайних форм ее проявления невозможно достичь повышения качества человеческого капитала и экономического роста, а также создать предпосылки для расширения социальной базы модернизации и роста производительности труда.

Все это можно заметить на примере города Кандалакша Мурманской обл. Кандалакша – город с населением 32945 чел. (2015 г.). Расположен на берегу Кандалакшского залива Белого моря, в 200 км к югу от Мурманска. Является крупным транспортным узлом: через него проходят автомобильная дорога Санкт-Петербург – Мурманск и Октябрьская железная дорога. На данный момент функционируют такие предприятия, как Кандалакшский морской торговый порт, Локомотивное депо, Кандалакшский алюминиевый завод, каскад Нивских ГЭС. В 2015 г. Кандалакша вошла в список городов Мурманской обл., где наблюдается самая высокая безработица в регионе (так, на 01.01.2015 г. на учете в службе занятости населения состояло 867 чел., из них признано безработными 793 чел.; на 01.04.2015 г. – 1152 чел., из них признаны безработными 919 чел.; численность зарегистрированных безработных граждан с начала года увеличилась на 14 %. На 01.04.2015 г. удельный вес безработных в численности трудоспособного населения составил 3.5 %, на 01.04.2014 г. – 2.9 %). Также в городе наблюдается снижение уровня заработной платы, происходят массовые увольнения (по состоянию на апрель 2015 г. от 26 предприятий и организаций поданы сведения о предстоящем увольнении по ликвидации организации, сокращении численности работников на 133 чел., в т. ч. 59 пенсионеров) [1]. В 2014 г. массовое высвобождение работников уже было зарегистрировано на таких предприятиях, как ООО «Морской порт «Витино», ЗАО «Беломорская нефтебаза», обособленное подразделение ООО «Каскад-Трейд», в военной части № 55443. Всего в 2014 г. службой занятости получены сведения от 41 предприятия на увольнение 1155 работников [2].

Все это приводит к тому, что в социально-экономическом развитии Кандалакшского района продолжают преобладать следующие проблемы: дифференциация территории по уровню безработицы; территориальное несоответствие спроса и предложения рабочей силы (вакансии сосредоточены в городе Кандалакше, в поселках предложение значительно превышает спрос); низкое качество рабочей силы; низкая конкурентоспособность категорий граждан – молодежи, инвалидов, лиц, частично утративших трудоспособность, длительно не работавших; преобладающее большинство функционирующих экономических объектов являются филиалами, которые не заинтересованы в сохранении и развитии персонала, предлагая ему «серые» заработные платы, предварительные стажировки без оплаты труда и оформления трудовых отношений; нехватка рабочих мест; закрытие, банкротство предприятий; массовое сокращение персонала; трудности с трудоустройством молодых специалистов и т. д. Это говорит о проблемном характере современной социальной региональной политики в сфере занятости и социальной защиты, влекущей за собой возрастание масштабов безработицы и объективное ухудшение условий и качества жизни граждан, что, в свою очередь, приводит к бедности среди трудоспособного населения.

В числе основных факторов, которые ухудшают статус бедных категорий трудоспособного населения:

- уменьшение зарплаты;
- сокращение рабочего времени;
- рост безработицы;
- сокращение государственных расходов.

Стоит отметить, что повышение минимальной оплаты труда может иметь положительное влияние на сокращение масштабов бедности среди трудоспособного населения, но все-таки способно оказать негативное воздействие на общую динамику рабочих мест. С другой стороны, реальность такова, что бедность среди трудоспособного населения способна толкать его в неформальный (теневой) сектор экономики, на получение «серой» зарплаты и другие криминальные виды экономической активности, что также необходимо учитывать. Особенно уязвимы социально-трудовые позиции молодежи. Так, по данным социологических исследований, молодежь региона испытывает проблемы с трудоустройством, нуждается в хорошо оплачиваемой работе [3, с. 139; 4, с. 18].

Данная проблема не осталась незамеченной среди российских исследователей. Так, по мнению В. Бобкова, «к оценке уровня бедности необходимо подходить с более широких позиций... Измерение уровня бедности следует дополнить оценкой обеспеченности жилищем, так как прожиточный минимум предполагает и содержание имеющегося жилья» [5]. Проблема обеспеченности жильем актуальна и для населения региона. Так, по группе молодых северян жилищные проблемы занимают одну из лидирующих позиций в рейтинге основных проблем жизнедеятельности [3, с. 139-140].

Е. В. Чуева предлагает типологизацию экономического поведения беднейших слоев населения, где рассматриваются тактики поведения для предотвращения проблемы бедности,

характерные для человека, движимого ценностями «общества потребления» [6]. В центре исследовательского интереса – анализ индивидуальных экономических практик, носящих зачастую неформальный характер и работающих на процесс удовлетворения материальных потребностей. В данном исследовании под экономическими тактиками выживания понимается система достижения повседневных целей, включающая представления об ожидаемом результате, доступных средствах его достижения и практических навыках, необходимых для этого.

Экономические тактики:

- «человек экономический» в рамках рыночной экономики;
- «человек потребляющий»;
- «человек традиционный».

В чистом виде реализация того или иного типа встречается редко, напротив, часто можно наблюдать совмещение нескольких тактик или переходные формы от одной к другой [6].

Л. Ф. Каримова в рамках исследования «Работающие бедные и стратегии, направленные на их сокращение» провела анализ особенностей социально-экономического положения работающих бедных и мер, направленных на их сокращение [7]:

- депрофессионализация – отказ от квалифицированного труда в пользу неквалифицированного;
- переход к натуральному хозяйству;
- поиск дополнительного заработка.

Перечисленные стратегии ориентированы на сохранение или лишь минимальное улучшение материального положения [7]. Посредством изучения экономических стратегий выживания простых людей, их трансформаций можно уловить и понять социальные изменения, характерные для современности. Так, по мнению Л. Ф. Каримовой, характерной чертой бедности в России является то, что в числе бедных в нашей стране оказываются и работающие люди социально важных профессий, например, таких как врач, преподаватель и т. п., которые ведут «социально одобряемый образ жизни». Следовательно, основные усилия на сегодняшний день должны быть направлены не столько на борьбу с «синдромом бедности», сколько на создание условий для выхода из «круга бедности» тех, кто этим синдромом никогда и не страдал, а именно – трудоспособного населения.

Следует отметить, что теоретическая характеристика сущности, выявление причин, способствующих появлению бедности значительной части трудоспособного населения, а также механизмов уменьшения удельного веса бедного трудоспособного населения являются актуальнейшими вопросами для изучения. В связи со сложившейся ситуацией необходимо обратить внимание на изучение причин, способствующих появлению бедности среди трудоспособного населения и выявить стратегии по улучшению материального положения жителей г. Кандалакша Мурманской обл. Так, наиболее предпочтительным для изучения поставленных задач будет являться «общественная экспертиза», базирующаяся на социологических методах получения информации. Преодоление бедности по субъективному критерию играет ключевую и важную роль, которую и необходимо исследовать и принимать во внимание.

Цель исследования, проведенного автором, заключалась в том, чтобы выяснить причины возникновения бедности трудоспособного населения г. Кандалакша и определить основные способы ее сокращения.

Задачи исследования:

1. Выявить представления граждан о своем уровне материального положения.
2. Выяснить причины бедности в городе Кандалакша.
3. Определить стратегии, направленные на сокращение бедности.

Объект исследования – трудоспособное население в возрасте от 18 до 60 лет, зарегистрированное в г. Кандалакша.

Предмет исследования – механизмы преодоления бедности.

Исследование носило пилотажный характер. Всего было опрошено 100 человек, 50 мужчин и 50 женщин. Метод сбора данных – личное стандартизированное интервью по месту жительства и личное полустандартизированное интервью. Инструмент – анкета и гайд. Тип исследования – выборочное; тип выборки – комбинированная (районированная с квотами по полу и возрасту). Обработка и статистический анализ данных велись с применением программного обеспечения SPSS.

В ходе исследования при изучении стратегий преодоления бедности жителей города Кандалакша исследуемая группа была разбита на 2 основные подгруппы по субъективному показателю – «бедные» (12 чел.) и «небедные» (74 чел.) (рис.1).

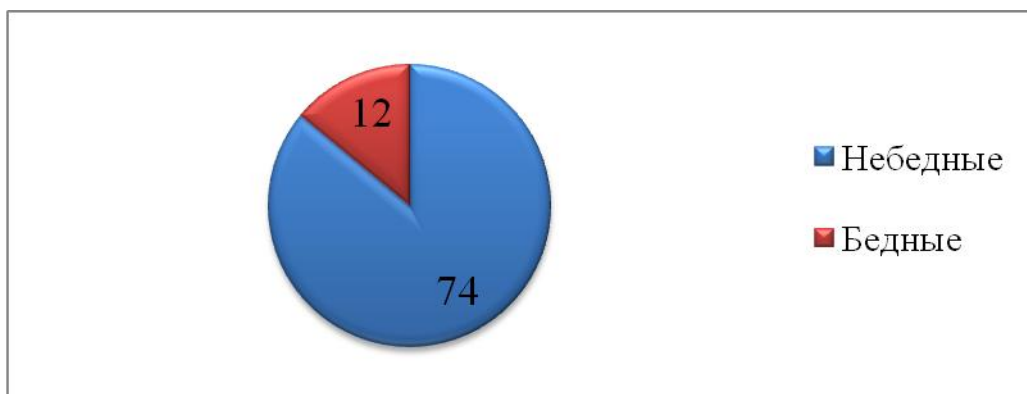

Рис.1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Могли бы Вы отнести себя к категории бедных людей?»

Бедные разделились на «абсолютно бедных» (доход ниже прожиточного минимума, 4 чел.) и «субъективно бедных» (тех, кто сам себя относит к данной категории, 12 чел.) (рис.2).

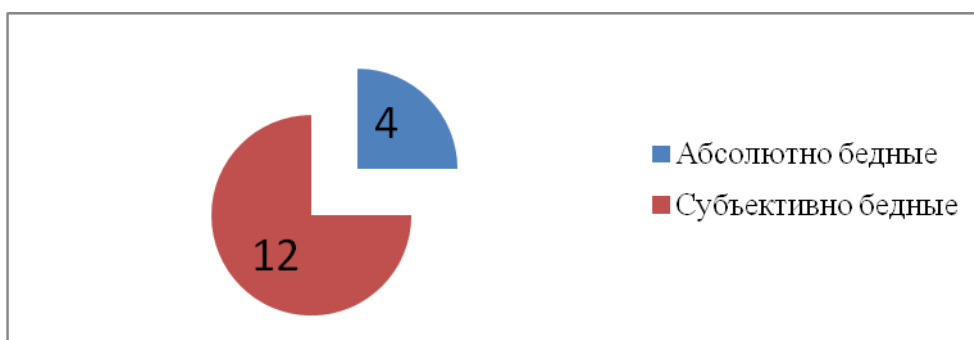

Рис.2. Распределение респондентов на «абсолютно» и «субъективно бедных»

В результате был проведен сравнительный анализ данных групп.

«Абсолютно бедных» 4 чел.: 3 мужчины и 1 женщина (возраст от 18 до 60 лет). Социальную категорию указали лишь 2 чел. – 1 мужчина (учащийся, студент) и 1 женщина (квалифицированный работник). Их образование: 2 мужчины и 1 женщина имеют среднее (полное) общее образование и 1 мужчина – неполное высшее образование.

«Субъективно бедных» 12 чел.: 8 мужчин (66.7 %) и 4 женщины (33.3 %) в возрасте от 18 до 60 лет, из них 41.7 % – лица в возрасте от 50 до 60 лет. Средний возраст – 46 лет. Больше половины – квалифицированные работники (7 чел., или 58.3 %). Образование – 6 чел. (50 %) имеют среднее специальное образование.

«Небедных» 74 чел.: 38 мужчин (51.4 %), 36 женщин (48.6 %) в возрасте от 18 до 60 лет. Почти каждый третий (29.7 %) «небедный» – это респондент в возрасте от 50 до 60 лет; 27 % «небедных» – лица в возрасте от 18 до 29 лет. Средний возраст респондентов в данной группе – 39 лет. Представляют все социальные категории, но больше всего лиц во всех возрастных категориях мужчин и женщин:

- 1) квалифицированные рабочие – 21 чел. (28.4 %);
- 2) специалисты с высшим образованием – 21 чел. (28.4 %).

Можно предположить, что чем выше статус социальной категории и чем выше ступень образования респондентов, тем ниже вероятность отнесения к классу бедных.

У «абсолютно бедных» респондентов доход представлен величиной, не превышающей одного размера прожиточного минимума от 2.5 до 15 тыс. руб. У «субъективно бедных» медиана признака «доход» – 25 тыс. руб., модальный интервал – от 21 до 30 тыс. руб. (41.7 %). По группе «небедных» респондентов имеют средний доход по моде – 60 тыс. руб., медиана – 47.5 тыс. руб.; модальный интервал – от 71 тыс. руб. и выше. Это свидетельствует о том, что чем выше уровень дохода, тем меньше вероятность отнесения себя к категории бедных (рис.3).

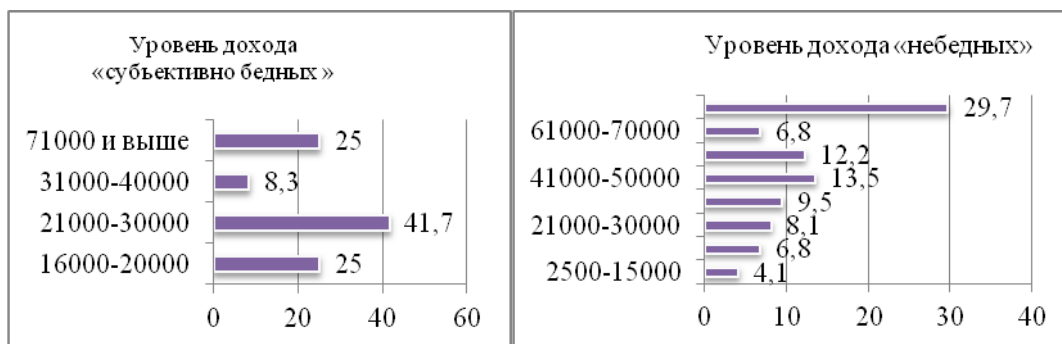

Рис.3. Уровень дохода респондентов, руб.

Говоря о своем материальном положении, «абсолютно бедные» утверждали, что им «в основном хватает» (3 чел. – 75 %), «субъективно бедные» отмечали, что «на ежедневные расходы хватает, но покупка одежды представляет трудности» (9 чел. – 75 %), а «небедные» – «в основном хватает» (43 чел. – 58.1 %) и «могут ни в чем не отказывать» (8 чел. – 10.8 %).

Анализируя занятость респондентов, отметим следующее. В группе «абсолютно бедных» работает только женщина (сфера образования, младший воспитатель), мужчины не работают.

Категория «субъективно бедные»: две трети работают (как мужчины, так и женщины – по 4 человека, неработающие в данной категории только мужчины – 4 чел. (33.3 %) (рис.4).

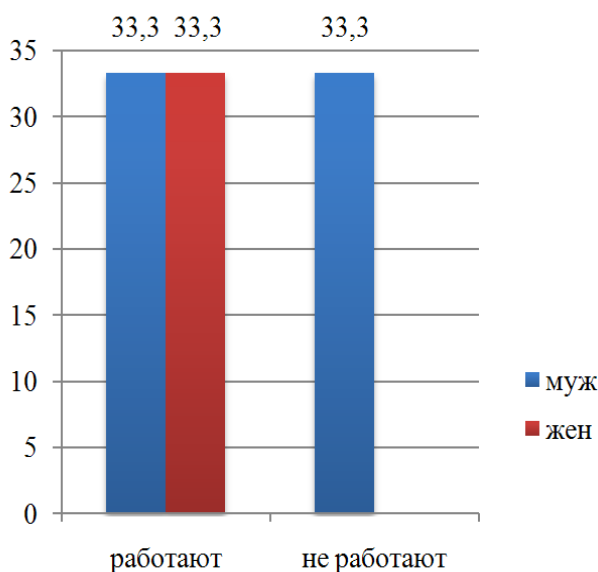

Рис.4. Занятость «субъективно бедных»

В группе «небедных» работающих 59 чел. (79.7 %): 31 мужчина (52.5 %) и 28 женщин (47.5 %). Не работает каждый пятый (15 чел. – 20.3 %): 7 мужчин (46.7) и 8 женщин (53.3).

Данные о материальном положении, полученные в ходе исследования, позволили сделать следующие выводы.

1. В рейтинге основных источников доходов: заработная плата на постоянном месте работы (53.7 %), пенсии (18.9 %), заработная плата без официального оформления (6.9 %).

2. Жителям в основном хватает средств, но при этом треть из них все же испытывает трудности, так как средний доход составляет 30 тыс. руб. Треть респондентов относят себя к низкообеспеченным гражданам, чей доход не превышает 20 тыс. руб.

3. Доля бедного населения в городе, по мнению жителей, варьируется от 60 до 80 %.

Основной причиной бедности в г. Кандалакша респонденты считают бедность экономическую, связанную с безработицей (66 %), нехваткой рабочих мест (45 %), низкой заработной платой (31 %) и сокращением персонала на предприятиях города (13%) (рис.5).

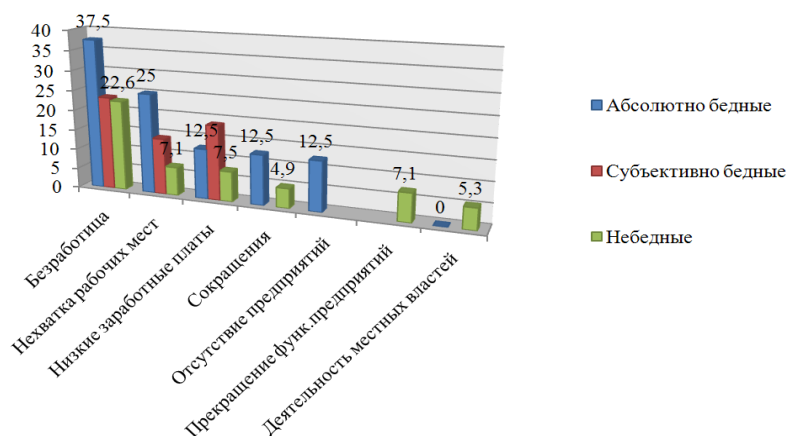

Рис.5. Причины бедности в г. Кандалакша

Все выделяют экономический фактор, при этом как «абсолютно бедные», так и «небедные» включают еще региональные особенности (неразвитая инфраструктура – 12.5 % и прекращение функционирования предприятий – 7.1 %). Группа «небедных» выделила еще и политический фактор (деятельность местных властей – 5.3 %).

Результаты изучения вопроса изменения материального положения показали, что жители в основном не получают каких-либо льгот, материальной помощи, за исключением такой категории, как учащиеся, студенты. Поэтому основными стратегиями преодоления бедности трудоспособного населения (рис.6) являются:

- обеспечение себя собственными продуктами питания (каждый четвертый);
- одалживание денег у родных и знакомых или банковский кредит – 20.9 % (каждый пятый);
- разовые или временные подработки;
- экономия средств (по 14.5 %).

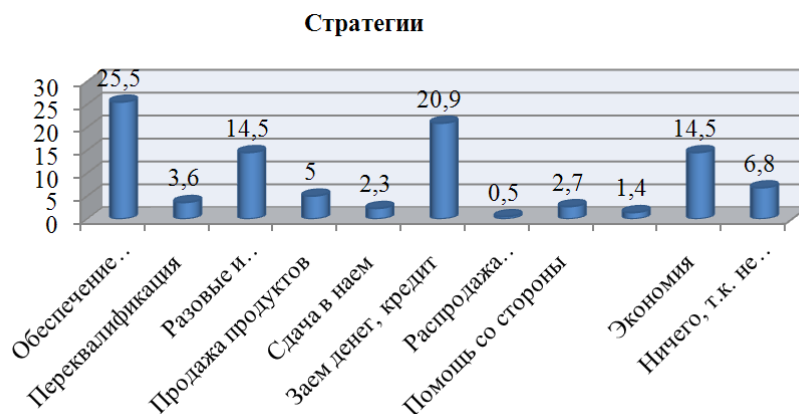

Рис.6. Стратегии преодоления бедности

Говоря о возрастных различиях в стратегиях преодоления бедности, следует отметить, что молодежь предпочитает находить дополнительный заработок, а более взрослое поколение – одалживать деньги у родных, друзей, брать кредиты в банке или пытается экономить.

В рейтинге основных способов изменения материального положения:

- по группе «абсолютно бедных» – экономия и временные, разовые подработки, обеспечение себя продуктами питания, заимствование денег у близких, банковский кредит и помощь;
- по группе «субъективно бедных» – экономия, заимствование денег у близких, кредиты, обеспечение себя продуктами питания, разовые, временные подработки;
- по группе «небедных» – обеспечение себя продуктами питания, заимствование денег у близких, кредиты, разовые, временные подработки, экономия.

Можно констатировать, что, согласно стратегии преодоления бедности, у «бедных» на первом месте – экономия, у «небедных» – обеспечение себя собственными продуктами питания.

Нарастающая в российских городах бедность вызывает серьезную тревогу. Учитывая важность экономически активного населения как источника благосостояния общества в целом, необходимо искоренять причины бедности и обращать внимание на стратегии преодоления данной проблемы, что позволит уловить и понять социальные изменения, характерные для г. Кандалакша, а также принимать соответствующие решения и меры по преодолению острой проблемы в Кандалакше в частности и в Мурманском обл. в целом.

В современном российском обществе следует уделять больше внимание проблемам трудоспособного населения. Правительству необходимо принять соответствующие меры, направленные на перспективу, но при этом нужно учитывать те конкретные экономические стратегии выживания, которые существуют у трудоспособного населения, что в будущем позволит решить данную проблему. Государство должно взять на себя ответственность в развитии Мурманской региона в области финансовой и промышленной политики, чтобы восстанавливались и развивались предприятия и организации, выросла заработная плата, появились новые рабочие места, улучшилось качество жизни населения, были перспективы развития и роста у молодежи и т. п. Кроме прямого регулирования промышленной сферы необходима долгосрочная стратегия развития трудовых ресурсов, которая позволила бы населению строить долговременные планы относительно своей профессиональной деятельности именно в Мурманской обл., в частности в Кандалакше.

Литература

1. Самая высокая безработица отмечена в Апатитах, Кировске и Кандалакше. URL: <http://www.hibiny.com/news/archive/74971> (дата обращения: 31.10.2015).
2. В Кандалакше растет безработица. URL: <http://www.hibiny.com/news/archive/72035> (дата обращения: 31.10.2015).
3. Ключкина Э. С. Качество жизни молодых северян // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 21. С. 136-146. (Гуманитарные исследования. Вып. 5).
4. Ключкина Э. С. Ресурсный потенциал молодой семьи в условиях Кольского Севера: автореферат дис... канд. социол. наук. СПб., 2004. 23 с.
5. Бобков В. Российская бедность: измерение и пути преодоления // Общество и экономика. 2005. № 3. С. 71-78.
6. Чуева Е. В. Экономические тактики повседневного выживания в условиях бедности // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 88-97.
7. Каримова Л. Ф. Работающие бедные и стратегии, направленных на их сокращение // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2014. С. 316-319.

References

1. Samaja vysokaja bezrobotica otmechena v Apatitah, Kirovske i Kandalakshe [The highest unemployment rate recorded in Apatity, Kirovsk and Kandalaksha]. Available at: <http://www.hibiny.com/news/archive/74971> (accessed 31.10.2015). (In Russ).
2. V Kandalakshe rastet bezrobotica [In Kandalaksha rising unemployment]. Available at: <http://www.hibiny.com/news/archive/72035> (accessed 31.10.2015). (In Russ).
3. Kljukina Je. S. Kachestvo zhizni molodyh severjan [Life level of young people living in the Kola North]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija*. [Transactions Kola Science Center RAS. Humanitarian studies], 2014 (21), no. 5, pp. 136-146. (In Russ).
4. Kljukina Je. S. Resursnyj potencial molodoj sem'i v uslovijah Kol'skogo Severa. Avtoreferat dis. ... kand. sociol. nauk [The resource potential of the young family in terms of the Kola North. PhD. Sci (Sociology) diss. abstract], Saint-Petersburg, 2004, 23 p.
5. Bobkov V. Rossijskaja bednost': izmerenie i puti preodolenija [Russian Poverty: measurement and ways to overcome]. *Obshhestvo i jekonomika* [Society and Economy], 2005, no. 3. pp. 71-78. (In Russ).
6. Chueva E. V. Ekonomicheskie taktiki povsednevnogo vyzhivaniya v uslovijah bednosti [Economic daily survival tactics in poverty]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological researches], 2012, no. 4, pp. 88-97. (In Russ.).
7. Karimova L. F. Rabotajushhie bednye i strategii, napravlennyh na ih sokrashhenie [The working poor and strategies aimed at reducing them]. *Social'nye innovacii v razvitii trudovyh otnoshenij i zanjatosti v*

ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ УРОВНЯ УСТОЙЧИВОСТИ РОЖДАЕМОСТИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРА

В. П. Тоичкина,

старший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Аннотация. Приоритетным направлением устойчивого демографического развития регионов Севера является обеспечение положительных процессов воспроизводства населения, в значительной мере обеспечиваемых ростом уровня рождаемости. Программным государственно-управленческим документом управления устойчивым демографическим развитием регионов РФ является Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года. В статье исследуются тенденции изменения уровня устойчивости рождаемости в регионах Севера за 2007-2014 гг. в русле реализации государственной демографической политики по индикатору «суммарный коэффициент рождаемости». Для оценки тенденций устойчивости в среднем в РФ и регионах Севера нами предложена шкала оценки уровня устойчивости индикатора «суммарный коэффициент рождаемости», которая определяет пять уровней пороговых значений: «высокий уровень устойчивости», «устойчивое развитие», «наличие признаков устойчивости (относительно низкий уровень)», «наличие неустойчивости (выход из кризиса в «зону безопасности»)», «абсолютная неустойчивость, кризис». Выявлены позитивные тенденции в изменении уровня устойчивости рождаемости в среднем в РФ и регионах Севера. Появились субъекты с «высоким уровнем устойчивости» для всего населения – Республика Тыва и Ненецкий АО, «устойчивым развитием» – Республика Якутия и Ямало-Ненецкий АО. Уровень устойчивости рождаемости сельского населения в среднем в РФ и в 12 из рассматриваемых нами 13 регионов Севера соответствует «устойчивому развитию» и «высокому уровню устойчивости». Уровень устойчивости показателей, имевших в 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости «абсолютная неустойчивость, кризис» в РФ для всего и городского и в 9 регионах Севера для разных категорий населения, всего городского и сельского, в 2014 г. был преодолен.

Ключевые слова: Север, регион, «суммарный коэффициент рождаемости», устойчивость, шкала оценки.

TENDENCIES IN CHANGES OF THE LEVEL OF BIRTH RATE STABILITY IN REGIONS OF THE NORTH

V. P. Toichkina

Senior Researcher

G. P. Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of the RAS, Apatity, Russia

Abstract. Ensuring positive processes of population reproduction to a large extent provided by growing birth rate are the priority direction of stable demographic development in regions of the North. The “Conception of Demographic Policy of RF for the period to 2025” is the program state document of management of stable demographic development of RF regions. The article studies the tendencies in changing level of birth rate stability in regions of the North for the period of 2007-2014 of implementation of the state demographic policy by the indicator “summary birth rate coefficient”. For evaluation of stability tendencies in Russia on the average and in regions of the North we suggest the scale of evaluation of level of the stability indicator “summary coefficient of birthrate”. The scale determines five levels of threshold values: “high level of stability”, “stable development”, “availability of the signs of stability (relatively low level)”, “availability of signs of instability (going out of the crisis to the “security zone)”, “absolute instability, crisis”. The positive tendencies in changing level of birth rate stability in RF on the average and regions of the North are revealed. There appeared regions with “high level of stability for all population – the Republic of Tyva and Nenets Autonomous Okrug, and with “stable development” – the Republic of Yakutia and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The level of birth rate stability of rural population in RF on the average and in 12 of the studied 13 regions of the North corresponds to “stable development” and “high level of stability”. The level of stability of indicators having in 2006 the summary birth rate coefficient “absolute instability, crisis” in RF for all and urban population in nine regions of the North for different categories (all, urban, and rural) of population was overcome in 2014.

Keywords: the North, region, «summary birth rate coefficient», stability evaluation scale.

Приоритетным направлением устойчивого демографического развития регионов Российской Федерации является обеспечение положительных изменений в постоянно обновляемых процессах

воспроизводства народонаселения, основой которых является естественный прирост населения, в значительной мере обеспечиваемый ростом уровня рождаемости.

Устойчивое развитие страны (региона) в широком смысле представляет собой стратегически направленный процесс развития, который отвечает возникающим в глобальном мире вызовам, обеспечивает неопределенно долгое сохранение и приумножение природного, культурного, человеческого, социального, финансового и физического капитала на душу населения и базируется на социально ответственном участии всех представителей социума в его развитии, а также на справедливом распределении результатов этого развития [1].

Основой сохранения и приумножения человеческого капитала является устойчивое демографическое развитие, сопровождаемое государственной демографической политикой, определяющей и отстаивающей национальные интересы страны. Программным государственно-управленческим документом, определяющим содержание государственной политики в области управления устойчивым демографическим развитием РФ, формирующим и приводящим в действие механизм ее реализации, является Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года [2].

Исследование тенденций и дифференциации процесса воспроизводства населения в вопросе роста рождаемости в регионах Севера с точки зрения устойчивого демографического развития за 2007-2014 гг., реализации государственной демографической политики проводилось по индикатору «суммарный коэффициент рождаемости» (СКР), который является наиболее точным показателем уровня рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости определяет среднее число рождений у одной женщины в возрасте 15-49 лет за всю её жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждой возрастной группе.

В составе регионов Севера были рассмотрены субъекты, которые территориально полностью входят в районы Крайнего Севера, и местности, приравненные к районам Крайнего Севера.

В рассмотренных нами регионах Севера – республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва; Камчатский край; Архангельская (с Ненецким АО), Магаданская, Мурманская, Сахалинская области; Ханты-Мансийский – Югра, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа – на 1 января 2015 г. проживало 7873.6 тыс. чел., в том числе городское – 6346.2 тыс. чел., сельское население – 1527.4 тыс. чел., или 78.7, 80.8 и 71.1 % соответственно [3].

Оценка уровня рождаемости (СКР) регионов Севера за 2007-2014 гг. – годы реализации государственной демографической политики проводилась в сопоставлении:

- с базовым 2006 г. уровнем реализации демографической политики РФ, принятым для сравнения с Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 года [2];
- с демографическими показателями, достигнутыми в целом по РФ за анализируемый (2007-2014 гг.) период;
- с целевыми индикаторами, заявленными в программных документах реализации демографической политики РФ [2, 4];
- с предельно-критическим значением индикатора СКР (2.15), принятым в мировой практике для диагностики устойчивости процесса рождаемости.

Динамика индикатора СКР для всего, городского и сельского населения регионов Севера РФ за 2006-2014 гг. характеризуется (табл.1):

- позитивной тенденцией роста в большинстве регионов Севера в сопоставлении с базовым уровнем 2006 г., принятым для сравнения Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 года;
- сокращением СКР в Чукотском АО для всего и городского населения на 4.4 и 12.6 % соответственно.

Сопоставление достигнутого за 2006-2014 гг. среднероссийского уровня роста СКР с соответствующими показателями, достигнутыми в регионах Севера для городского и сельского населения, показывает (табл.1):

- превышение среднероссийского уровня роста (всего, городского, сельского населения) СКР (135.0, 132.6 и 145.3 %) в большинстве субъектов Севера: для всего, городского и сельского населения в республиках Карелия, Коми, Тыва и Сахалинской обл.; для всего и городского населения в Мурманской обл. и Ямало-Ненецком АО; для всего и сельского населения в Архангельской обл.; для сельского населения в Республике Саха (Якутия);
- максимальный рост СКР для всего и городского населения был в Республике Тыва, составивший 69.6 и 42.2 % соответственно; для сельского населения в Республике Коми в 2.52 раза;
- в среднем в РФ и большинстве субъектов Севера, за исключением Магаданской обл., Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, темпы роста рождаемости для сельского населения выше соответствующих для городского населения.

Таблица 1

Динамика индикатора «суммарный коэффициент рождаемости» в регионах Севера за 2006-2014 гг. [5]

Регион	Все население			Городское население			Сельское население		
	2006 г.	2014 г.	2014 к 2006 г., %	2006 г.	2014 г.	2014 к 2006 г., %	2006 г.	2014 г.	2014 к 2006 г., %
Российская Федерация	1.296	1.75	135.0	1.199	1.59	132.6	1.611	2.34	145.3
Республика Карелия	1.22	1.74	142.6	1.137	1.52	133.7	1.588	3.71	233.6
Республика Коми	1.318	2.01	152.5	1.192	1.67	140.1	1.88	4.74	252.1
Республика Саха (Якутия)	1.734	2.25	129.8	1.533	1.78	116.1	2.283	3.47	152.0
Республика Тыва	2.058	3.49	169.6	1.645	2.34	142.2	2.766	6.78	245.1
Камчатский край	1.384	1.85	133.7	1.364	1.75	128.3	1.467	2.29	156.1
Архангельская обл.	1.349	1.84	136.4	1.22	1.54	126.2	1.916	4.26	222.3
Ненецкий АО	1.799	2.42	134.5	1.418	1.83	129.1	2.752	6.09	221.3
Магаданская обл.	1.323	1.66	125.5	1.293	1.63	126.1	4.006	2.88	71.9
Мурманская обл.	1.223	1.65	134.9	1.21	1.63	134.7	1.422	2.03	142.8
Сахалинская обл.	1.388	1.96	141.2	1.307	1.83	140.0	1.715	2.85	166.2
Ханты-Мансийский – Югра АО	1.559	2.09	134.1	1.534	2.07	134.9	1.838	2.41	131.1
Ямало-Ненецкий АО	1.561	2.19	140.3	1.43	2	139.9	2.368	3.19	134.7
Чукотский АО	2.135	2.04	95.6	1.82	1.59	87.4	2.765	3.15	113.9

Согласно Указу Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики РФ» [4], в субъектах РФ, в которых сложилась неблагоприятная демографическая ситуация и величина СКР ниже средней по РФ, предусмотрена ежемесячная денежная выплата в случае рождения после 31 декабря 2012 г. третьего ребенка или последующих детей до достижения им возраста трех лет. Ежемесячная денежная выплата нуждающимся в поддержке семьям определяется в размере прожиточного минимума для детей, определенного в субъекте РФ.

Сопоставление за 2007-2012 гг. СКР со среднероссийским показывает, что ряд регионов (республики Карелия и Коми, Камчатский край, Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области) в разные годы и для разных категорий населения (для всего, городского или сельского) имели уровень рождаемости ниже среднего по России. В Мурманской обл. этот показатель оставался ниже среднего уровня для всех категорий населения.

Большинство рассматриваемых нами регионов Севера – республики Карелия и Коми, Камчатский край, Архангельская (с Ненецким АО), Магаданская, Мурманская и Сахалинская области – были включены в «Перечень субъектов РФ по софинансированию расходных обязательств по ежемесячной денежной выплате нуждающимся в поддержке семьям на 2013-2016 годы» [6-9].

За 2013-2014 гг. СКР увеличился во всех регионах Севера, включенных в Перечень. Максимальный рост наблюдался в Сахалинской обл. (на 14.4 и 13.6 % для всего и городского населения соответственно) и в Ненецком АО (на 29.2 % для сельского населения). В Мурманской обл. рост СКР составил 5.2, 5.4 и 4.0 % для всего, городского и сельского населения соответственно.

В 2014 г. в большинстве регионов Севера как для всего, так и для городского и сельского населения СКР был выше или соответствовал среднему по РФ. Ниже среднероссийского уровня СКР наблюдались в Мурманской обл. – для всего и сельского населения, в Магаданской обл. – для всего населения, в Республике Карелия и Архангельской обл. – для городского населения, в Камчатском крае – для сельского населения (табл.1).

Ориентирами в сопоставлении СКР регионов Севера с целевыми индикаторами, заявленными в документах федерального уровня, являются целевые индикаторы, принятые в Концепции [2] и Указе Президента РФ [4].

Согласно Концепции [2], на втором этапе (2011-2015 гг.) реализации демографической политики в решении задачи повышения уровня рождаемости предусмотрено увеличение СКР

в 1.3 раза по сравнению с 2006 г. В целях совершенствования демографической политики Указом Президента РФ [4] Правительству РФ необходимо обеспечить повышение к 2018 г. СКР до 1.753.

Сопоставление средних по РФ и регионам Севера СКР с целевыми индикаторами показывает позитивность изменений за 2007-2014 гг.:

- рост среднероссийского уровня для всего населения на 135.0 % – с 1.296 до 1.75, т. е. до уровня, заявленного в Указе Президента РФ на 2018 г. [4];
- в большинстве регионов Севера, за исключением Республики Карелия, Магаданской и Мурманской областей, уровень СКР для всего населения выше среднего по РФ.

Динамика развития народонаселения отдельных стран подтверждает, что «зоной безопасности» является уровень рождаемости, превышающий 1.5 ребенка, рожденного одной женщиной, уровень рождаемости 1.7-2.0 ребенка на одну женщину можно считать лишь относительно низким и целесообразно его поддерживать, крайне низкий уровень рождаемости – это менее 1.5 ребенка, рожденного одной женщиной.

Для сопоставления СКР с характеристиками выше или ниже предельно критического (2.15) значения нами была предложена шкала оценки уровня устойчивости индикатора «суммарный коэффициент рождаемости» (табл.2). Шкала определяет пять уровней пороговых значений: «высокий уровень устойчивости», «устойчивое развитие», «наличие признаков устойчивости (относительно низкий уровень)», «наличие неустойчивости (выход из кризиса в «зону безопасности)», «абсолютная неустойчивость, кризис» [10].

Таблица 2

Шкала оценки уровня устойчивости индикатора «суммарный коэффициент рождаемости»

Область устойчивости/неустойчивости	Границы интервала области устойчивости/неустойчивости
Высокий уровень устойчивости	> 2.35
Устойчивое развитие	2.15-2.35
Наличие признаков устойчивости (относительно низкий уровень)	1.7-2.15
Наличие неустойчивости, (выход из кризиса в «зону безопасности»)	1.5-1.7
Абсолютная неустойчивость, кризис	< 1.5

В соответствии с предложенной шкалой дана оценка тенденций изменения уровня устойчивости процесса рождаемости за 2007-2014 гг. в среднем в РФ и регионах Севера, построен рейтинг регионов Севера по уровню рождаемости за 2006 и 2014 гг. (табл.3).

Средний уровень рождаемости в РФ характеризовался:

- в 2006 г. для всего и городского населения «абсолютная неустойчивость, кризис», сельского – «наличие неустойчивости (выход из кризиса в «зону безопасности)»»;
- в 2014 г. для всего населения – «признаки устойчивости (относительно низкого уровня)», для городского – «наличие неустойчивости (выход из кризиса в «зону безопасности)»», для сельского – «устойчивое развитие».

За 2007-2014 гг. в рейтинге регионов Севера по изменению уровня устойчивости рождаемости в сопоставлении с 2006 г.:

- появились субъекты с «высоким уровнем устойчивости» для всего населения – Республика Тыва и Ненецкий АО, с «устойчивым развитием» – Республика Якутия и Ямало-Ненецкий АО, для городского населения с «устойчивым развитием» – Республика Тыва;
- увеличилось в два раза число регионов (с 6 до 12), в которых СКР для сельского населения соответствует «высокому уровню устойчивости» и «устойчивому развитию». Высокий уровень устойчивости наблюдался в республиках Тыва, Коми, Карелия, Якутия, автономных округах – Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском, Ханты-Мансийском, в областях – Архангельской, Магаданской, Сахалинской; устойчивое развитие – в Камчатском крае. Значительный рост уровня рождаемости сельского населения наблюдался в Камчатском крае – «абсолютная неустойчивость, кризис» в 2006 г. и «устойчивое развитие» в 2014 г.;

- увеличилось количество субъектов, в которых уровень рождаемости соответствует «наличию признаков устойчивости (относительно низкий уровень)», – с 4 до 7 (для всего населения) и с 1 до 5 (для городского населения).

Таблица 3

Рейтинг регионов Севера за 2006 и 2014 гг. по оценке уровня устойчивости индикатора «суммарный коэффициент рождаемости»

2006 г.			2014 г.				
Регион	СКР	Уровень устойчивости СКР	Регион	СКР	Уровень устойчивости СКР		
1	2	3	4	5	6		
Все население (городское и сельское)							
Среднероссийский уровень	1.296	Абсолютная неустойчивость, кризис	Среднероссийский уровень	1.75	Наличие признаков устойчивости Относительно низкий уровень		
Чукотский АО	2.135	Наличие признаков устойчивости, относительно низкий уровень	Республика Тыва	3.49	Высокий уровень устойчивости		
Республика Тыва	2.058		Ненецкий АО	2.42			
Ненецкий АО	1.799		Республика Саха (Якутия)	2.25	Устойчивое Развитие		
Республика Саха (Якутия)	1.734		Ямало-Ненецкий АО	2.19			
Ямало-Ненецкий АО	1.561	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»	Ханты-Мансийский АО – Югра	2.09	Наличие признаков устойчивости, относительно низкий уровень		
Ханты-Мансийский АО – Югра	1.559		Республика Коми	2.01			
Сахалинская обл.	1.388	Абсолютная неустойчивость, кризис	Чукотский АО	2.04	Наличие признаков устойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»		
Камчатский край	1.384		Сахалинская обл.	1.96			
Архангельская обл.	1.349		Камчатский край	1.85			
Магаданская обл.	1.323		Архангельская обл.	1.84			
Республика Коми	1.318		Республика Карелия	1.74			
Мурманская обл.	1.223		Магаданская обл.	1.66			
Республика Карелия	1.22		Мурманская обл.	1.65			
Городское население							
Среднероссийский уровень	1.199		Абсолютная неустойчивость, кризис	Среднероссийский уровень		1.59	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»
Чукотский АО	1.82	Наличие признаков устойчивости, относительно низкий уровень	Республика Тыва	2.34	Устойчивое Развитие		
Республика Тыва	1.645	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»	Ханты-Мансийский АО Югра	2.07	Наличие признаков устойчивости, относительно низкий уровень		
Ханты-Мансийский АО – Югра	1.534		Ямало-Ненецкий АО	2.00			
Республика Саха (Якутия)	1.533		Ненецкий АО	1.83			
Ямало-Ненецкий АО	1.43	Абсолютная неустойчивость, кризис	Сахалинская обл.	1.83	Наличие неустойчивости, выход из кризиса		
Ненецкий АО	1.418		Республика Саха (Якутия)	1.78			
Камчатский край	1.364		Камчатский край	1.75			
Сахалинская обл.	1.307		Республика Коми	1.67			
Магаданская обл.	1.293	Абсолютная неустойчивость,	Магаданская обл.	1.63			
Архангельская обл.	1.22		Мурманская обл.	1.63			

Мурманская обл.	1.21	кризис	Чукотский АО	1.59	в «зону безопасности»
Республика Коми	1.192		Архангельская обл.	1.54	
Республика Карелия	1.137		Республика Карелия	1.52	

1	2	3	4	5	6
Сельское население					
Среднероссийский уровень	1.611	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»	Среднероссийский уровень	2.264	Устойчивое развитие
Магаданская обл.	4.006	Высокий уровень устойчивости	Республика Тыва	6.43	Высокий уровень устойчивости
Республика Тыва	2.766		Ненецкий АО	6.09	
Чукотский АО	2.765		Республика Коми	4.74	
Ненецкий АО	2.752		Архангельская обл.	4.26	
Ямало-Ненецкий АО	2.368		Республика Карелия	3.71	
Республика Саха	2.283		Республика Саха (Якутия)	3.47	
Архангельская обл.	1.916		Наличие признаков устойчивости, относительно низкий уровень	Ямало-Ненецкий АО	
Республика Коми	1.88	Чукотский АО		3.15	
Ханты-Мансийский АО – Югра	1.838	Магаданская обл.		2.88	
Сахалинская обл.	1.715	Сахалинская область		2.85	
Республика Карелия	1.588	Наличие неустойчивости, выход из кризиса в «зону безопасности»	Ханты-Мансийский АО – Югра	2.41	
Камчатский край	1.467	Абсолютная неустойчивость, кризис	Камчатский край	2.29	Устойчивое развитие
Мурманская обл.	1.422		Мурманская обл.	2.03	Наличие признаков устойчивости Относительно низкий уровень

В рейтинге регионов Севера за 2007-2014 гг. значительно был изменен порядок устойчивости показателей, имеющих уровень рождаемости «абсолютная неустойчивость, кризис»:

- в 2006 г. уровень «абсолютная неустойчивость, кризис» наблюдался в 9 регионах: в 2 (Камчатском крае и Мурманской обл.) – для всего, городского и сельского населения, в 5 (Сахалинской, Архангельской, Магаданской областях и республиках Коми и Карелия) – для всего и городского населения, в 2 (Ямало-Ненецком и Ненецком АО) – для городского населения;
- в 2014 г. во всех регионах Севера для разных категорий (всего, городского и сельского) населения уровень рождаемости «абсолютная неустойчивость, кризис» был преодолен.

Исследование процесса рождаемости за годы реализации государственной демографической политики (2007-2014) по предложенной нами шкале оценки уровня устойчивости индикатора «суммарный коэффициент рождаемости» позволило определить качественные изменения уровня устойчивости рождаемости в среднем по РФ и регионам Севера.

С 2015 г. усилилась тенденция сокращения численности и изменения возрастной структуры женщин в возрасте 15-49 лет в связи с вступлением в этот возраст малочисленного поколения, рожденного в 1990-е и в 2000-2006-е годы. В этих условиях, чтобы не допустить сокращения абсолютного числа рождений и сохранить позитивный тренд качественных изменений уровня устойчивости рождаемости, необходимо продолжать на всех уровнях государственной власти реализацию мер программы демографического развития РФ, доказавших свою эффективность.

Литература

1. Рябова Л. А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: КНЦ РАН. 2010. № 1. С. 44-49.
2. Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года: указ Президента РФ: подписан 9 окт. 2007 г. [№ 1351] // Справочно-правовая база «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.10.2014).

3. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_22/Main.htm/ (дата обращения: 17.09.2015).
4. О мерах по реализации демографической политики РФ: указ Президента РФ: подписан 7 мая 2012 г. [№ 606] // Справочно-правовая база «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.10.2014).
5. Суммарный коэффициент рождаемости / Федер. служба гос. статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=2415002> (дата обращения: 27.09.2015).
6. Об утверждении перечня субъектов РФ о софинансировании расходных обязательств субъектов РФ: распоряжение Правительства РФ от 26 июля 2012 г. [№ 1354-р] // Справочно-правовая база «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.10.2015).
7. О перечне субъектов РФ, в отношении которых в 2014 году будет осуществляться софинансирование расходных обязательств субъектов РФ при установлении ежемесячной денежной выплаты нуждающимся в поддержке семьям: распоряжение Правительства РФ от 1 нояб. 2013 г. [№ 2034-р] // Справочно-правовая база «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.10.2015).
8. Об утверждении перечня субъектов РФ, в отношении которых в 2015 году за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета будет осуществляться софинансирование расходных обязательств субъектов РФ, возникающих при установлении нуждающимся в поддержке семьям ежемесячной денежной выплаты: распоряжение Правительства РФ от 3 нояб. 2014 г. [№ 2196-р] // Справочно-правовая база «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.10.2015).
9. Об утверждении перечня субъектов РФ, в отношении которых в 2016 году за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета будет осуществляться софинансирование расходных обязательств субъектов РФ, возникающих при установлении нуждающимся в поддержке семьям ежемесячной денежной выплаты: распоряжение Правительства РФ от 13 окт. 2015 г. [№ 2043-р] // Справочно-правовая база «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.10.2015).
10. Тоичкина В. П. Влияние государственной демографической политики на качественные показатели рождаемости (на примере субъектов Севера и Арктики) // ЭКО. 2015. № 6 (492). С. 139-145.

References

1. yabova L. A. Problemy primeneniya koncepcii ustojchivogo razvitiya v RF: ot nacional'nogo urovnya k severnomu aspektu [Problems of application of the concept of sustainable development in the Russian Federation, from the national level to the northern aspect]. *Sever i rynok: formirovanie ehkonomicheskogo poryadka* [North and market: formation of economic order], Apatity, KNC RAN, 2010, no. 1, pp. 44-49. (In Russ.) R
2. b utverzhenii Koncepcii demograficheskoy politiki RF na period do 2025 g.: Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 No. 1351 [On approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period till 2025. Presidential Decree from 09.10.2007 No. 1351]. *Spravochno-pravovaya baza "Konsul'tant plyus"* [Legal reference database "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 21.10.2014). (In Russ.) O
3. konomicheskie i social'nye pokazateli rajonov Krajnego Severa i priravnennyh k nim mestnostej [Economic and social indicators in the Far North and equated localities]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_22/Main.htm/ (accessed 17.09.2015). (In Russ.). E
4. merah po realizacii demograficheskoy politiki RF: ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2012 No. 606 [On measures to implement the population policy of the Russian Federation. Presidential Decree of 07.05.2012 No. 606]. *Spravochno-pravovaya baza "Konsul'tant plyus"* [Legal reference database "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 21.10.2014). (In Russ.). O
5. ummarnyj koehfficient rozhdaemosti. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Total fertility rate. Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=2415002> (accessed 27.09.2015). (In Russ.). S

6. b utverzhdenii perechnya sub'ektov RF o sofinansirovanii raskhodnyh obyazatel'stv sub'ektov RF: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 26.07.2012 No. 1354-r [On approval of the list of subjects of the Russian Federation on co-financing of expenditure obligations of constituent entities of the Russian Federation. Order of the Government of the Russian Federation from 26.07.2012 No. 1354-r]. *Spravochno-pravovaya baza "Konsul'tant plyus"* [Legal reference database "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 21.10.2014). (In Russ.).
7. perechne sub"ektov RF, v otnoshenii kotoryh v 2014 godu budet osushchestvlyat'sya sofinansirovanie raskhodnyh obyazatel'stv sub"ektov RF pri ustanovlenii ezhemesyachnoj denezhnoj vyplaty nuzhdayushchimsya v podderzhke sem'yam. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 01.11.2013 No. 2034-r [On the list of subjects of the Russian Federation, for which in 2014 will be co-financed expenditure obligations of subjects of the Russian Federation in establishing the monthly payments to families in need of support. Order of the RF Government of 01.11.2013 No. 2034-r]. *Spravochno-pravovaya baza "Konsul'tant plyus"* [Legal reference database "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 21.10.2014). (In Russ.).
8. O utverzhdenii perechnya sub"ektov RF, v otnoshenii kotoryh v 2015 godu za schet byudzhetnyh assignovaniy federal'nogo byudzheta budet osushchestvlyat'sya sofinansirovanie raskhodnyh obyazatel'stv sub"ektov RF, vznikayushchih pri ustanovlenii nuzhdayushchimsya v podderzhke sem'yam ezhemesyachnoj denezhnoj vyplaty. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 03.11.2014 No. 2196-r [On approval of the list of subjects of the Russian Federation, for which in 2015 due to budgetary allocations of the federal budget will be co-financed expenditure obligations of subjects of the Russian Federation arising from the establishment of families in need of support," monthly payments. Order of the RF Government of 03.11.2014 No. 2196-r]. *Spravochno-pravovaya baza "Konsul'tant plyus"* [Legal reference database "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 21.10.2014). (In Russ.).
9. O utverzhdenii perechnya sub"ektov RF, v otnoshenii kotoryh v 2016 g. za schet byudzhetnyh assignovaniy federal'nogo byudzheta budet osushchestvlyat'sya sofinansirovanie raskhodnyh obyazatel'stv sub"ektov RF, vznikayushchih pri ustanovlenii nuzhdayushchimsya v podderzhke sem'yam ezhemesyachnoj denezhnoj vyplaty. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.10.2015 No. 2043-r [On approval of the list of subjects of the Russian Federation, for which in 2016 due to budgetary allocations of the federal budget will be co-financed expenditure obligations of subjects of the Russian Federation arising from the establishment of families in need of support monthly payments Order of the RF Government of 13.10.2015 No. 2043-r]. *Spravochno-pravovaya baza "Konsul'tant plyus"* [Legal reference database "Consultant Plus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 21.10.2014). (In Russ.).
10. oichkina V. P. Vliyanie gosudarstvennoj demograficheskoy politiki na kachestvennye pokazateli rozhdaemosti (na primere sub"ektov Severa i Arktiki) [Effect of state demographic policy for quality fertility rates (for example, the subjects of the North and the Arctic)]. *Ehko* [ECO], 2015, no. 6 (492), pp. 139-145. (In Russ.).

ФИНАНСОВЫЕ И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРА И АРКТИКИ

УДК 352:336.14

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. А. Вербиненко

канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник

Р. В. Бадылевич

канд. экон. наук, старший научный сотрудник,

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено содержание межбюджетных отношений, приведены основные инструменты межбюджетных отношений в субъекте Российской Федерации, исследованы методологические подходы к оценке межбюджетных отношений на региональном уровне. Проанализировано состояние межбюджетных отношений в региональной бюджетной системе, и выделены их специфические черты (на примере Мурманской области).

Ключевые слова: межбюджетные отношения, финансовые рычаги, методика оценки межбюджетных отношений, региональный бюджет, местные бюджеты, межбюджетные трансферты, межбюджетное регулирование.

METHODOLOGICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF EVALUATION OF INTER-BUDGET RELATIONS AT THE REGIONAL LEVEL (CASE STUDY OF THE MURMANSK REGION)

E. A. Verbinenko

PhD (Economics), Leading Researcher

R. V. Badylevich

PhD (Economics), Senior Researcher

G. P. Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of the RAS, Apatity, Russia

Abstract. The article discusses the contents of inter-budget relations, describes the major tools of inter-budget relations in a region, studies methodological approaches to evaluation of inter-budget relations at the regional level. The condition of inter-budget relations in the regional budget system is identified and their specific features are identified using the case study of the Murmansk region.

Keywords: inter-budget relations, financial levers, methods of evaluation of inter-budget relations, regional budget, local budgets, inter-budget transfers, inter-budget regulation.

Одним из важнейших элементов государственного финансового регулирования, роль которого в современной экономической ситуации усилилась, являются межбюджетные отношения, в рамках которых происходит разграничение расходных обязательств и доходов, распределение доходов и перераспределение средств между региональными и местными бюджетами с целью финансового обеспечения расходных обязательств субъекта.

Совершенствование межбюджетных отношений на уровне субъекта Российской Федерации и муниципальных образований, несмотря на внесенные в последнее время изменения в Бюджетный кодекс РФ, по-прежнему остается актуальным. Проблемы в сфере межбюджетных отношений – это не только и не столько проблемы взаимоотношений различных уровней власти, сколько проблемы организации рационального движения потоков финансовых ресурсов между бюджетами разных уровней в соответствии с установленным законодательством разграничением полномочий. В условиях ограниченности финансовых ресурсов усиливается необходимость их эффективного

использования и, как следствие, возрастает потребность в правильно построенной системе межбюджетных отношений.

В последние годы наблюдается заметный рост интереса к изучению содержания и подходов к оценке эффективности межбюджетных отношений внутри отдельных субъектов РФ. Это обусловлено следующими причинами:

- усиление различий в социально-экономическом развитии отдельных регионов РФ;
- сохранение существенной асимметрии бюджетной обеспеченности отдельных муниципальных образований в границах отдельных регионов;
- усиливающаяся зависимость многих муниципальных образований от решений, принимаемых «региональным центром», и безвозмездных перечислений из регионального уровня;
- противоречивость и несистемность нормативно-правовой базы реализации межбюджетных отношений в отдельных субъектах РФ;
- формальный подход к реализации федеральных рекомендаций в области повышения эффективности межбюджетных отношений на региональном уровне во многих субъектах РФ.

Органы государственной власти задачу оптимизации межбюджетных отношений считали одной из приоритетных на протяжении всего современного этапа развития. Это подтверждает последовательное принятие и реализация документов, направленных на повышение эффективности взаимодействия между субъектами межбюджетных отношений в Российской Федерации. К основным из них следует отнести:

- Концепцию реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999-2001 гг.;
- Программу развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 г.;
- Концепцию реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004-2006 гг.;
- Концепцию повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации на 2006-2008 гг.;
- Концепцию межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах РФ и муниципальных образованиях до 2013 г. и план мероприятий по ее реализации;
- Программу повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 г.

В настоящий момент в Российской Федерации понятие межбюджетных отношений закреплено в статье 6 Бюджетного кодекса РФ: «Межбюджетные отношения – взаимоотношения между публично-правовыми образованиями по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса» [1]. Несмотря на то, что данное понятие определяет межбюджетные отношения в России в целом, оно может быть интерпретировано и для отдельных уровней бюджетной системы. Так, используя указанное определение для регионального уровня, достаточно ограничить спектр публично-правовых образований, участвующих в межбюджетных отношениях, региональными и местными органами власти, представляющими определенный субъект РФ.

Межбюджетные отношения в бюджетной системе региона представляют собой финансовые отношения между органом государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления, возникающие при регулировании бюджетных правоотношений и осуществлении бюджетного процесса.

В систему инструментов, используемых для реализации межбюджетных отношений на региональном уровне, следует включить такие отдельные элементы, как инструменты бюджетного регулирования, бюджетного планирования и бюджетного контроля (табл.1).

В рамках каждой группы инструментов следует выделять отдельные финансовые рычаги, с помощью которых осуществляется не только реализация межбюджетных отношений, но в целом финансовое регулирование на уровне субъекта РФ.

Основным инструментом регулирования, через который реализуются межбюджетные отношения в России, являются межбюджетные трансферты. В России применяется три основные формы межбюджетных трансфертов нижестоящим бюджетам: дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, субсидии, субвенции. Все они перечислены в статье 129 Бюджетного кодекса РФ.

Кроме того, Бюджетный кодекс предусматривает иные формы межбюджетных трансфертов, которые, впрочем, подробно не расшифровывает.

В качестве отдельной формы межбюджетных трансфертов статья 129 Бюджетного кодекса РФ также упоминает межбюджетные трансферты бюджетам государственных внебюджетных фондов. Тем самым внебюджетные фонды могут рассматриваться как самостоятельные участники межбюджетных отношений на региональном уровне.

Таблица 1

Инструменты межбюджетных отношений на региональном уровне

№ п/п	Группы бюджетных инструментов	Финансовые рычаги
1	Инструменты бюджетного планирования	Утверждение бюджетов муниципальных образований на очередной финансовый год и плановый период
		Наличие утвержденного перечня приоритетных расходных обязательств муниципальных образований, для софинансирования которых предоставляются субсидии из бюджета субъекта РФ
2	Инструменты бюджетного контроля	Мониторинг соблюдения муниципальными образованиями требований бюджетного законодательства РФ
		Контроль за соблюдением органами местного самоуправления нормативов формирования расходов на оплату труда депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления и содержание органов местного самоуправления
3	Инструменты бюджетного регулирования	Единые и дополнительные нормативы отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов, установленные органами государственной власти субъектов РФ
		Межбюджетные трансферты (дотации, субсидии, субвенции, прочие межбюджетные трансферты)
		Прочие инструменты обеспечения бюджетной сбалансированности (бюджетные кредиты и ссуды)

В настоящий момент один из основных вопросов в системе изучения межбюджетных отношений на региональном уровне – это разработка методики определения их эффективности. Единой законодательно закрепленной методики расчета показателей, характеризующих степень эффективности межбюджетных взаимоотношений в субъекте РФ, на сегодняшний день нет. При этом следует отметить, что законодательные органы власти обращают свое внимание на данный спектр вопросов, следствием чего является разработка и принятие нормативных актов, задачей которых является систематизация подходов к оценке межбюджетных отношений внутри регионов.

Так, следует выделить приказ Минфина России «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами» от 03.12.2010 № 552 (ред. от 01.12.2014) [2], в котором содержится методика расчета и интерпретация показателей, характеризующих отдельные направления финансовых отношений в субъектах РФ. Все индикаторы, содержащиеся в документе, разделены на две группы – индикаторы качества управления региональными финансами в субъектах Российской Федерации и индикаторы соблюдения бюджетного законодательства при осуществлении бюджетного процесса. В рамках первой группы дополнительно выделено 8 направлений, включающих в себя в общей сложности 54 индикатора.

Непосредственно на оценку межбюджетных отношений в регионе направлены индикаторы четвертого направления, которые в методике обозначены как «Финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями». По данному направлению для каждого субъекта РФ определяется 8 индикаторов (табл.2).

Таблица 2

Характеристика индикаторов по направлению «Финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями» в соответствии Порядком осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами

№ п/п	Индикатор	Степень важности (удельный вес в совокупной оценке)	Трактовка результата (целевое значение)
1 (U41)	Проведение мониторинга соблюдения муниципальными образованиями требований бюджетного законодательства РФ и оценки качества управления бюджетным процессом в муниципальных образованиях субъекта РФ	1.0	Да/нет (положительное значение «да»)
2 (U42)	Соотношение объема дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований и объема субсидий муниципальным образованиям из регионального бюджета	1.5	Увеличение значения свидетельствует о повышении качества управления
3 (U43)	Соотношение налоговых доходов местных бюджетов, поступивших по единым и дополнительным нормативам отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов, установленных органами государственной власти субъектов РФ, и налоговых доходов местных бюджетов, поступивших в соответствии с пп. 1 и 2 ст. 61, 61.1, 61.2, п. 3 ст. 58 Бюджетного кодекса РФ	1.5	То же
4 (U44)	Эффективность выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований	1.5	Снижение значения свидетельствует о повышении качества управления
5 (U45)	Проведение контроля за соблюдением органами местного самоуправления нормативов формирования расходов на оплату труда депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, муниципальных служащих и(или) содержание органов местного самоуправления, в соответствии с нормативно-правовым актом субъекта РФ	1.0	Да/нет (положительное значение «да»)
6 (U46)	Утверждение бюджетов муниципальных образований на очередной финансовый год и плановый период	0.75	Увеличение значения свидетельствует о повышении качества управления
7 (U47)	Доля целевых межбюджетных трансфертов, предоставляемых местным бюджетам из бюджета субъекта РФ в очередном финансовом году, распределяемых законом о бюджете субъекта РФ, в общем объеме целевых межбюджетных трансфертов, предоставляемых местным бюджетам из бюджета субъекта РФ	2.0	То же
8 (U48)	Наличие утвержденного на срок не менее 3 лет перечня расходных обязательств муниципальных образований, в целях софинансирования которых предоставляются субсидии из бюджета субъекта РФ, с установленными целевыми показателями результативности предоставления субсидий и их значениями	0.75	Да/нет (положительное значение «да»)

Мурманская обл. – субъект, расположенный на Северо-Западе России, хозяйство которого в основном базируется на добыче полезных ископаемых и обрабатывающих производствах.

Бюджетная система Мурманской обл. представлена областным бюджетом, бюджетом областного центра – города Мурманска, пяти городов с подведомственными территориями (Апатиты, Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Полярные Зори), пяти городов ЗАТО (Александровск,

Североморск, Видяево, Заозерск, Островной) и шести муниципальных районов (Кандалакшский, Кольский, Ловозерский, Ковдорский, Терский и Печенгский).

Наибольшая доля доходов областного бюджета Мурманской обл. формируется за счет налоговых поступлений от пяти крупных экономических субъектов регионального хозяйства: МТФ ОАО «ГМК «Норильский Никель», АО «Кольская ГМК», АО «Апатит», АО «Ковдорский ГОК», АО «Кольская АЭС».

Основные показатели бюджета Мурманской обл. в 2012-2014 гг. представлены в табл.3.

Таблица 3

Основные показатели бюджета Мурманской обл. в 2012-2014 гг., млн руб.*

Показатель	2012 г.	2013 г.		2014 г.	
	млн руб.	млн руб.	темп роста к предыдущему году, %	млн руб.	темп роста к предыдущему году, %
Доходы бюджета (исполнено)	40716	41390	101.7	44526	107.6
Расходы бюджета (исполнено)	46591	47781	102.6	52378	109.6
Дефицит областного бюджета	5875.1	6390.6	108.8	7851.6	122.9
Отношение дефицита к доходам бюджета, %	14.4	15.4		17.6	

*Составлено авторами на основании данных сайта [3].

Из данных, представленных в табл.3, видно, что на протяжении 2012-2014 гг. бюджет Мурманской обл. оставался дефицитным, при этом дефицит бюджета возрастал как в денежном выражении, так и в относительных величинах (в 2014 г. дефицит бюджета составил 17.6 % от совокупного размера исполненных доходов). Мурманская обл. в последние годы относится к тем регионам Северо-Западного федерального округа, бюджеты которых характеризуются наибольшими значениями отношения дефицита к доходной базе. Это подтверждает рис.1, на котором представлено соотношение дефицита/профицита к собственным доходам регионального бюджета в 2014 г. в сравнении с бюджетами других регионов СЗФО.

Мурманская обл. с показателем дефицита в 21.4 % от размера собственных доходов бюджета (в 2014 г. собственные налоговые и неналоговые доходы областного бюджета составили 3664.83 млн руб.) входит в тройку регионов с наименее сбалансированными бюджетами.

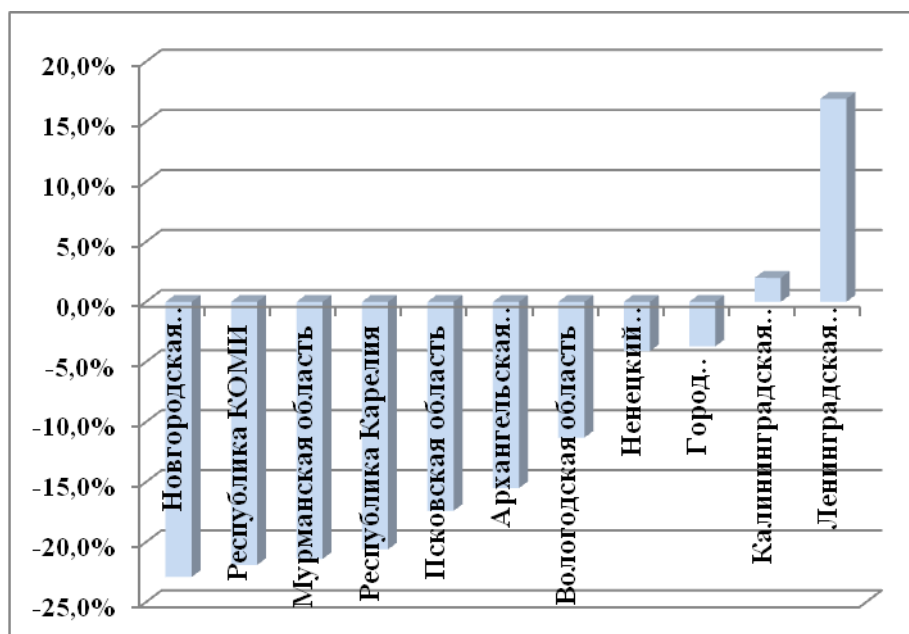

Рис.1. Соотношение дефицита (-)/профицита (+) к собственным доходам бюджета субъекта РФ в 2014 г.

Дефицитность бюджета Мурманской обл. является ограничивающим фактором при повышении бюджетной обеспеченности бюджетов муниципальных образований региона и реализации эффективных межбюджетных отношений на региональном уровне.

Проведем оценку межбюджетных отношений в Мурманской обл. по методике, представленной в приказе Минфина России «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами» от 03.12.2010 № 552. В табл.4 приведены значения индикаторов по разделу «Финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями» по Мурманской обл. в 2009-2014 гг.

Таблица 4

Динамика индикаторов U41-48 по Мурманской обл. в 2009-2014 гг.

Индикатор	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
U41 «Проведение мониторинга и оценки качества управления бюджетным процессом в муниципальных образованиях субъекта РФ»	да	да	да	да	да	да
U42 «Соотношение объема дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований и объема субсидий муниципальным образованиям из регионального бюджета»	2.516	1.011	0.224	0.454	0.442	0.478
U43 «Соотношение налоговых доходов местных бюджетов, поступивших по единым и дополнительным нормативам от федеральных и региональных налогов и сборов, установленных органами власти субъектов РФ, и налоговых доходов местных бюджетов, поступивших в соответствии с пп. 1 и 2 ст. 61, 61.1, 61.2 БК РФ», %	10.78	19.26	0.00	0.10	9.62	12.43
U44 «Эффективность выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований»	2.2	1.7	1.4	1.5	1.5	1.6
U45 «Проведение контроля за соблюдением органами местного самоуправления нормативов формирования расходов на оплату труда депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления, муниципальных служащих и (или) содержание органов местного самоуправления»	нет	да	да	да	да	да
U46 «Утверждение бюджетов муниципальных образований на очередной финансовый год и плановый период»*, %	да	да	да	да	да	77.50
U47 «Доля целевых межбюджетных трансфертов местным бюджетам из бюджета субъекта РФ, распределяемых законом о бюджете субъекта РФ** , в общем объеме целевых межбюджетных трансфертов местным бюджетам из бюджета субъекта РФ, %	нет	нет	да	94.3	85.5	96.78
U48 «Наличие утвержденного на срок не менее 3 лет перечня расходных обязательств муниципальных образований, в целях софинансирования которых предоставляются субсидии из бюджета субъекта РФ»	нет	нет	да	нет	да	да

*До 2014 г. использовался индикатор U46 «Проведение мониторинга соблюдения муниципальными образованиями требований бюджетного законодательства в соответствии с НПА субъекта РФ».

**До 2012 г. использовался индикатор U47 «Наличие действующего НПА СРФ, устанавливающего порядок определения приоритетных направлений софинансирования расходных обязательств МО».

В целом Мурманская обл. с позиции оценки общего качества управления региональными финансами отнесена Минфином РФ к субъектам Российской Федерации с надлежащим качеством управления региональными финансами. В данную группу Минфином в 2014 г. были включены 46 регионов (в 2012 и в 2013 гг. в данную группу входили 54 региона). Мурманская обл. входит в число субъектов со средним уровнем оценки качества финансового управления на протяжении последних пяти лет (в 2009 г. регион был отнесен к субъектам РФ с низким качеством организации бюджетного процесса).

Ситуация с состоянием отдельных индикаторов оценки межбюджетных отношений в регионе не настолько стабильна. По качественным показателям, характеризующим использование отдельных контрольных рычагов межбюджетных отношений, а также наличие плановых правовых актов, предусмотренных нормами федерального законодательства или используемых в практике ведущих в области финансового управления регионов, в анализируемом периоде в Мурманской обл. наблюдается положительная динамика. Так, на протяжении всего анализируемого периода времени в Мурманской обл., как и в большинстве регионов СЗФО, проводится мониторинг и оценка качества бюджетного процесса по муниципальным образованиям. Следует отметить, что систематическое несоответствие данного индикатора целевому значению по Северо-Западу наблюдается только в Ненецком автономном округе (до 2012 г.) и в Санкт-Петербурге (на протяжении всего приведенного периода).

Контроль соблюдения органами местного самоуправления нормативов расходов на оплату труда депутатов и выборных должностных лиц органов местного самоуправления на основе нормативно-правовых актов субъекта РФ проводится в Мурманской обл. регулярно с 2010 г.

Положительно можно охарактеризовать процесс утверждения бюджетов муниципальных образований Мурманской обл. на очередной финансовый год и на плановый период. Так, значение индикатора U46 по Мурманской обл. в 2014 г. находилось на уровне 77.5 %, что является достаточно высоким показателем (условно пограничным значением по данному индикатору можно считать уровень в 50 %). Следует отметить, что индикатор U46 в своем современном виде начал применяться совсем недавно – с 2014 г. До этого момента вместо него использовался индикатор «Проведение мониторинга соблюдения муниципальными образованиями требований бюджетного законодательства в соответствии с НПА субъекта РФ». По данному индикатору в 2009-2013 гг. Мурманская обл. также имела положительное значение.

Наиболее нестабильным качественным показателем оценки межбюджетных отношений в Мурманской обл. является индикатор U48, характеризующий применение конкурсного порядка софинансирования расходных обязательств муниципальных образований.

Перечень приоритетных расходных обязательств муниципальных образований с указанием показателей результативности и их значений в целях софинансирования из регионального бюджета стабильно утверждается в Мурманской обл. только в последние два года. Отрицательные значения данного индикатора в 2009-2010 и в 2012 гг. свидетельствуют об отсутствии в Мурманской обл. системного подхода к предоставлению субсидий муниципальным бюджетам и являются фактором, снижающим эффективность непосредственно межбюджетных отношений и финансового регулирования в целом. Следует отметить, что в СЗФО нет ни одного региона, который имел бы положительное значение по данному индикатору на протяжении всего приведенного периода.

Далее исследуем динамику количественных показателей, характеризующих межбюджетные отношения в Мурманской обл. Одним из ключевых показателей, характеризующих использование различных бюджетных рычагов в регионе, является индикатор U42 «Соотношение объема дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований и объема субсидий муниципальным образованиям из регионального бюджета». Анализ значений данного индикатора по Мурманской обл. показывает, что в 2009-2010 гг. основным используемым бюджетным рычагом были дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности и субвенции из регионального бюджета (в эти годы индикатор U42 имел значение выше 1). С 2011 г. основным рычагом становятся субсидии местным бюджетам. В целом отношение суммы дотаций и субвенций к субсидиям муниципальным образованиям из регионального бюджета в последние годы в Мурманской обл. гораздо ниже по сравнению со среднероссийскими показателями, о чем свидетельствует значение индикатора U42 на уровне 0.4-0.5. При этом данная тенденция характерна практически для всех субъектов СЗФО (исключениями являются Республика Коми и Ненецкий автономный округ).

Согласно методике Минфина РФ, увеличение значения индикатора U42 свидетельствует о повышении качества управления в области межбюджетных отношений в регионе. Основным

доводом в поддержку данного тезиса выступает тот факт, что дотации, рассчитываемые в соответствии с принятой в регионе методикой, направлены на выравнивание бюджетной обеспеченности отдельных муниципальных образований в субъекте РФ, тогда как субсидии могут приводить к обратной ситуации – повышению разрывов в уровне наполнения местных бюджетов. При этом в целом в экономической литературе на проблему оптимального соотношения дотаций, субвенций и субсидий имеются различные точки зрения. Так, например, М. Н. Соломко считает, что более оптимальной представляется структура межбюджетных трансфертов, в которой преобладают субсидии, мотивируя это тем, что в условиях низкого качества управления муниципальными финансами регулирование, основанное на предоставлении целевых трансфертов, более результативно, чем предоставление нецелевых трансфертов [4].

В отношении Мурманской обл., по мнению авторов, следует придерживаться позиции Минфина на оптимальное соотношение дотаций и субвенций местным бюджетам, с одной стороны, и субсидий, с другой стороны, а значит, динамика индикатора U42, показывающая сокращение доли выравнивающих трансфертов в 2009-2014 гг., может быть признана негативной. Это обусловливается наличием в бюджетной системе региона муниципальных образований с различным потенциалом наполнения местных бюджетов (возможности наполнения бюджетов муниципальных образований Мурманской обл. с эффективными градообразующими предприятиями гораздо выше по сравнению с образованиями, не имеющими таковых).

Индикатором, характеризующим прозрачность использования межбюджетных трансфертов в регионе, является индикатор U47 «Доля целевых межбюджетных трансфертов местным бюджетам из бюджета субъекта РФ, распределяемых законом о бюджете субъекта РФ, в общем объеме целевых межбюджетных трансфертов местным бюджетам из бюджета субъекта РФ». Данный индикатор был введен в методику относительно недавно – в 2012 г. До этого момента времени применялся индикатор «Наличие действующего НПА СРФ, устанавливающего порядок определения приоритетных направлений софинансирования расходных обязательств МО».

Следует отметить, что в Мурманской обл. в 2012-2014 гг. значение индикатора U47 находилось в диапазоне 85-97 %, то есть более 85 % от целевых межбюджетных трансфертов местным бюджетам из бюджета субъекта РФ выделялись планомерно, значит, межбюджетные отношения в регионе характеризуются высокой степенью предсказуемости. Это является относительно высоким показателем как в сравнении с другими регионами СЗФО, так и со среднероссийским значением (в качестве граничного значения в 2014 г. по данному индикатору можно принять уровень в 70 %).

Показателем, характеризующим усилия региональных органов власти, направленные на повышение финансовой самостоятельности муниципальных образований, является индикатор U43, который показывает соотношение налоговых доходов местных бюджетов, поступивших по нормативам отчислений, установленным органами власти субъектов РФ, и налоговых доходов местных бюджетов, поступивших в соответствии с Бюджетным кодексом РФ. Положительная динамика данного индикатора трактуется Минфином в качестве критерия повышения качества финансового регулирования в регионе.

В целом динамика индикатора U43 по Мурманской обл. неравномерна. Если в 2009-2010 и 2013-2014 гг. его значения были на уровне 10-20 %, то в 2011-2012 гг. он был близок к нулю. Следует отметить, что в Мурманской обл. доля налоговых доходов местных бюджетов, поступивших по нормативам, установленным региональными органами власти, невысока. Так, в среднем по регионам СЗФО значение индикатора U43 в 2014 г. находилось на уровне 14.65 % (Мурманская обл. – 12.43 %), а у лидеров округа по данному индикатору значения находятся на уровне 42-45 % (Калининградская и Ленинградская области). Таким образом, в сфере использования такого рычага межбюджетных отношений, как установление региональными органами власти нормативов отчислений от налогов и сборов, поступающих в бюджеты муниципальных образований, в Мурманской обл. имеется достаточно высокий потенциал, на реализацию которого должны быть направлены усилия власти в ближайшие годы.

Одним из ключевых результативных индикаторов, представленных в методике Минфина, является показатель U44 «Эффективность выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований», характеризующий отношение среднего уровня расчетной бюджетной обеспеченности пяти наиболее обеспеченных муниципальных образований по отношению к пяти наименее обеспеченным. Важность данного индикатора подчеркивается тем, что снижение дифференциации бюджетной обеспеченности отдельных муниципальных образований в субъекте РФ является одной из ключевых целей в области реализации межбюджетных отношений.

В Мурманской обл. после заметной благоприятной динамики в 2010-2011 гг. (изменение с 2.2 до 1.4 по сравнению с 2009 гг.) индикатор U44 остается достаточно стабильным (его значения в последние годы находятся на уровне 1.5-1.6). По сравнению с другими субъектами СЗФО отношение среднего уровня бюджетной обеспеченности пяти наиболее обеспеченных муниципальных образований по отношению к пяти наименее обеспеченным в Мурманской обл. имеет умеренное значение (рис.2). Но при этом, если и в среднем по России, и по СЗФО наблюдается тенденция к снижению индикатора U44, что является положительным фактом при оценке межбюджетных отношений в регионе по методике Минфина, то в Мурманской обл. с 2010 г. снижения показателя не наблюдается.

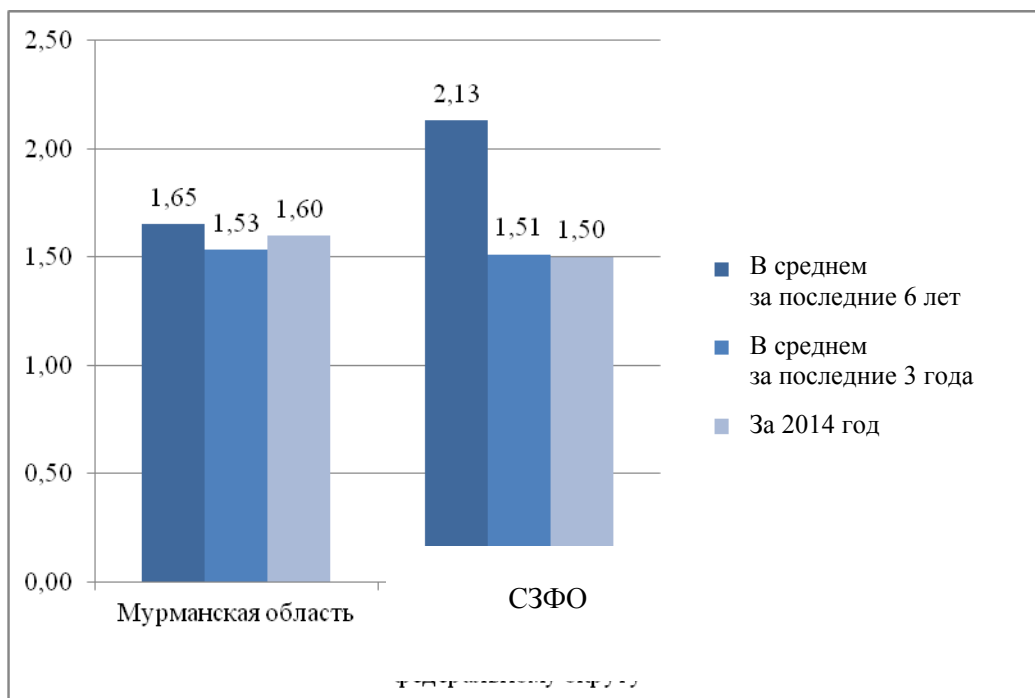

Рис.2. Динамика индикатора U44 по Мурманской обл. и в среднем по регионам СЗФО

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы о состоянии межбюджетных отношений в Мурманской обл. в целом и об использовании бюджетных рычагов в частности:

- муниципальные образования Мурманской обл. характеризуются достаточно высокой степенью дифференциации в области бюджетной обеспеченности;
- несмотря на то, что Мурманская обл., в соответствии с официальной оценкой, характеризуется надлежащим качеством управления региональными финансами, положительная динамика в использовании отдельных инструментов и рычагов межбюджетных отношений за последние годы отсутствует;
- органы власти Мурманской обл. недостаточно эффективно используют такой бюджетный рычаг, как установление на региональном уровне нормативов отчислений от налогов и сборов, поступающих в бюджеты муниципальных образований;
- в ближайшие годы при определении соотношения различных видов межбюджетных трансфертов местным бюджетам региональным органам власти рекомендуется вернуться к практике повышения доли дотаций на бюджетное выравнивание и снижения объемов субсидий. При утверждении размера субсидий муниципальным бюджетам рекомендуется повысить прозрачность процесса распределения, усилить контроль за показателями, достигаемыми в результате выделения субсидий, разработать эффективные конкурсные механизмы выделения субсидий отдельным муниципальным образованиям Мурманской обл.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер закон от 31 июля 1998 г. [№ 145-ФЗ] (ред. от 3 нояб. 2015 г.) // Рос. газ. 1998. 12 авг. (№ 153-154). Ст. 6.
2. О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами: приказ Минфина России от 3 дек. 2010 г. [№ 552] (ред. от 1 дек. 2014 г.). URL: <http://base.consultant.ru>.
3. Бюджет Мурманской области для всех. URL: <http://b4u.gov-murman.ru/index.php#idMenu=1>
4. Соломко М. Н. Подходы к оценке межбюджетного регулирования // Управленец. 2015. № 3 (55). С. 4-11.

References

1. Bjudzhetnyi Kodeks Rossiiskoy Federatsii ot 31.07.1998 No. 145-FZ (red. ot 03.11.2015) [The Budget Code of the Russian Federation]. *Rossiiskaja Gazeta*, 1998, no. 153-154. (In Russ.).
2. O poryadke monitoring i otsenki kachestva upravlenija regionalnymi finansami. Prikaz Minfina Rossii [On the order of monitoring na devaluation of quality of management of regional finances. Decree of the Ministry of Finances of Russia of 03.12.2010 No. 552 (red. ot 01.12.2014)]. Available at: <http://base.consultant.ru> (In Russ.).
3. Budget Murmanskoy oblasti dlya vseh. Available at: <http://b4u.gov-murman.ru/index.php#idMenu=1> (In Russ.).
4. Solomko M. N. Podhody k otsenke mezhhjudzhetnogo regulirovaniya [Approaches to evaluation of inter-budget regulation]. *Upravlenets*, 2015, no. 3 (55), pp. 4-11. (In Russ.).

УДК 339.9

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЗДАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

О. В. Носова

докт. экон. наук, профессор

Харьковский институт банковского дела Университета банковского дела, Харьков, Украина

П. А. Иващенко

канд. экон. наук, доцент,

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина

Аннотация. Привлекательность прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для эффективного сотрудничества приграничных регионов прямо связана с гипотезой взаимной привлекательности инвестиций при принятии решений, коррелирующих с общими социальными, экономическими и экологическими проблемами приграничных регионов. В статье предложена структура ПИИ для источников финансирования, которая определяется с помощью модели полезности.

Обосновано использование балансовых и распределительных соотношений: распределение занятых по секторам; распределение продукции фондообразующего сектора с учетом инвестиций для обеспечения экологического равновесия. Балансы представлены распределением продукции материального сектора и внешнеторговым балансом.

Открытая трехсекторная модель экономики применительно к двум приграничным регионам является примером реального макроэкономического описания международных экономических отношений с учетом экологических факторов. Перспективой к ее применению может выступать разработка прогнозных сценариев совместного экономико-экологического развития приграничных регионов на основе имитационных вариантов расчетов модели.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, приграничные регионы, модель полезности.

MODELLING INVESTMENT ATTRACTIVENESS IN TERMS OF ESTABLISHING THE PRECONDITIONS FOR EFFICIENT INTERACTIONS BETWEEN BORDER REGIONS

O. V. Nosova

Dr. Sc. (Economics), Professor

Kharkov Institute of Banking of University of Banking

P. A. Ivashchenko

PhD (Economics), Associate Professor

V. N. Karazin Kharkov National University named after V. N. Karazin, Ukraine

Abstract. The attractiveness of foreign direct investment (FDI) for the effective cooperation of border regions is directly related to the hypothesis of mutual attractiveness of investment decisions that correlate with common social, economic and environmental problems of border regions. In the article the structure of FDI sources of funding, which is determined by the model of utility. It justifies the use of the carrying and distribution ratios: the distribution of employed by sector; product distribution Fund-creating sector investments to ensure ecological balance. The balances represented the allocation of material goods sector and the foreign trade balance. Three-sector open economy model in the two border regions is an example of real macroeconomic descriptions of international economic relations taking into account environmental factors. The prospect of its application can be the development of predictive scenarios of joint economic-ecological development of the border regions on the basis of simulation options for the model's calculations. Attractiveness of foreign direct investment (FDI) for effective cooperation between border regions is connected with checking hypothesis of mutual attraction of FDI in decision making process. It is correlated with the mutual social, economic and environmental problems of the border regions. The paper proposes to determine FDI structure of funding sources by using the utility model.

Keywords: cross-border regions, foreign direct investment, utility model.

Для достижения поставленной цели используются динамические базы данных реляционного типа, поля которых включают социальные, экономические и экологические признаки. На основе сочетания общего и частного, что выражается в оценке состояния и развития двух стран и двух регионов, представлена модификация открытой трехсекторной модели экономики, включающей материальный, фондообразующий и потребительский сектора применительно к двум приграничным регионам – Харьковскому и Белгородскому. С целью проведения количественного анализа и оценки каждого сектора предлагается ввести три технологических уклада, которые задаются линейно-однородными классическими производственными функциями, связывающими выпуск продукции с капиталом и трудом.

На основе содержательных экономических допущений конструируется система дифференциальных уравнений, учитывающая динамику ПИИ в соответствующие сектора экономики регионов.

Практическая значимость предложенной открытой трехсекторной модели экономики применительно к двум приграничным регионам состоит в реализации программ взаимной эколого-экономической активности приграничных регионов в рамках реализации совместной инвестиционной деятельности с привлечением ПИИ.

В условиях посткризисного развития построение принципиально новой модели взаимоотношений между центром и регионами в Украине актуальность имеют задачи совершенствования инструментария региональной политики, правового закрепления статуса региона, формирования принципов разграничения полномочий между различными ветвями власти и т. д. Региональная стратегия развития, как важнейшее мероприятие регионального управления, должна сочетать перспективную и текущую деятельность, согласовывать действия между различными субъектами государственного регулирования в интересах роста благосостояния общества и повышения показателей регионального развития, являться доминирующим в современной государственной региональной политике.

Исследование проблем развития и управления регионами, реализации целевых кластерных проектов нашло отражение в трудах отечественных и зарубежных авторов: А. Александровой, С. Садовской, Д. Страйка, К. Чагина, М. Бандмана, Г. Агафонова, С. Попова, Б. Санеева, В. Воробьева, В. Ионова, В. Малова, Т. Брайдана, Г. Пата, А. Крайника, М. Бутко, И. Колот и др.

Затянувшийся процесс реформирования экономики Украины, нерешенность главных задач переходного периода и связанное с этим возрастание экономико-правовых и социальных издержек трансформации делает актуальным изучение экономических факторов незначительного притока

прямых иностранных инвестиций, значительного оттока капитала (бегства капитала) и неэффективного использования иностранного капитала.

Целью данной статьи является исследование степени взаимной привлекательности ПИИ при решении межрегиональных социальных, экономических и экологических вопросов.

Приграничное сотрудничество является важной составной частью взаимодействия регионов Украины и стран СНГ, о чем свидетельствует, например, опыт Белгородской и Харьковской областей, по инициативе руководителей которых организован Совет руководителей приграничных областей России и Украины [1, 2]. При данном Совете создан постоянно действующий исполнительный комитет. Основные направления его работы – гармонизация законодательных и иных актов, направленных на регулирование экономических связей между приграничными областями, разработка комплексных программ, отражающих структуру, изменения в экономике приграничных областей, инвестиционная политика с использованием средств местных бюджетов, совершенствование налоговой политики, взаиморасчетов, формирование общего аграрного рынка.

В Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации сформулированы четырнадцать задач, в число которых входит «совместное решение экономических, экологических, социально-демографических ... и других проблем приграничных территорий» [3].

А. М. Кирюхин совместно с А. В. Ворониным разработали универсальный подход к описанию эволюции международных трансграничных территорий при их переходе в состояние трансграничных функциональных регионов, дающий возможность моделировать динамику различных стадий интеграционных процессов [4]. Он позволяет исследовать трансграничные регионы различной размерности: от крупных ареалов трансграничных проектов территориального сотрудничества (экологические бассейновые и образовательные программы) до еврорегионов и их отдельных частей.

Анализируя взаимозависимости экономического развития приграничных регионов, Л. Б. Вардомский утверждает, что для внешней торговли приграничных регионов характерна высокая доля соседних стран [5], причем наиболее рельефно это прослеживается в российских регионах. В частности, в общем внешнеторговом обороте Белгородской обл. в 2006 г., оцениваемом в 4.3 млрд долл., доля Украины была равна 2.3 млрд долл., что составило более 53 %. Показатель внешней торговли Украины в Российской Федерации был равен 5 %. В рассматриваемом году внешнеторговый оборот Харьковской обл. с Россией составил 0.9 млрд долл., или 32 % от общего объема внешней торговли товарами. Это немногим выше доли России во внешней торговле Украины – 26.9 %. В то же время объем взаимной торговли соседних регионов в целом не значителен. По данным администрации Харьковской обл., в 2006 г. экспортно-импортные связи с Белгородской обл. составили 129.3 млн долл., в т. ч. экспорт харьковских предприятий – 94.6 млн долл., а белгородских – 34.7 млн долл. Взаимная торговля соседних областей составила 4.6 % внешнеторгового оборота Харьковской обл. и 3% – Белгородской обл. Главные статьи экспорта Белгородской обл. – металлургическое сырье и металлы, которые в основном потребляются в Донецкой, Днепропетровской, Запорожской областях. Основу экспорта Харьковской обл. составляют машины, оборудование, запасные части и комплектующие, которые имеют широкую географию потребления в России. Следовательно, взаимозависимость экономического развития Харьковской и Белгородской областей, измеряемая объемами взаимных торговых связей, многократно слабее, чем зависимость их развития от рынков России и Украины в целом [5, с. 56-57].

Сотрудничество между регионами Украины и субъектами Российской Федерации развивается на основе двух- и многосторонних договоров, соглашений, программ и протоколов о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. На украинско-российской границе созданы и функционируют четыре еврорегиона: «Слобожанщина» (Белгородская и Харьковская области), «Ярославна» (Курская и Сумская области), «Днепр» (Брянская и Черниговская области), «Донбасс» (Донецкая, Луганская и Ростовская области) [6, с. 60].

Такой формат сотрудничества дает возможность концентрировать усилие на основных направлениях взаимодействия: торговле, финансах, туризме, экологии, сельском хозяйстве, транспорте по всей длине общей границы.

В. М. Московкиным и И. И. Савченко выполнен сравнительный анализ экономической динамики Харьковской и Белгородской областей [7], на основе которого ими доказана возможность реконструирования трансграничного металлургическо-машиностроительного кластера еврорегиона «Слобожанщина».

П. А. Черномаз утверждает, что существует, по крайней мере, пять стратегически важных задач украинско-российского трансграничного сотрудничества в рамках еврорегиона «Слобожанщина», которые в перспективе требуют совместного решения [8].

Первая задача – активизация трансграничной научной, производственной кооперации и торговли путем снятия излишних пограничных и таможенных барьеров.

Вторая задача – улучшение транспортной и логистической инфраструктуры еврорегиона для эффективного использования его транзитного положения. Она предполагает снижение загруженности трансграничной магистрали Харьков – Белгород путем создания обходных транспортных маршрутов, строительство логистических терминалов и т. п.

Третья задача – выработка согласованной экологической политики. Эта работа уже начата реализацией проектов оздоровления бассейна Северского Донца и реки Лопани.

Четвертая задача – преодоление социальной асимметрии пограничья, отражающейся, прежде всего, на рынке труда. Возникшие расхождения в оплате труда и уровне социальной защиты в пользу российских регионов ведут сегодня к одностороннему потоку трудовой миграции в сторону России. Это требует выработки согласованной политики на общем рынке труда.

Пятая задача – создание региональной маркетинговой информационной системы еврорегиона «Слобожанщина» с целью привлечения инвестиций в проекты путем применения маркетинговых инструментов для повышения известности и улучшения имиджа его территории, ориентации региональной политики на реальные потребности рынков и возможности их предоставления еврорегионом.

Одним из значимых достижений еврорегиона стало подписание 29 июня 2011 г. в Москве в рамках проведения Дней Украины учредительных документов украинско-российского технопарка «Слобожанщина». Учредителями технопарка с украинской стороны стали ХНУ им. В. Н. Каразина, Харьковский национальный университет радиоэлектроники, Научный парк «ФЭД». С российской стороны учредителем выступил Белгородский государственный национальный исследовательский университет. В ближайшие планы совместного технопарка входит развёртывание бизнес-инкубатора «Колыбель гениев» и создание Центра коллективного доступа к высокотехнологичному оборудованию «Внедрение». Деятельность украинско-российского технопарка «Слобожанщина» будет направлена на трансфер технологий в следующих сферах: авиация, станкостроение, инновационная мехатроника; новые материалы и нанотехнологии; информационно-коммуникационные технологии; биотехнологии, биомедицина и фармацевтика; ядерные технологии в энергетике и охране здоровья; энергосбережение и новые технологии производства энергии; приборостроение; новые технологии в агропромышленном комплексе [9]. Аналогичные проблемы, связанные с созданием совместных технопарков, существуют во многих странах Европы и мира [10].

Следует отметить, что научная концепция инвестиционной активности совместных трансграничных проектов с участием иностранного капитала не достаточно разработана.

Разработка социально-экономико-экологической модели приграничного сотрудничества – в этом состоит цель статьи – позволит сделать объективную оценку существующего состояния параметров социально-экономической и экологической политики, например, на уровне экономик Белгородской и Харьковской областей и указать прогнозные ориентиры осуществления совместных комплексных программ.

Источниками данных выступают публикации Государственной службы статистики Украины, главного управления статистики в Харьковской обл., Федеральной службы статистики России, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской обл. [12-16]. По своей структуре данные представляют собой динамические базы данных реляционного типа и охватывают период с 1991 по 2013 гг. Поля баз данных включают социальные, экономические и экологические признаки, характеризующие состояние и развитие Украины и России в целом, а также Харьковской и Белгородской областей. К ним относятся:

- объем и динамика валового внутреннего продукта;
- объем и динамика валового регионального продукта;
- грузооборот транспорта;
- оборот оптовой торговли;
- индекс промышленного производства;
- оборот розничной торговли;
- объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство»;

- оценка численности населения;
- прожиточный минимум;
- среднемесячная заработная плата работников;
- индексы потребительских цен (тарифов) на товары и услуги населению;
- средний размер назначенных пенсий;
- инвестиции в основной капитал;
- внешняя торговля;
- сальдо торгового баланса;
- основные показатели, характеризующие воздействие хозяйственной деятельности

на окружающую среду.

Записи баз данных связываются с временными периодами.

Предлагается следующая модификация открытой трехсекторной модели экономики В. А. Колемаева применительно к двум приграничным регионам [17]. В модели представлены три сектора: материальный (0), фондообразующий (1) и потребительский (2).

Для каждого сектора вводятся три технологических уклада, задаваемые линейно-однородными классическими производственными функциями вида

$$X_i^{(n)} = F_i^{(n)}(K_i^{(n)}, L_i^{(n)}), \quad i = 0, 1, 2; n = 1 \text{ (Белгородская обл.)}, 2 \text{ (Харьковская обл.)},$$

где $X_i^{(n)}$, $K_i^{(n)}$, $L_i^{(n)}$ – выпуск, основные производственные фонды (ОПФ) и число занятых в i -м секторе соответственно.

Общее число занятых $L^{(n)}$ (в производственной сфере) изменяется с постоянным темпом прироста $v^{(n)}$. Лаг капиталовложений отсутствует. Коэффициенты износа ОПФ $\mu_i^{(n)}$ и прямых материальных затрат $a_i^{(n)}$ секторов постоянны. Время изменяется непрерывно.

На основе допущений получаем дифференциальные уравнения:

$$dL^{(n)}/dt = v^{(n)}L^{(n)}, \quad L^{(n)}(0) = L_0^{(n)}, \quad n = 1, 2;$$

$$dK_i^{(n)} = -\mu_i^{(n)}K_i^{(n)} + I_i^{(n)} + I_{i,ПИИ}^{(n)}, \quad K_i^{(n)}(0) = K_{i0}^{(n)}, \quad i = 0, 1, 2,$$

где $I_{i,ПИИ}^{(n)}$ – прямые иностранные инвестиции в i -й сектор n -го региона.

Далее используем следующие балансовые и распределительные соотношения.

Распределение занятых по секторам имеет вид:

$$L_0^{(n)} + L_1^{(n)} + L_2^{(n)} = L^{(n)}, \quad n = 1, 2.$$

Распределение продукции фондообразующего сектора:

$$X_1^{(n)} = I_0^{(n)} + I_1^{(n)} + I_2^{(n)} + I_{\text{экол}}^{(n)}, \quad n = 1, 2,$$

где $I_{\text{экол}}^{(n)}$ – инвестиции в обеспечение экологического равновесия в n -м регионе.

Распределение продукции материального сектора:

$$X_0^{(n)} = a_0^{(n)}X_0^{(n)} + a_1^{(n)}X_1^{(n)} + a_2^{(n)}X_2^{(n)}, \quad n = 1, 2.$$

Внешнеторговый баланс:

$$q_0^{(n)}Y_0^{(n)} = q_1^{(n)}Y_1^{(n)} + q_2^{(n)}Y_2^{(n)}, \quad n = 1, 2.$$

Обоснованием к применению предложенной открытой трехсекторной модели экономики применительно к двум приграничным регионам выступает необходимость реализации программ взаимной эколого-экономической активности приграничных регионов в рамках совместной инвестиционной деятельности с привлечением прямых иностранных инвестиций.

Открытая трехсекторная модель экономики применительно к двум приграничным регионам является примером реального макроэкономического описания международных экономических отношений с учетом экологических факторов. Практическая значимость предложенной открытой трехсекторной модели экономики применительно к двум приграничным регионам состоит в реализации программ взаимной эколого-экономической активности приграничных регионов в рамках реализации совместной инвестиционной деятельности с привлечением ПИИ. Перспективой к ее применению может выступать разработка прогнозных сценариев совместного экономико-экологического развития приграничных регионов на основе имитационных вариантов расчетов модели.

Литература

1. Епифанов А. А. О проблемах приграничного экономического сотрудничества северо-восточных областей Украины // *Економічна теорія і методологія управління*. 2004. № 2 (11). С. 21-27.
2. Еврорегион «Слобожанщина». URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Еврорегион "Слобожанщина"](http://ru.wikipedia.org/wiki/Еврорегион_\).
3. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации / М-во иностранных дел РФ. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/> (дата обращения: 22.03.2012).
4. Кирюхин А. М., Воронин А. В. Российско-украинское пограничье: теоретические подходы к эволюции трансграничных систем // *Часопис соціально-економічної географії*. Харьков: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2011. Вип. 10 (1). С. 178-182.
5. Вардомский Л. Б. Соседство как фактор развития приграничных регионов на примере российско-украинского зарубежья // *Проблемы общественной географии. Приграничные территории: методологические подходы и опыт исследований: сб. науч. тр. / под общ. ред. Г. П. Подгрушного; Ин-т географии НАН Украины*. Киев, 2010. Вып. 2. С. 46-59.
6. Межрегиональное и приграничное сотрудничество в государствах – участниках СНГ: [информ.-аналит. зап.] / Департамент экон. сотрудничества Исполнительного комитета СНГ. М., 2011. 77 с.
7. Московкин В. М., Савченко И. И. Сравнительный анализ экономической динамики Харьковской и Белгородской областей // *Бизнес-информ*. 2009. № 1. С. 11-17.
8. Черномаз П. А. Еврорегион «Слобожанщина»: этапы формирования и перспективы развития // *Международное сотрудничество приграничных регионов: история, экономика, политика, культура: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 19-20 сентября 2011 г.)*. Курск: VIP, 2011. С. 160-165.
9. Украинско-российский технопарк «Слобожанщина» учрежден. URL: <http://ukr-rus-technopark.com/index.php/рус/news/technopark-news/86--lr->.
10. Lofgren O. Regionauts: the Transformation of Cross-Border Regions in Scandinavia / *University of Lund, Sweden // European Urban and Regional Studies*. 2008. July, vol. 15, No. P. 195-209.
11. Белгородская область в цифрах: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федер. службы гос. статистики по Белгородской обл. Белгород, 2013.
12. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.
13. Регионы Украины: стат. сб. Киев, 2012. Ч. I. 358 с.
14. Статистичний щорічник України за 2013 рік / Державна служба статистики України. Київ: Август Трейд, 2013. 559 с.
15. Харківська область у 2013 році: статистичний щорічник / Головне управління статистики у Харківській області. Харків, 2013. 600 с.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
17. Колемаев В. А. Математическая экономика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 399 с.

References

1. Epifanov A. A. O problemah prigranichnogo sotrudnichestva severo-vostochnyh oblastej Ukrainy [On the problems of cross-border economic cooperation of the North-Eastern regions of Ukraine]. *Ekonomichna theory and methodology upravlinnya*, 2004, no. 2 (11), pp. 21-27. (In Russ.).
2. Euroregion "Slobozhanschina". Available at: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Еврорегион "Slobozhanschina"](http://ru.wikipedia.org/wiki/Еврорегион_\). (In Russ.).
3. Konceptsiya prigranichnogo ekonomicheskogo sotrudnichestva severo-vostochnyh oblastej Ukrainy [The concept of cross-border cooperation in the Russian Federation. Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation]. Available at: <http://www.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/> (accessed 22.03.2012). (In Russ.).
4. Kiryukhin A. M. Rossijsko-ukrainskoje pogranič'je: teoreticheskiye podhody k evolucii transgranichnyh system [The Russian-Ukrainian borderland: theoretical approaches to the evolution of transboundary systems]. *Chasopys sotsial'no-ekonomichnoi geografii* [Cummmary social and the economical GeoGraph.], Kharkiv, Publ. KNU V. N. Karazina, 2011, no. 10 (1), pp. 178-182. (In Russ.).
5. Vardomsky L. B. Sosedstvo kak factor razvitiya prigranichnyh regionov na primere rossijsko-ukrainskogo zarubezh'ya [Neighbourhood as a factor of development of border regions on the example of Russian-Ukrainian abroad]. *Problemy obshchestvennoj geografii. Prigranichnyje territorii: metodologicheskije podhody i opyt issledovanij* [Problems of social geography. Border territories: methodological approaches and experience of researches], Kiev, Institute of geography of NAS of Ukraine, 2010, no. 2, pp. 46-59. (In Russ.).

6. Mezhhregional'noje i prigranichnoje sotrudnichestvo v gosudarstvah – uchastnikah SNG. Departament ekonomicheskogo sotrudnichestva Ispolnitel'nogo komiteta SNG [Inter-regional and cross-border cooperation in the participating States of the. Department of economic cooperation of the CIS Executive Committee], Moskow, Publ. Executive Committee of CIS, 2011, 77 p. (In Russ.).
7. Moskovkin V. M., Savchenko I. I. Sravnitel'nyj analiz ekonomicheskoy dinamiki Khap'kovskoj i Belgorodskoj oblastej [Comparative analysis of the economic dynamics of the Kharkiv and Belgorod regions]. *Busnes-inform* [Business-inform], 2009, no. 1, pp. 11-17. (In Russ.).
8. Chernomaz P. A. Euroregion "Slobozhanschina": Etapy formirovaniya i perspektivy razvitiya [Euroregion "Slobozhanschina": stages of formation and prospects of development]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo prigranichnyh regionov: istoriya, ekonomika, politika, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [International cooperation of border regions: history, Economics, politics, and culture. Materials international. scientific.-practical. Conf. Kursk, 19-20 Sept. 2011], Kursk: Publ. House VIP, 2011, pp. 160-165. (In Russ.).
9. Ukrainsko-rossijskij tekhnopark uchrezhden [Ukrainian-Russian Technopark "Slobozhanschina" is established]. Available at: <http://ukr-rus-technopark.com/index.php/ru/news/technopark-news/86--lr->. (In Russ.).
10. Lofgren O. Regionauts: the Transformation of Cross-Border Regions in Scandinavia. University of Lund, Sweden. *European Urban and Regional Studies*, 2008, July, vol. 15, no. pp. 195-209.
11. Kratkij statisticheskij sbornik "Belgorodskaya oblast' v cifrah". Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Belgorodskoj oblasti [The short statistical book "The Belgorod region in figures". Territorial body of Federal state statistics service in the Belgorod region], Belgorod, 2013. (In Russ.).
12. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. Rosstat [Russian statistical Yearbook. Federal service of state statistics], Moskow, 2012, 786 p. (In Russ.).
13. Regiony Ukrainy [Regions of Ukraine], Kyiv, 2012, pt I, 358 p.
14. Statystichnyj shchrichyk Ukrainy za 2013 rik. Derzhavna sluzhba statystyky [The critical probability and moronic of Ukraine for 2013 year. State statistics service of Ukraine]. Kyiv, August trade, 2013, 559 p.
15. Statystichnyj shchrichyk "Kharkivska oblast' u 2013 rotsi". Golovne upravlinnja statistiky u Kharkivskij oblasti [The critical probability and moronic "Kharkiv oblast in 2013 year". Head Department of statistics in Kharkiv region], Kharkiv, 2013, 600 p.
16. Regiony Russii. Sotsial'no-ekonomicheskije pokazateli. 2013 [The Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2013. Rosstat], Moskow, 2013, 990 p. (In Russ.).
17. Kolemaev V. A. *Matematicheskaya ekonomika* [Mathematical Economics], Moskow, UNITY-DANA, 2002, 399 p. (In Russ.).

УДК 334.7

ТРАНЗИТНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ КОРПОРАЦИЙ И НЕДОКАПИТАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Т. М. Пачина

докт. экон. наук, главный научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Аннотация. Глобализация значительно ослабила позиции национального государства и усилила корпоративный кластер, под давлением которого государство активно трансформируется в корпорацию-государство. Корпорация-государство имеет приоритетом асоциальную политику минимизации стоимости содержания территории и ее жителей, что противоречит ориентированности национального государства на балансирование экономической и социальной политик. Оно отказывается от ключевой части своей субъектности – целеполагания, программирования развития и управления по многим направлениям – и становится политической оболочкой для оперирующих на его территории корпораций.

На фоне системного ограничения субъектности государства в России оформилось явление транзитной субъектности корпораций. Под транзитной субъектностью корпорации будем понимать ограниченную/урезанную субъектность, которую сознательно и рационально принимает на себя корпорация в отношении ответственности за настоящее и будущее территории-источника ресурсов и продуктов

для глобальных обменов. Первым актом девальвации национального государства при подъеме корпораций стало превращение его в политическую оболочку корпоративного кластера, вторым актом – концентрация корпоративного капитала в глобальных центрах управления с формированием вокруг них управляемых корпорациями регион-экономик. Россия в системе международного разделения труда представлена единственным полностью оформленным глобальным центром управления – Москвой. В статье анализируется региональный аспект изменения субъектности государства и корпораций с акцентом на регионы Европейского Севера. Показаны последствия ограничения субъектности государства и сохранения транзитной субъектности корпораций на снижение возможностей регионов стать базой для создания регион-экономики. Итоговая оптимизация регионов Европейского Севера совместными усилиями корпорации-государства и корпоративного кластера направлена на снижение их капитализации и закрепление их привлекательности для видов деятельности с низкими издержками.

Ключевые слова: корпорация-государство, регион-экономика, глобальные центры управления, субъектность, ограничение субъектности государства, транзитная субъектность корпорации.

TRANSIT SUBJECTIVITY OF CORPORATIONS AND UNDERCAPITALIZATION OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN EUROPEAN NORTH

T. M. Pachina

Dr. Sc. (Economics), Chief Researcher

G. P. Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of the RAS, Apatity, Russia

Abstract. Globalization has significantly weakened positions of the national state and strengthened the corporative cluster, under the pressure of which the state is being actively transformed into a corporation-state. As a priority a corporation-state has the asocial policy of minimizing costs for maintenance of the territory and its residents, which is the opposite to the aim of a national state to balance economic and social policy. It refuses the key part of its subjectivity – targeting, programming of development and management in many ways, and becomes a political cover for corporations operating on its territory.

Against the background of systemic limitation of the state's subjectivity the phenomenon of transit subjectivity of corporations has been formed. Under transit subjectivity we mean limited subjectivity, which a corporation assumes consciously and rationally in regard to responsibility for the present and future of the territory-source of resources and products for global exchanges. The first devaluation act of the national state when corporations grew became its transforming into a political cover for the corporate cluster, the second act – concentration of corporate capital in global management centers with forming manageable by corporations regions-economies around them. Russia in the system of international labor division is represented by the only fully executed global management center – the city of Moscow. The article analyses the regional aspect of changing subjectivity of the state and corporations with the emphasis on regions of the European North. There are impacts of consequences of the limitation of the state's subjectivity and preservation of transit subjectivity of corporations on decreasing possibilities of the regions to become the basis for creation of a region-economy. The final optimization of regions of the European North by joint efforts of the corporation-state and the corporate cluster is aimed at decreasing their capitalization and fixing their attractiveness for activities with low costs.

Keywords: corporation-state, region-economy, global management centers, subjectivity, limitation of the state's subjectivity, transit subjectivity of corporations.

В России процесс трансформации государства в корпорацию-государство стал текущей рутинной в силу его растянутости во времени и прикрытия новых реалий риторикой построения рыночных отношений. Его отслеживание в виде системного целого также затруднено под давлением разнонаправленных и не прекращающихся изменений. Существенную помощь в сборке смыслов оказывает наложение сложившихся тенденций в иерархии международной системы разделения труда на статусы государства, регионов и корпораций России.

Ограничения субъектности государства. Глобализация как определяющий принцип организации современной экономической жизни значительно ослабила позиции национального государства. На его фундаменте укрепляются элементы конструкции корпорации-государства. Трансформация национального государства в корпорацию-государство происходит путем его постепенной денационализации и приватизации [1]. Она не завершена, и в настоящее время мы наблюдаем те или иные промежуточные формы корпорации-государства.

Механизм функционирования корпорации-государства акцентирован на экономических приоритетах, поэтому для него естественной является асоциальная политика минимизации стоимости содержания территории и ее жителей. Для ее реализации используются соответствующие структуры государства, поскольку оно превращается в политическую оболочку для оперирующих на его

территории корпораций. Сочетание национального и корпорационного в этой модели по странам представлено в разных пропорциях. Скорость наращивания корпорационной компоненты находится в зависимости от масштабов территории, численности населения, уровня культуры и развития гражданского общества, качества укорененной идеологии, уровня социально-экономического развития, уровня внешней зависимости.

С формированием с 1950-х гг. офшоров и развитием цифровых систем связи возможности государства по контролю капиталов, принимающих форму электронных сигналов, резко ослабли. Оно также перестало быть основным субъектом, определяющим интеграцию своих индустриальных комплексов в мировую систему разделения труда. Размещение индустриального производства ушло из рук государства в силу следующих причин:

1) массовое индустриальное производство утратило социально-политическую значимость в качестве источника массовых рабочих мест и было переведено в регионы с дешевой рабочей силой и слабыми экологическими ограничениями;

2) управленческо-финансовая деятельность стала ключевой;

3) круг мировых субъектов, ранее представленный в основном государствами, включил в себя глобальные корпорации, в том числе криминальные. В итоге государство вынуждено сосредоточиваться на адаптации национальной воспроизводственной системы к потребностям глобальной корпоративной структуры.

Целеполагание, программирование развития и управление по многим направлениям как последствия вышеописанных системных изменений переходят от государства к новым глобальным субъектам, в результате чего мы наблюдаем *системное ограничение субъектности государства*.

Субъектность в рассматриваемом контексте будем понимать как способность к проектированию и реализации будущего, базирующуюся на достаточности ресурсов, институтов и инструментов, самостоятельности решений и активном действии.

Системное ограничение субъектности государства означает не переход в спящий режим по принципу «дремать, но знать всё обо всём». Мы наблюдаем сознательный отказ государства знать всё обо всём, что значимо для его выживания. Так, государственная статистика затрудняется отражать вышеописанные реалии по причине отсутствия заказа от государства на открытие корпоративной информации. В итоге методологии сбора и обработки данных не следуют за происходящими системными и структурными изменениями, а статистика не фиксирует значительного массива данных, описывающих деятельность и состояние корпораций в качестве новых субъектов, или это делается с существенными изъятиями. Изъятия из информационной базы ключевой информации делают полноценные прогнозы невозможными, формируя *информационное ограничение субъектности государства*. Государство отказывается и от инструментов управления, необходимых для создания проектов будущего. Ю. Перельгин зафиксировал это еще в далеком 2003 г.: «Федеральное правительство утратило инициативу в генерировании проектных и программных идей. Государство освоило один инструмент управления – бюджет, все остальные инструменты игнорируются» [2]. Это сознательное *инструментальное ограничение субъектности государства*.

Оставим анализ иных ограничений, поскольку указание на системное, информационное и инструментальное ограничения субъектности государства достаточно для понимания серьезности потерь, понесенных национальным государством.

Феномен регион-экономики. Глобальному рынку капиталов адекватны в большей степени не государства или отдельные корпорации, а, с одной стороны, крупные, экономически оптимизирующиеся субъекты, представленные наднациональными структурами и имеющие преимущество эффекта масштаба (Евросоюз, НАФТА), с другой стороны, регион-экономики, выстроенные поверх официального административного деления и имеющие, благодаря меньшим размерам и заточенности на экономическую оптимальность, преимущество динамики [3].

Регион-экономика является чисто экономическим феноменом и определяется как единица спроса и потребления с численностью населения 5-20 млн чел. В итоге такой размер гарантирует выполнение регион-экономикой роли деловой единицы глобальной экономики наилучшим образом. Понятие регион-экономики ввел К. Омаэ [4], который адаптировал его по смыслу и способу написания к понятию мир-экономики И. Валлерстайна. Регион-экономика выступает как форма территориальной привязки группы корпораций. На его территории, связанной всей необходимой инфраструктурой, оперируют корпорации, совокупная деятельность которых формирует *глобальные центры управления*, перемещающие потоки информации, финансов, товаров, технологий, людей. Сегодня позиция субъекта (государства в целом или его части в виде регион-экономики)

в глобальной иерархии определяются не размерами территории, объемом производимого продукта и располагаемых ресурсов, а способностью создавать глобальные центры управления и пользоваться их преимуществами в распределении мировой добавленной стоимости [5].

Регион-экономика развёрнут в сторону аналогичных глобальных регионов-экономик, то есть на первый план в организации потоков капитала, информации, ресурсов и людей вышли глобальный и новый региональный уровни, в то время как государственная ответственность за связанность территории и равномерность развития регионов отошли на последний план.

Если первым актом девальвации национального государства при подъеме корпораций стало превращение его в политическую оболочку корпоративного кластера, то вторым актом стала концентрация корпоративного капитала в глобальных центрах управления с формированием вокруг них управляемых корпорациями регион-экономик.

Транзитная субъектность корпорации. По данным рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»), Россия в системе международного разделения труда представлена единственным полностью оформленным глобальным центром управления – городом Москвой (8.2 % суммарного объема реализации рейтинга – 157 корпораций* вместе с Московской обл.) (табл.1). В ней сосредоточены центры управления крупнейшими сырьевыми корпорациями-экспортерами, производственные мощности которых находятся в удаленных регионах.

Таблица 1

Региональная структура рейтинга RAEX-600 в 2014 г. [6]

Регионы	Количество компаний	Доля в суммарном объеме реализации рейтинга, %	Объем реализации в 2014 г., млн руб.
1	2	3	4
Межрегиональные компании	276	82.1	49 263 487.7
Москва	139	7.4	4 411 061.2
Санкт-Петербург	20	1.2	713 747.1
Московская обл.	18	0.8	506 291.2
Республика Татарстан	13	1.0	596 575.4
Краснодарский край	13	0.7	405 332.8
Кемеровская обл.	11	0.5	297 988.6
Свердловская обл.	9	0.5	273 385.8
Самарская обл.	9	0.4	232 666.0
Ростовская обл.	8	0.3	200 497.8
Челябинская обл.	6	0.9	538 851.6
Белгородская обл.	6	0.2	141 196.7
Тюменская обл.	5	0.3	206 454.4
Красноярский край	5	0.3	159 855.5
Иркутская обл.	4	0.4	238 104.9
Республика Башкортостан	4	0.3	151 169.2
Ленинградская обл.	4	0.2	100 136.7
Калининградская обл.	3	0.4	224 598.1
Калужская обл.	3	0.2	120 439.0
Архангельская обл.	3	0.2	109 507.5
Нижегородская обл.	3	0.2	91 770.5
Приморский край	3	0.1	77 304.7
Новосибирская обл.	3	0.1	72 920.5
Пермский край	3	0.1	71 357.2
Ямало-Ненецкий авт. округ	3	0.1	70 600.4
Хабаровский край	3	0.1	66 543.4
Республика Коми	2	0.1	67 801.2

*RAEX использует понятие «компания», здесь будем считать его равнозначным понятию «корпорация».

1	2	3	4
Удмуртская Республика	2	0.1	46 841.7
Омская обл.	2	0.1	41 436.0
Волгоградская обл.	2	0.1	36 249.8
Томская обл.	1	0.2	120 914.2
Тульская обл.	1	0.1	42 109.0
Чукотский авт. округ	1	0.1	37 303.8
Курская обл.	1	0.1	33 547.3
Воронежская обл.	1	0.1	28 157.9
Амурская область	1	0.0	20 480.6
Ставропольский край	1	0.0	18 758.0
Сахалинская область	1	0.0	18 235.1
Смоленская обл.	1	0.0	17 824.6
Владимирская обл.	1	0.0	17 756.0
Липецкая обл.	1	0.0	16 277.3
Республика Марий Эл	1	0.0	16 221.3
Ханты-Мансийский авт. округ	1	0.0	16 190.4
Алтайский край	1	0.0	15 679.9
Тверская обл.	1	0.0	15 517.5

Частичной состоятельностью глобальных центров управления обладают еще 3-4 региона, вокруг которых происходит сборка регион-экономик (табл.1): Санкт-Петербург с Ленинградской обл. (1.4 % объема реализации – 24 корпорации), Республика Татарстан (1.0 % – 13), агломерация юга России на базе Краснодарского края и Ростовской обл. (1.0 % – 21). Эти территории имеют потенциалы для создания регион-экономик.

Основная масса регионов имеет на своих территориях от 1 до 11 корпораций-резидентов, чья доля в суммарном объеме реализации рейтинга не превышает 0.5 %. Из 4 районов Европейского Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (далее – регионы Европейского Севера) – Архангельской и Мурманской областей, республик Карелия и Коми – в рейтинге представлены (в таблице выделены курсивом) только Архангельская обл. (0.2 % – 3) и Республика Коми (0.1 % – 2). Крупнейшие корпорации, оперирующие на территориях этих регионов, являются межрегиональными с 82.1 % в суммарном объеме реализации рейтинга (табл.1). Здесь мы наблюдаем явление, которое назовем *транзитной субъектностью корпорации*.

Отказ от ответственности за будущее территории, на которой оперирует корпорация, хорошо согласовывается с принципом минимизации издержек. Корпорация как транзитный субъект становится дистанционным субъектом для территории, недостижимым для быстрой и эффективной обратной связи, не только в силу разделяющего их расстояния, измеряемого часто тысячами километров, но и в силу ориентации корпорации на кратко- и среднесрочные проекты эксплуатации территории по истощающему варианту. В предельном варианте складываются две ситуации:

- корпорация как транзитный субъект влияет на объект-территорию, но объект не влияет на корпорацию;
- отсутствует контроль над изъятием корпорацией общественного продукта, следовательно, отсутствует и ответственность за последствия использования ею ресурсов территории.

Капитализация как механизм включения/выключения регионов из глобальных обменов. Содержательно глобализация представляет собой процесс резкой дифференциации территорий и проживающих на них людей по критерию пригодности для международного разделения труда. Появляются включенные в глобальные обмены территории и территории, выключенные из них. Субъектами включения/выключения являются кластеры корпораций, оперирующие на территориях, и корпорация-государство.

Ключевым понятием при оценке уровня развития региона стала его капитализация, предполагающая сведение его ценности к приросту стоимости активов, находящихся на территории.

Высокая капитализация региона притягивает капитал, лучших специалистов, иные мобильные ресурсы. Низкая капитализация региона выталкивает капитал и высококвалифицированных специалистов, но привлекательна для размещения на ней производств, позволяющих значительно минимизировать издержки. Налицо возникновение двух векторов глобализации, действующих в противоположных направлениях.

Двойственность капитализации в общем виде сформулировал С. Градировский: «Все формы капитала, включая человеческий и социальный, перемещаются в области с наибольшей капитализацией; все формы деятельности перемещаются в области с наименьшей капитализацией» (цит. по: [7]).

Отмеченная разновекторность в движении капитала и перемещении производительной деятельности хорошо объясняет перемещение корпоративных центров управления 46 % корпораций страны в межрегиональную группу (276 из 600, табл.1).

Пространственный разрыв между центрами управления и производственными мощностями предопределен экономически: чем ниже капитализация производительной территории, тем выше капитализация территории концентрации управления. Пространственный разрыв желателен, так как трудно долго удерживать барьер между богатством и бедностью на одной или рядом расположенных территориях. Северные территории в этом смысле хорошо подходят для экономической автаркии.

Обратим внимание на то, каким образом ограниченная субъектность государства оказывает влияние на капитализацию регионов.

Признаком приватизации государственной власти (то есть права на политическое, идеологическое, культурное, экономическое и иные виды контроля и насилия) корпоративным кластером становится объявление главной целью государства его экономической конкурентоспособности в глобальном масштабе. По этой причине основным экономическим приоритетом корпорации-государства является снижение издержек по содержанию территории, на которой оно дислоцируется, – от доведения до минимума социальных обязательств перед населением, доставшихся от национального государства, жесткого контроля понижающей динамики уровня жизни населения до избавления от экономически нерентабельной части населения при помощи шоковых реформ, поощрения наркомании, алкоголизма, опускания на социальное дно, уничтожения в военных операциях. На эту цель работают «реформы» оптимизации образования, здравоохранения, науки и культуры, приводящие к сокращению сети бюджетных организаций, увольнениям специалистов и делающие недоступными их услуги в сельской местности и небольших городах.

Так, итоги проверки Счетной палатой России очередной серии мероприятий по оптимизации государственных и муниципальных организаций в регионах за 2013-2014 гг. подтвердили их нацеленность на чисто экономические эффекты: «Несмотря на то, что «оптимизация» предполагает действия, при которых достигается наилучшее состояние системы в целом, комплекс проведенных мероприятий в основном ограничен только мерами по сокращению объектов, их реорганизации или сокращению численности работников, что в итоге привело к снижению доступности услуг и ухудшению результатов деятельности государственных и муниципальных организаций, в первую очередь проявляющихся ухудшением качества образования, ростом на 3.7 % числа умерших в стационарах, увеличением на 2.6 % внутрибольничной летальности больных, ухудшением качества жизни населения» [8].

В регионах Европейского Севера оптимизация сети привела к ее сжатию до 46.0-77.6 % от уровня 2000 г. по числу больничных организаций (табл.2) и до 48.9-76.4 % – по числу фельдшерско-акушерских пунктов (табл.3).

Таблица 2

Число больничных организаций в регионах Европейского Севера России в 2000-2013 гг.
(на конец года, ед.) [9]

Регионы	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	1408	1219	786	733	712	703	700	688	622
2013 г., % к 2000 г.									44.2
Республика Карелия	76	65	38	37	36	35	35	36	35
2013 г., % к 2000 г.									46.0
Республика Коми	115	98	70	65	63	60	71	71	67
2013 г., % к 2000 г.									58.3
Архангельская обл.	140	98	92	88	83	80	71	70	71

2013 г., % к 2000 г.									50.7
Мурманская обл.	49	45	43	40	48	43	42	40	38
2013 г., % к 2000 г.									77.6

Таблица 3

Число фельдшерско-акушерских пунктов в регионах Европейского Севера России в 2000-2013 гг. (на конец года, ед.) [9]

Регионы	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	2918	2705	2563	2499	2490	2246	2145	2113	2062
2013 г., % к 2000 г.									70.7
Республика Карелия	230	207	198	156	148	144	143	139	127
2013 г., % к 2000 г.									55.2
Республика Коми	407	381	373	354	346	333	324	314	311
2013 г., % к 2000 г.									76.4
Архангельская обл.	626	594	554	519	505	496	484	472	473
2013 г., % к 2000 г.									75.6
Мурманская обл.	45	35	29	30	29	25	23	25	22
2013 г., % к 2000 г.									48.9

Действия обоих субъектов – корпорации-государства и корпораций – на механизм включения/выключения регионов из глобальных обменов концентрируются в итоговых показателях инвестиционных рейтингов регионов. Рассмотрим динамику процесса выключения северных территорий по данным рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»).

Инвестиционные рейтинги регионов Европейского Севера показывают (табл.4), что за 18 лет повысилась инвестиционная привлекательность только Республики Коми. По ней был снижен показатель риска – с высокого до умеренного.

Таблица 4

Инвестиционные рейтинги RAEX* регионов Европейского Севера России в 1996-2014 гг. [10]

Дата присвоения рейтинга	Архангельская обл. [11]	Мурманская обл. [12]	Республика Карелия [13]	Республика Коми [14]
11.12.2014	3B1	3B1	3C1	3B1
13.12.2013	3B1	3B1	3B1	3B1
13.12.2012	3B1	3C1	3B1	3B1
16.12.2011	3B1	3C1	3C1	3B1
20.12.2010	3B1	3B1	3B2	3B1
17.12.2009	3B1	3B1	3B2	3B1
15.12.2008	3B1	3B1	3B2	3B1
18.12.2007	3B1	3C1	3C2	3B1
26.11.2006	3B1	3B1	3C2	3B1
21.11.2005	3B1	3B1	3B2	3C1
29.11.2004	3B1	3B1	3B2	3C1
17.11.2003	3B1	3B1	3B2	3C1
02.12.2002	3B1	3B1	3B2	3C1
05.11.2001	3B1	3B1	3B2	3B1
30.10.2000	3B1	3B1	3B2	3C1
18.10.1999	3B1	3B1	3B2	3B1
19.10.1998	3B1	3B1	3B2	3B1
10.10.1997	2B	1A	2B	3C1
10.10.1996	2B	1B	2B	3C1

*Рейтинговая шкала «Эксперт РА»: 1A – высокий потенциал – минимальный риск; 1B – высокий потенциал – умеренный риск; 1C – высокий потенциал – высокий риск; 2A – средний потенциал – минимальный риск; 2B – средний потенциал – умеренный риск; 2C – средний потенциал – высокий риск;

3А – низкий потенциал – минимальный риск; 3В1 – пониженный потенциал – умеренный риск; 3С1 – пониженный потенциал – высокий риск; 3В2 – незначительный потенциал – умеренный риск; 3С2 – незначительный потенциал – высокий риск; 3D – низкий потенциал – экстремальный риск.

По Архангельской и Мурманской областям и Республике Карелия в течение двух лет (1996-1997) были обрушены показатели потенциалов. При этом Мурманская обл. переместилась сразу на две позиции вниз – от высокого потенциала к пониженному. Полагаем, что именно транзитная субъектность корпораций претендует быть определяющим фактором снижения инвестиционной привлекательности этих регионов.

Действие фактора транзитной субъектности корпораций, проявляющегося через ответственность за последствия использования ресурсов регионов Европейского Севера и тем снижающего их капитализацию, проанализируем на основе сравнения динамики выбросов веществ, загрязняющих атмосферу (табл.5), и заболеваемости населения (табл.6-10).

Таблица 5

Выбросы загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников, в регионах Европейского Севера России в 2005-2013 гг. (тыс. т) [9]

Регионы	2005 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012* г.	2013 г.
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	8484	8334	7801	7630	5655	7724	7878	7161
2013 г., % к 2005 г.								84.4
Республика Карелия	129.2	123.7	119.9	105.5	107.9	96.0	106.6	118.5
2013 г., % к 2005 г.								91.7
Республика Коми	670.5	670.1	618.2	598.3	594.8	712.4	688.2	774.3
2013 г., % к 2005 г.								115.5
Архангельская обл.	314.5	334.7	396.0	425.9	545.3	373.0	270.6	245.4
2013 г., % к 2005 г.								78.0
Мурманская обл.	301.1	292.6	276.2	280.6	287.6	263.1	258.8	269.8
2013 г., % к 2005 г.								89.6

Выбросы загрязняющих веществ за 9 лет наблюдений (табл.5) снизились в трех регионах Европейского Севера, но в меньшей степени, чем в целом по регионам Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. В одном регионе – Республике Коми – выбросы в 2013 г. по сравнению с 2005 г. выросли на 15.5 %.

Таблица 6

Заболеваемость населения новообразованиями, на 1000 чел. населения в регионах Европейского Севера России (зарегистрировано пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [9]

Регионы	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	10.0	10.4	10.7	11.2	11.6	12.3	12.6	13.1
2013 г., % к 2005 г.								131.0
Республика Карелия	11.9	12.3	13.1	12.8	14.1	14.2	16.1	16.3
2013 г., % к 2005 г.								137.0
Республика Коми	8.9	9.4	9.8	10.5	11.4	12.3	12.2	12.8
2013 г., % к 2005 г.								140.4
Архангельская обл.	9.6	10.3	10.6	12.0	13.1	12.9	12.8	12.0
2013 г., % к 2005 г.								125.0
Мурманская обл.	11.0	12.9	13.3	13.3	13.9	14.5	14.5	16.1
2013 г., % к 2005 г.								146.4

* С 2012 г. – с учётом индивидуальных предпринимателей.

На фоне снижения выбросов загрязняющих атмосферу веществ в Республике Карелия на 8.3 % за 2005-2013 гг. и при их общем меньшем количестве по сравнению с другими

рассматриваемыми регионами (табл.5) мы наблюдаем в ней рост числа пациентов с новообразованиями на 37 %, болезнями эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ – на 18.9 %, болезнями системы кровообращения – на 41.1 %, врожденными аномалиями, деформациями и хромосомными нарушениями – на 77.8 % (табл.6-10). Общее накопленное загрязнение, перешедшее критическую черту, сохраняет тенденцию у населения к росту заболеваемости.

Таблица 7

Заболеваемость населения болезнями эндокринной системы, расстройствами питания и нарушения обмена веществ, на 1000 чел. населения в регионах Европейского Севера России (зарегистрировано пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [9]

Регионы	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	10.8	13.5	13.3	12.6	12.5	12.8	14.0	14.2
2013 г., % к 2005 г.								131.5
Республика Карелия	14.3	14.8	13.3	12.3	14.1	15.9	17.6	17.0
2013 г., % к 2005 г.								118.9
Республика Коми	8.1	13.6	14.0	12.6	12.5	14.2	14.4	13.5
2013 г., % к 2005 г.								166.7
Архангельская обл.	9.3	14.0	14.0	13.0	13.7	13.3	14.0	12.3
2013 г., % к 2005 г.								132.2
Мурманская обл.	11.6	16.3	16.5	15.3	15.2	13.9	14.6	15.3
2013 г., % к 2005 г.								131.9

По сравнению с Республикой Карелия (2013 г.) уровень выбросов в Республике Коми выше в 6.5 раза, в Архангельской обл. – в 2.1 раза, в Мурманской обл. – в 2.3 раза. В трех последних регионах серьезно увеличилось число пациентов с новообразованиями (на 25.0-46.4 %), болезнями эндокринной системы, расстройствами питания и нарушения обмена веществ (на 31.9-66.7 %), болезнями системы кровообращения (на 13.7-83.7 %), врожденными аномалиями, деформациями и хромосомными нарушениями (на 18.4-33.3 %).

Таблица 8

Заболеваемость населения болезнями крови, кроветворных органов и нарушениями, вовлекающими иммунный механизм, на 1000 чел. населения в регионах Европейского Севера России (зарегистрировано пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [9]

Регионы	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	4.7	5.0	4.8	4.8	5.0	4.8	4.8	4.8
2013 г., % к 2005 г.								102.1
Республика Карелия	4.5	4.3	4.2	4.0	4.3	3.9	3.9	4.0
2013 г., % к 2005 г.								88.9
Республика Коми	4.9	5.7	5.5	5.5	6.4	5.9	6.2	6.3
2013 г., % к 2005 г.								128.6
Архангельская обл.	6.0	5.8	6.0	5.6	5.8	5.4	5.4	4.8
2013 г., % к 2005 г.								80.0
Мурманская обл.	3.0	3.1	3.4	3.3	3.3	3.2	3.1	3.0
2013 г., % к 2005 г.								100.0

Снижение выбросов в Архангельской и Мурманской областях не привело к снижению уровня заболеваемости (табл.6-10), поскольку сохранились высокие базовые уровни выбрасываемых в атмосферу веществ.

Загрязнение территории прямым образом влияет на ее инвестиционную привлекательность и способ использования. Здесь значимыми являются два фактора – состояние территории и свобода действий населения.

Строительство чистых производств требует дополнительных инвестиций для очистки территории. В случае отсутствия таких инвестиций продолжение ее использования под грязные

производства predeterminedено и недокапитализация территории будет сложившейся характеристикой воспроизводственных процессов на ней.

Таблица 9

Заболеваемость населения болезнями системы кровообращения, на 1000 чел. населения в регионах Европейского Севера России (зарегистрировано пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [9]

Регионы	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	21.4	23.5	23.8	24.9	26.1	26.6	26.6	28.6
2013 г., % к 2005 г.								133.6
Республика Карелия	25.3	25.7	26.1	26.1	30.2	28.8	28.5	35.7
2013 г., % к 2005 г.								141.1
Республика Коми	15.7	17.2	17.3	18.4	21.8	23.6	22.3	20.6
2013 г., % к 2005 г.								131.2
Архангельская обл.	24.1	24.1	25.5	28.7	32.0	33.7	31.0	27.4
2013 г., % к 2005 г.								113.7
Мурманская обл.	14.7	19.1	17.8	19.8	22.9	20.6	20.6	27.0
2013 г., % к 2005 г.								183.7

Таблица 10

Заболеваемость населения врожденными аномалиями, деформациями и хромосомными нарушениями, на 1000 чел. населения в регионах Европейского Севера России (зарегистрировано пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [9]

Регионы	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	2.2	2.5	2.6	2.4	2.6	2.5	2.6	2.6
2013 г., % к 2005 г.								118.2
Республика Карелия	2.7	3.2	3.8	3.7	4.0	3.7	3.8	4.8
2013 г., % к 2005 г.								177.8
Республика Коми	2.1	2.6	2.7	2.7	3.0	2.9	2.9	2.8
2013 г., % к 2005 г.								133.3
Архангельская обл.	3.8	5.2	6.0	5.4	5.3	5.1	5.1	4.5
2013 г., % к 2005 г.								118.4
Мурманская обл.	0.9	0.9	1.0	0.8	0.9	0.7	0.7	0.7
2013 г., % к 2005 г.								77.8

Низкие доходы и низкие показатели здоровья населения недокапитализированной территории значительно снижают его мобильность, создавая ловушку бедности-нездоровья. Население, попавшее в эту ловушку, вынуждено оставаться на территории и соглашаться на низкую оплату труда, закрепляя согласием воспроизводство недокапитализированного труда.

Разрывают круг недокапитализации такого типа два исхода: население вымирает при сохранении подобной социально-экономической политики государства или население сохраняется, если оно становится целью проектов развития. Первая ситуация катастрофична и реальна, вторая при существующей политике фантастична.

Выводы. Регионы, не втянутые в орбиту глобальных центров управления регион-экономик, имеют несколько вариантов будущего, которые изначально predeterminedены при невмешательстве государства. Они видятся следующими:

1-й вариант – движение к созданию новых регион-экономик с собственными центрами управления или вхождение в орбиту влияния существующих центров управления на смежных территориях;

2-й вариант – консервация статуса административного региона с финансовой подпиткой из федерального бюджета с мягким дрейфом к деградации;

3-й вариант – ускоренный дрейф к деградации.

Наличие лишь нескольких островков формирующихся регион-экономик, по сути, означает ситуацию заданность дрейфа всей огромной территории страны к деградации.

Мы видим подтверждение глобальной логики течения процессов дифференциации территорий и людей. Оптимизация, в конечном итоге, есть дифференциация или по критерию максимизации экономических эффектов, или по критерию минимизации издержек.

Оптимизация регионов Европейского Севера, проводимая государством и корпорациями, определенно направлена на снижение их капитализации. Она закрепляет привлекательность данных регионов для тех видов производственной деятельности, в которых возможна экономия на издержках без существенных последствий для требуемого качества производимого продукта, и одновременно закрепляет их непривлекательность в качестве базы для формирования, возможно, единой регион-экономики и места дислокации глобального центра управления. Такое будущее регионов Европейского Севера жестко задается более двух десятилетий.

Литература

1. Фурсов А. И. Россия выбирает между государством-нацией и государством-корпорацией // Антиглобализм. URL: <http://anti-glob.ru/old/st/afurs.htm> (дата обращения 10.11.2015).
2. Власенко Т. Новый передел // Правда On-line. URL: <http://eup.ru/Documents/2003-11-24/2766A.asp> (дата обращения 10.11.2015).
3. Фурсов А. И. Корпорация-государство: доклад на заседании клуба «Красная площадь» // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/engine/print.php?newsid=124&news_page=1 (дата обращения 10.11.2015).
4. Ohmae K. The End of Nation-State: the Rise of Regional Economies // EBOOKEE. London, 1995. 224 p. URL: http://www.ebookee.net/The-End-of-the-Nation-State-The-Rise-of-Regional-Economics_802547.html (дата обращения 10.11.2015).
5. Княгинин В. Капитализация регионов // Русский архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/rus-regions/kap2004/ (дата обращения 10.11.2015).
6. Региональная структура рейтинга RAEX-600 в 2014 году // Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»): офиц. сайт. URL: http://raexpert.ru/rankingtable/top_companies/2015/tab05/ (дата обращения 10.11.2015).
7. Переслегин С. Капитализация будущего // PROFILIB: электрон. библиотека. URL: <http://profilib.com/chtenie/34237/sergey-pereslegin-stati-2-lib-11.php> (дата обращения 10.11.2015).
8. Фадеичев С., Бобылев С., Павлова С., Машатин В. Счетная палата проверила оптимизацию в сфере здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания / Счетная палата РФ: офиц. сайт. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297 (дата обращения 10.11.2015).
9. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2014 годах / Федер. служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm (дата обращения 10.11.2015).
10. Инвестиционный рейтинг региона / Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»): офиц. сайт URL: <http://raexpert.ru/database/regions/> (дата обращения 10.11.2015).
11. Инвестиционный рейтинг региона. Архангельская область / Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»): офиц. сайт. URL: <http://raexpert.ru/database/regions/arkhan/> (дата обращения 10.11.2015).
12. Инвестиционный рейтинг региона. Мурманская область / Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»): офиц. сайт. URL: <http://raexpert.ru/database/regions/murmansk/> (дата обращения 10.11.2015).
13. Инвестиционный рейтинг региона. Республика Карелия / Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»): офиц. сайт. URL: <http://raexpert.ru/database/regions/karel/> (дата обращения 10.11.2015).
14. Инвестиционный рейтинг региона. Республика Коми / Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»): офиц. сайт. URL: <http://raexpert.ru/database/regions/komi/> (дата обращения 10.11.2015).

References

1. Fursov A. I. Rossiya vybiraet mezhdru gosudarstvom-naciej i gosudarstvom-korporacij [Russia chooses between Nation-State and State-Corporation]. *Antiglobalizm* [Antiglobalists]. Available at: <http://anti-glob.ru/old/st/afurs.htm> (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
2. Vlasenko T. Novyj peredel [A new redistribution]. *Pravda On-line* [Pravda On-line]. Available at: <http://eup.ru/Documents/2003-11-24/2766A.asp> (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
3. Fursov A. I. Korporaciya-gosudarstvo. Doklad na zasedanii kluba "Krasnaya ploshchad" [The Corporation-State. The report at session of club "Red square"]. *Intelros* [Intelros]. Available at: http://www.intelros.ru/engine/print.php?newsid=124&news_page=1 (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
4. Ohmae K. The End of Nation-State: the Rise of Regional Economies, London, 1995.

5. Knyaginina V. Kapitalizatsiya regionov [Capitalization of regions]. *Russkij arhipelag* [Russian archipelago]. Available at: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/rus-regions/kap2004/ (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
6. Regional'naya struktura rejtinga RAEX-600 v 2014 godu [Regional structure of RAEX rating-600 in 2014]. *Rejtingovoe agentstvo RAEX ("Ehkspert RA")* [Rating Agency RAEX (Expert RA)]. Available at: http://raexpert.ru/rankingtable/top_companies/2015/tab05/ (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
7. Pereslegin S. Kapitalizatsiya budushchego [Capitalization of the future]. PROFILIB. Elektronnaya biblioteka [PROFILIB. Electronic library]. Available at: <http://profilib.com/chtenie/34237/sergey-pereslegin-stati-2-lib-11.php> (accessed 10.11.2015). (In Russ.)
8. Fadeichev S., Bobylev S., Pavlova S., Mashatin V. Schetnaya palata proverila optimizatsiyu v sfere zdavoohraneniya, kul'tury, obrazovaniya i social'nogo obsluzhivaniya. [The audit chamber checked the optimization in the sphere of healthcare, culture, education and social services]. *Schetnaya Palata Rossijskoj Federacii* [Accounts Chamber of Russian Federation]. Available at: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297 (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
9. Ehkonomicheskie i social'nye pokazateli rajonov Krajnego Severa i priravnennyh k nim mestnostej v 2000-2014 godah [Economic and social indicators of regions of the far North and equated localities in the years 2000-2014]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Federal service of state statistics]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/Main.htm (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
10. Investicionnyj rejting regiona [Investment rating of the region]. *Rejtingovoe agentstvo RAEX ("Ehkspert RA")* [Rating Agency RAEX (Expert RA)]. Available at: <http://raexpert.ru/database/regions/> (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
11. Investicionnyj rejting regiona. Arhangel'skaya oblast' [Investment rating of the region. Arkhangelsk region]. *Rejtingovoe agentstvo RAEX ("Ehkspert RA")* [Rating Agency RAEX (Expert RA)]. Available at: <http://raexpert.ru/database/regions/arkhan/> (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
12. Investicionnyj rejting regiona. Murmanskaya oblast' [Investment rating of the region. Murmansk region]. *Rejtingovoe agentstvo RAEX ("Ehkspert RA")*. [Rating Agency RAEX (Expert RA)]. Available at: <http://raexpert.ru/database/regions/murmansk/> (accessed 10.11.2015). (In Russ.).
13. Investicionnyj rejting regiona. Respublika Kareliya [Investment rating of the region. The Republic of Karelia]. *Rejtingovoe agentstvo RAEX ("Ehkspert RA")*. [Rating Agency RAEX (Expert RA)]. Available at: <http://raexpert.ru/database/regions/karel/> (accessed 10.11.2015) (In Russ.).
14. Investicionnyj rejting regiona. Respublika Komi [Investment rating of the region. The Republic of Komi]. *Rejtingovoe agentstvo RAEX ("Ehkspert RA")*. [Rating Agency RAEX (Expert RA)]. Available at: <http://raexpert.ru/database/regions/komi/> (accessed 10.11.2015). (In Russ.).

УДК 338.45(985)

ОЦЕНКА ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АРКТИКИ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ*

В. А. Цукерман

канд. техн. наук, доцент, зав. отделом

Е. С. Горячевская

научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Аннотация. Проведена оценка финансово-экономической и инновационной деятельности предприятий Арктики минерально-сырьевой направленности, по которым представлена бухгалтерская отчетность за последние годы. Анализ показал, что основными факторами эффективности производственной деятельности являются рыночные цены на продукцию, сезонность и цикличность спроса на продукцию, стабильность

*Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 15-06-06827 «Научные основы комплексного инновационного промышленного развития регионов Арктики минерально-сырьевой направленности».

валютных курсов, тарифы естественных монополий. Эти факторы и возможные риски следует учитывать при разработке стратегий и других программных документов инновационного развития Арктики.

В рейтинг ТОП-50 инновационных компаний России за 2014 г. вошли только два предприятия АЗРФ, что говорит о низкой финансово-экономической и инновационной деятельности.

Анализ и расчет абсолютных показателей финансовой устойчивости ресурсных предприятий АЗРФ проведен по методике А. А. Трифиловой. Показано, что у двух предприятий Арктики абсолютная финансовая устойчивость, у семи – нормальная. Наличие достаточных финансовых ресурсов позволяет им реализовывать инновационные проекты, примеры которых приведены в статье. В результате анализа абсолютных показателей финансовой устойчивости определено, что к предприятиям с неустойчивым финансовым состоянием относятся пять предприятий, у которых на реализацию инновационных проектов в большинстве случаев недостаточно финансовых средств.

Определены относительные показатели финансовой устойчивости предприятий АЗРФ минерально-сырьевой направленности по спектр-балльному методу А. Н. Салова и В. Г. Маслова. Выполненный анализ позволил определить, что в группу предприятий со стабильным положением входят ПАО «Алроса», ОАО «Шахта "Угольная"» и АО «Кольская ГМК».

Ключевые слова: потенциал, Арктика, предприятие, эффективность, инновационные проекты, коэффициент, технологическое развитие, бухгалтерская отчетность, финансовая устойчивость.

EVALUATION OF FINANCIAL-ECONOMIC AND INNOVATION ACTIVITIES OF INDUSTRIAL MINERAL RESOURCE-BASED COMPANIES IN THE ARCTIC

V. A. Tsukerman

PhD (Engineering), Head of Department

E. S. Goryachevskaya

Researcher

G. P. Luzin Institute for Economic Studies, the Kola Science Centre of the RAS, Apatity, Russia

Abstract. Evaluation of financial, economic and innovative activities of enterprises in the Arctic mineral resources orientation, which presented financial statements for recent years is carried out. The analysis showed that the main factors of production efficiency are the market prices for the products; seasonality and cyclicity in demand for products; exchange rate stability; tariffs of natural monopolies. These factors and risks should be considered when developing strategies and other policy documents of innovative development of the Arctic.

The rating TOP-50 of innovation companies of Russia only included two companies from the Russian Arctic zone, which confirms the low financial-economic and innovation activities.

Analysis and calculations of absolute indicators of financial stability of resource companies in the Russian Arctic was conducted by the method of A. Trifilova. It is shown that two companies of the Arctic have absolute financial stability, and seven have normal. The availability of sufficient financial resources allows them implementing innovative projects, examples of which are given in the article. The analysis of absolute indicators of financial stability determines that five companies refer to enterprises with unstable financial condition, which in most cases have insufficient funds to implement innovative projects.

There are determined relative indicators of financial stability of mineral resource-based companies in the Russian Arctic zone by the range-point method of A.Salov and V. Maslov. The analysis allowed determining that the group of companies with stable situation includes PSC "Alrosa", JSC "Shakhta Ugolnaya", and JSC "Kolskaya GMK".

Keywords: potential, the Arctic, enterprise, efficiency, innovation projects, coefficient, technological development, accounting reports, financial stability.

Развитие российской экономической системы во многом определяется инновационно-промышленным потенциалом освоения природных и, прежде всего, минерально-сырьевых ресурсов.

Обеспечение роста экономики арктических регионов во многом связано с объективной оценкой инновационно-промышленного потенциала как отражения сложившихся экономических условий и возможности обеспечения роста экономики Арктики.

Крупные ресурсные градообразующие предприятия промышленности Арктики, как правило, входят в состав финансово-промышленных групп и холдингов, административные органы которых находятся за пределами Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), которые, по существу, и являются центрами принятия управленческих решений и формирования прибыли [1].

Выполнен анализ деятельности наиболее крупных промышленных предприятий, функционирующих в АЗРФ, по которым представлена годовая и финансовая отчетность за 2014 г.

АО «Кольская горно-металлургическая компания» (Мурманская обл.) входит в состав ПАО «ГМК "Норильский никель"», занимается добычей, обогащением и производством медно-

никелевых руд, а также производством цветных металлов. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.1.

Таблица 1

Показатели финансово-экономической деятельности АО «Кольская ГМК» [2]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	32424908	34433804	29840505	32282547	42213973	30.2
Численность персонала, чел.	8669	8857	9115	9338	13975	61.2
Производительность труда, тыс. руб/чел.	3740	3888	3274	3457	3021	-19.2
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	3902732	5255265	5967150	5831478	7154404	83.3

В инвестиционно-инновационном портфеле АО «Кольская ГМК» предусмотрена реализация проектов по электроэкстракции никеля и созданию единственного в России промышленного производства электролитного кобальта высших марок. В 2017 г. планируется ввод в эксплуатацию и выведение на производительность 120 тыс. т в год центра электроэкстракции никеля из растворов хлорного растворения.

АО «Апатит» (Мурманская обл.) входит в состав ОАО «ФосАгро», осуществляет добычу и обогащение апатит-нефелиновых руд, которые являются основной базой фосфорсодержащего сырья в России. Предприятие производит в основном апатитовый концентрат. Кроме того, вырабатываются нефелиновый, сиенитовый, алюмощелочной, эгириновый, сфеновый и титаномagnetитовый концентраты. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.2.

Таблица 2

Финансово-экономическая деятельность АО «Апатит» [3]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	36219895	35155338	45252984	46559165	55655470	53.7
Численность персонала, чел.	11853	11597	11348	10201	6811	-42.5
Производительность труда, тыс. руб/чел.	3056	3031	3988	4564	8171	167.4
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	4674121	5014439	5777927	8118222	6551655	40.2

Перспектива развития АО «Апатит» связана с подземными и открытыми горными работами, на развитие которых направляются значительные капитальные вложения взамен выбывающих мощностей, а также на модернизацию производства.

АО «ОЛКОН» (Мурманская обл.) входит в состав ПАО «Северсталь», производит железорудный концентрат, щебень строительный и для балластировки железнодорожных путей, ферритовые стронциевые порошки. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.3.

Таблица 3

Финансово-экономическая деятельность АО «ОЛКОН» [4]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013* г.	2013 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	8918052	13822773	11695204	11435691	28.2
Численность персонала, чел.	2065	2154	2234	2234	8.2
Производительность труда, тыс. руб/чел.	4319	6417	5235	5119	18.5

Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	699376	931413	1075805	1412426	102.0
---	--------	--------	---------	---------	-------

*За 2014 г. отчетность не представлена.

АО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат» (Мурманская обл.) входит в состав АО «Международная холдинговая компания "ЕвроХим"», является уникальным предприятием, осуществляющим добычу и обогащение минерального сырья. Предприятие производит три основных вида продукции – железорудный, апатитовый и бадделейтовый концентраты. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.4.

Таблица 4

Финансово-экономическая деятельность АО «Ковдорский ГОК» [5]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	23856920	34015622	27496791	31370889	27935855	17.1
Численность персонала, чел.	3594	3605	3806	3930	3097	-13.8
Производительность труда, тыс. руб/чел.	6638	9436	7225	7982	9020	35.9
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	1492874	1734397	1875851	2045954	2658080	78.1

В апреле 2011 г. компанией совместно с АО «МХК "ЕвроХим"» создано ООО «ЕвроХим – Научно-исследовательский центр», основными задачами которого является проведение научно-исследовательских работ, направленных на разработку технологий обогащения руд новых месторождений и совершенствование технологии обогащения существующих производств.

ПАО «Алроса» (Республика Саха, Архангельская обл.) является лидером в мировой алмазодобыче. Основные показатели финансово-экономической деятельности компании представлены в табл.5.

Таблица 5

Финансово-экономическая деятельность ПАО «Алроса» [6]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	96820391	117783576	129477947	138224744	159174480	64.4
Численность персонала, чел.	31026	30903	31373	30287	29796	-4.0
Производительность труда, тыс. руб/чел.	3121	3811	4127	4564	5342	71.2
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	16437852	23412953	27748866	29219252	30158381	83.5

ОАО «НОВАТЭК» (Ямало-Ненецкий АО) осуществляет разведку, добычу, переработку и реализацию природного газа. Основные показатели деятельности компании представлены в табл.6.

Таблица 6

Финансово-экономическая деятельность ОАО «НОВАТЭК» [7]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	106951037	151944566	169856029	245077487	318920540	198.2
Численность персонала, чел.	4019	4767	5440	5997	6749	67.9
Производительность труда, тыс. руб/чел.	26611	31874	31224	40867	47254	77.6
Платежи в связи с оплатой	1672782	2327001	2401696	2972437	3257051	94.7

труда работников, тыс. руб.						
-----------------------------	--	--	--	--	--	--

ОАО «Холдинговая компания "Якутуголь"» (Республика Саха) осуществляет добычу и реализацию угля. Основные показатели финансово-экономической деятельности компании представлены в табл.7.

Таблица 7

Финансово-экономическая деятельность ОАО «ХК "Якутуголь"» [8]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка в текущих ценах, тыс. руб.	24208944	34558488	25954310	19081362	18788321	-22.4
Численность персонала, чел.	4283	4633	4604	4592	4592	7.2
Производительность труда, тыс. руб/чел.	5652	7459	5637	4155	4092	-27.6
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	1895824	2042882	2498725	2521138	2715753	43.2

ОАО «Шахта "Угольная"» (Чукотский АО) осуществляет в основном добычу бурого угля подземным способом. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.8.

Таблица 8

Финансово-экономическая деятельность ОАО «Шахта "Угольная"» [9]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013* г.	2013 г. к 2010 г., %
Выручка в текущих ценах, тыс. руб.	454197	441878	429671	522073	14.9
Численность персонала, чел.	306	296	270	268	-12.4
Производительность труда, тыс. руб/чел.	1484	1493	1591	1948	31.2
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	164929	164652	61268	179312	8.7

*За 2014 г. отчетность не представлена.

ОАО «Рудник Каральвеем» (Чукотский АО) входит в группу «Auramine Resources Limited». Основные виды деятельности связаны с разведкой, добычей и переработкой рудного и россыпного золота на месторождении Каральвеем, расположенном в 18 км к северо-западу от г. Билибино. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.9.

Таблица 9

Финансово-экономическая деятельность ОАО «Рудник Каральвеем» [10]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	2308614	2081212	2480019	2817883	22.1
Численность персонала, чел.	879	849	859	851	-3.2
Производительность труда, тыс. руб/чел.	2626	2451	2887	3311	26.1
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	461774	749179	872822	873819	89.2

ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» (Ямало-Ненецкий АО) входит в состав АО «Газпром», осуществляет добычу, транспортировку и переработку нефти, газа и иных полезных ископаемых, реализацию нефти, газа и продуктов их переработки. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.10.

Таблица 10

Финансово-экономическая деятельность ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» [11]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	106771689	135510463	147221423	149648123	151857953	42.2
Численность персонала, чел.	5833	5288	4693	4690	4620	-20.8
Производительность труда, тыс. руб/чел.	18305	25626	31370	31908	32870	79.6
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	4128444	4073052	4084876	4156892	4931545	19.5

ПАО «Севернефтегазпром» (Ямало-Ненецкий АО) входит в состав АО «Газпром», осуществляет добычу природного газа и газового конденсата. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.11.

Таблица 11

Финансово-экономическая деятельность ПАО «Севернефтегазпром» [12]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	36901899	26038396	33961806	34501203	37214140	0.8
Численность персонала, чел.	863	991	1024	1031	1022	18.4
Производительность труда, тыс. руб/чел.	42760	26275	33166	33464	36413	-14.8
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	1148369	1287609	1374429	1523307	1598391	39.2

ПАО «Сибирская нефтегазовая компания» (Ямало-Ненецкий АО) входит в состав ОАО «Нефтяная компания "Роснефть"», осуществляет добычу природного газа и газового конденсата. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.12.

Таблица 12

Финансово-экономическая деятельность ПАО «Сибирская нефтегазовая компания» [13]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	6518383	7178259	10337316	14000029	15384369	136.0
Численность персонала, чел.	361	352	340	336	332	-8.0
Производительность труда, тыс. руб/чел.	18056	20393	30404	41667	46338	156.6
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	448432	365029	375904	406265	485980	8.4

ПАО «ГМК "Норильский никель"» (Красноярский край) осуществляет поиск, разведку, добычу, обогащение и переработку в основном цветных и драгоценных металлов. Основные показатели финансово-экономической деятельности предприятия представлены в табл.13.

Анализ показал, что в последние годы у рассматриваемых предприятий, кроме одного – ОАО «Холдинговая компания "Якутуголь"», выручка выросла, при этом наибольшее увеличение

у ОАО «НОВАТЭК». В основном это связано с увеличением объема продаж газа и углеводородного сырья.

Таблица 13

Финансово-экономическая деятельность ПАО «ГМК "Норильский никель"» [14]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г., %
Выручка, тыс. руб.	298765123	308792625	288554495	272585141	345846713	15.8
Численность персонала, чел.	25982	26513	27134	26904	26219	0.9
Производительность труда, млн руб/чел.	11499	11647	10634	10132	13191	14.7
Платежи в связи с оплатой труда работников, тыс. руб.	24901341	27292364	31688294	34433901	31874310	28.0

Анализ финансово-экономической деятельности показал, что на выручку предприятий основное влияние оказывают следующие факторы:

- рыночные цены на продукцию;
- сезонность и цикличность спроса на продукцию, например горнодобывающая отрасль подвержена циклическим колебаниям цен на сталь, поэтому на деятельность АО «ОЛКОН» непосредственно влияет изменение спроса в металлургической отрасли, поскольку эта отрасль является потребителем железорудного концентрата;
- стабильность валютных курсов, поскольку основная часть выручки предприятий формируется в долларах США или евро, в то время как основные операции осуществляются в российских рублях;
- тарифы естественных монополий, например, на деятельность ОАО «НОВАТЭК» значительное влияние оказывает государственное регулирование ценообразования.

Эти факторы и возможные риски необходимо учитывать при разработке стратегий и других программных документов инновационного развития Арктики.

Следует отметить, что реализация инновационных проектов в большинстве отчетов рассмотренных предприятий не отражается. В рейтинг ТОП-50 инновационных компаний России за 2014 г., подготовленный Институтом социально-экономической модернизации (ИСЭМ) вошли два предприятия Арктики: 32-е место – ПАО «ГМК "Норильский никель"», 34-е место – ПАО «Алроса» [15].

Для принятия эффективных и результативных решений в области технологий, финансов, сбыта, инвестиций и обновления производства менеджменту предприятий необходим постоянный и непрерывный мониторинг финансово-экономической деятельности предприятия, который является одним из эффективных способов оценки текущего положения. Данные мониторинга отражают состояние хозяйственной ситуации и позволяют выделить наиболее сложные проблемы управления имеющимися ресурсами [16].

Для расчета абсолютной финансовой устойчивости ресурсных предприятий можно использовать методику А. А. Трифиловой, представляющую собой анализ соотношения стоимости запасов и величины собственных и заемных источников их формирования [17].

В табл.14 представлены результаты расчетов абсолютных показателей финансовой устойчивости основных предприятий Арктики, т. е. достаточность/недостаточность средств для осуществления инновационной деятельности.

Из четырнадцати рассмотренных предприятий, по которым имеются необходимые данные, только два имеют абсолютную финансовую устойчивость и семь предприятий можно отнести к группе с нормальной финансовой устойчивостью. Наличие достаточных финансовых ресурсов позволяет им реализовывать инновационные проекты.

В инвестиционно-инновационном портфеле АО «Кольская ГМК» предусмотрена реализация проектов по электроэкстракции никеля и созданию единственного в России промышленного производства электролитного кобальта высших марок. В 2017 г. планируется ввод в эксплуатацию и выведение на производительность 120 тыс. т в год центра электроэкстракции никеля из растворов хлорного растворения [18].

ПАО «ГМК "Норильский никель"» до 2024 г. планирует к реализации следующие основные проекты [19]:

- развитие рудника Скалистый, что позволит дополнительно добывать до 2.4 млн т руды и создать 1000 новых рабочих мест;
- строительство горно-обогатительного комбината на базе хромитового месторождения «Сончеозерское»;
- модернизация Талнахской обогатительной фабрики ОАО «ГМК Норильский никель» с целью увеличения объемов переработки богатых и медистых руд до 10 млн т в год при одновременном повышении ключевых показателей обогащения и эффективности металлургии.

Таблица 14

Абсолютные показатели финансовой устойчивости ресурсных предприятий АЗРФ

Предприятие	31.12.2010	31.12.2013	31.12.2014
Абсолютная финансовая устойчивость			
АО «Кольская ГМК»	(1; 1; 1)	(1; 1; 1)	(1; 1; 1)
ОАО «Шахта "Угольная"»	(0; 0; 1)	(0; 0; 1)	(1; 1; 1)
Нормальная финансовая устойчивость			
ПАО «ГМК "Норильский никель"»	(0; 1; 1)	(0; 1; 1)	(0; 1; 1)
ПАО «Алроса»	(0; 0; 0)	(0; 0; 1)	(0; 1; 1)
ОАО «НОВАТЭК»	(0; 1; 1)	(0; 1; 1)	(0; 1; 1)
ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз»	(0; 0; 1)	(0; 0; 1)	(0; 1; 1)
ПАО «Севернефтегазпром»	(0; 0; 1)	(0; 1; 1)	(0; 1; 1)
ОАО «Сибирская нефтегазовая компания»	(0; 0; 1)	(0; 1; 1)	(0; 1; 1)
ОАО «Воркутауголь»	(0; 1; 1)	(0; 1; 1)	н/д
Неустойчивое финансовое положение			
АО «Ковдорский ГОК»	(0; 1; 1)	(1; 1; 1)	(0; 0; 1)
ОАО «Шахта "Нагорная"»	(0; 0; 1)	(0; 0; 1)	(0; 0; 1)
АО «Апатит»	(1; 1; 1)	(1; 1; 1)	(0; 0; 1)
ОАО «Холдинговая компания "Якутуголь"»	(0; 1; 1)	(0; 1; 1)	(0; 0; 1)
ОАО «Рудник Каральвеем»	(0; 1; 1)	(0; 0; 1)	н/д

Примечания: (1; 1; 1) – абсолютная устойчивость финансового состояния, когда используемыми источниками покрытия затрат являются собственные средства; (0; 1; 1) – нормальная финансовая устойчивость, когда используемыми источниками покрытия затрат являются собственные средства и долгосрочные кредиты; (0; 0; 1) – неустойчивое финансовое состояние, когда используемыми источниками покрытия затрат являются собственные средства, долго- и краткосрочные кредиты и займы; (0; 0; 0) – кризисное финансовое состояние, когда у предприятия отсутствуют источники покрытия затрат.

ОАО «НОВАТЭК» (60 %) совместно с Total (20 %) и компанией CNODC (20 %) (дочернее общество Китайской национальной нефтегазовой корпорации) реализует проект «Ямал СПГ», который предусматривает строительство завода по производству сжиженного природного газа мощностью 16.5 млн т в год на ресурсной базе Южно-Гамбейского месторождения, расположенного на северо-востоке п-ова Ямал [20].

ОАО «Севернефтегазпром» в 2010 г. приступило к реализации пилотного инновационного проекта разработки трудноизвлекаемых запасов углеводородов – добыча туронского газа Южно-Русского нефтегазоконденсатного месторождения. Освоение туронской залежи на Южно-Русском нефтегазоконденсатном месторождении планируется осуществить в несколько этапов. На первом, который уже реализуется и продлится до 2018 г., запланировано строительство трех скважин, две из которых уже действуют, а третья планируется вводом в эксплуатацию в 2016 г. На втором этапе (2019-2021 гг.) в центральной части залежи планируется пробурить 12 эксплуатационных скважин, которые составят пусковой комплекс и положат начало активной промышленной добыче туронского газа на последующих этапах. Активная разработка туронских отложений позволит ежегодно добывать 5-8 млрд м³ газа в год, тем самым компенсируя постепенное истощение сеноманской залежи [21].

Предприятия с неустойчивым финансовым состоянием для покрытия производственных затрат используют собственные средства, долго- и краткосрочные кредиты и займы. В связи с этим у предприятий Севера и Арктики на реализацию инновационных проектов недостаточно финансовых средств. К таким предприятиям можно отнести АО «Ковдорский ГОК», ОАО «Шахта "Нагорная"», АО «Апатит», ОАО «Холдинговая компания "Якутуголь"», ОАО «Рудник Каральвеем» [22].

Оценка финансовой устойчивости промышленных предприятий проводится с помощью большого количества относительных финансовых коэффициентов (показателей). Расчет и анализ относительных коэффициентов дополняет оценку абсолютных показателей финансовой устойчивости промышленных предприятия [23-25]. При этом в расчет относительных коэффициентов не включены АО «ОЛКОН», ОАО «Рудник Каральвеем» и ОАО «Воркутауголь», поскольку у этих предприятий отсутствует финансовая отчетность за 2014 г. Анализ проводится по 12 предприятиям АЗРФ.

Авторами для ранжирования промышленных предприятий АЗРФ использован спектр-балльный метод А. Н. Салова и В. Г. Маслова [26], в основе которого лежит проведение анализа финансовых коэффициентов путем сравнения полученных значений с нормативными величинами. При этом используется система «разнесения» этих значений по зонам удаленности от оптимального уровня (табл.15).

Таблица 15

Спектр-балльный метод оценки относительных показателей финансовой устойчивости по методике А. Н. Салова и В. Г. Маслова

Коэффициент	Зона			
	риска	опасности	стабильности	благополучия
I. Показатели оценки структуры баланса				
Коэффициент текущей ликвидности	<1.2	1.2-1.5	1.5-1.8	> 1.8
Коэффициент обеспеченности собственными средствами	<0.05	0.05-0.1	0.1-0.15	> 0.15
II. Показатели рентабельности				
Коэффициент рентабельности капитала	<5	5-10	10-15	> 15
Коэффициент рентабельности продаж	<10	10-20	20-30	> 30
III. Показатели финансовой устойчивости				
Коэффициент автономности	<0.5	0.5-0.65	0.65-0.8	> 0.8
Коэффициент соотношения привлеченных и собственных средств	>0.8	0.8-0.5	0.5-0.2	< 0.2

Остановимся на каждом из приведенных коэффициентов.

Коэффициент текущей ликвидности является мерой платежеспособности организации, способности погашать текущие (до года) обязательства организации. Чем выше значение коэффициента текущей ликвидности, тем выше ликвидность активов предприятия [27]. В соответствии с методикой А. Н. Салова и В. Г. Маслова коэффициент ликвидности ниже 1.2 может говорить о вероятных трудностях в погашении предприятием своих текущих обязательств по возврату денежных средств (рис.1).

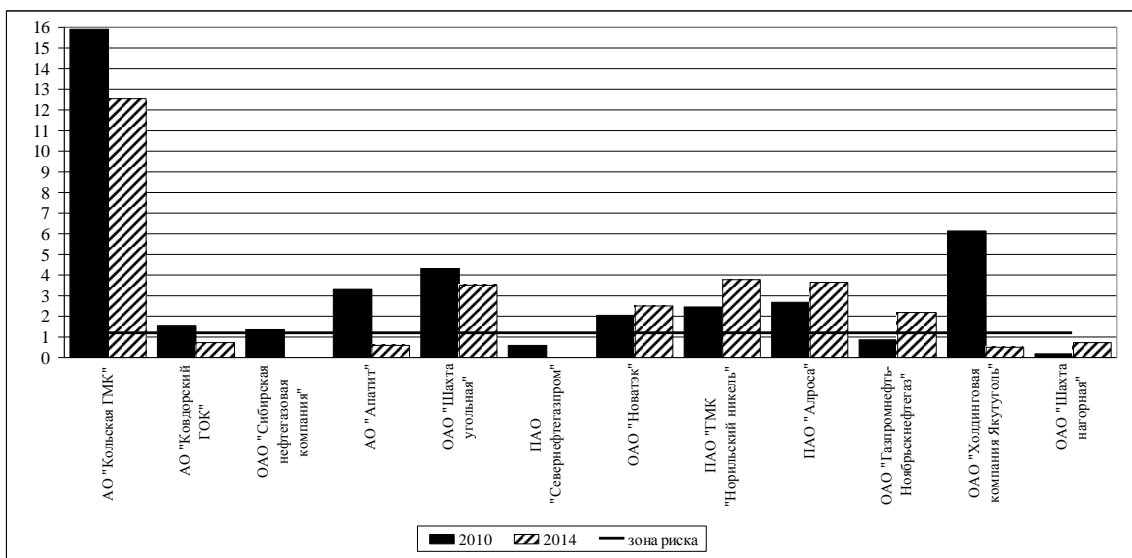

Рис.1. Коэффициент текущей ликвидности предприятий АЗРФ минерально-сырьевой направленности

Анализ показал, что четыре предприятия – ОАО «НОВАТЭК», ПАО «ГМК Норильский никель», ПАО «Алроса», ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» – улучшили ликвидность и финансовое состояние в 2014 г. по сравнению с 2010 г. В зоне риска находятся шесть предприятий: АО «Ковдорский ГОК», ОАО «Сибирская нефтегазовая компания», АО «Апатит», ПАО «Севернефтегазпром», ОАО «Холдинговая компания "Якутуголь"», ОАО «Шахта "Нагорная"».

Коэффициент обеспеченности собственными средствами определяет наличие собственных оборотных средств у предприятия, необходимых для его финансовой устойчивости. Отсутствие собственного оборотного капитала, т. е. значение коэффициента ниже нормативного, свидетельствует о том, что все оборотные средства организации и, возможно, часть внеоборотных активов сформированы за счет заемных источников. Нормативное значение коэффициента 0.1 было установлено постановлением Правительства Российской Федерации «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 20 мая 1994 г. № 498 [28]. Показатель коэффициента текущей ликвидности ниже зоны опасности характеризует неудовлетворительную структуру баланса предприятия (рис.2).

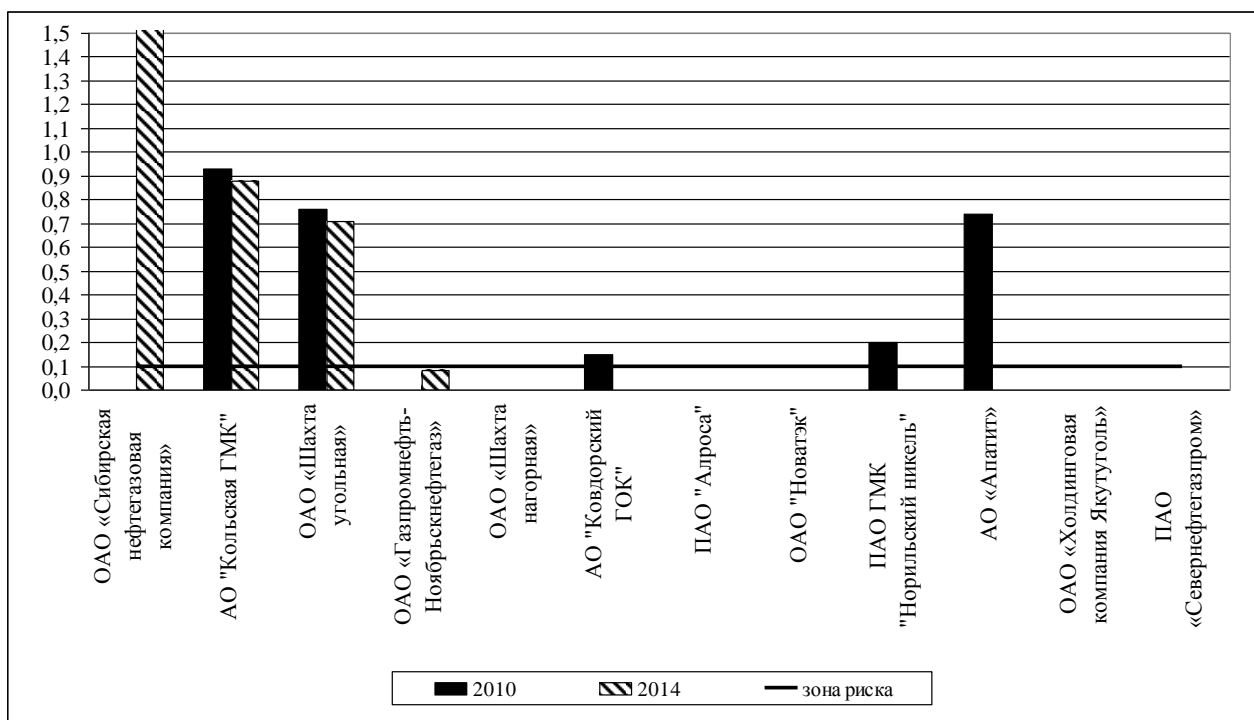

Рис.2. Коэффициент обеспеченности собственными средствами предприятий АЗРФ минерально-сырьевой направленности

Анализ показал, что по коэффициенту обеспеченности собственными средствами в зоне риска находятся практически все предприятия, кроме ОАО «Сибирская нефтегазовая компания», АО «Кольская ГМК», ОАО «Шахта "Угольная"», при этом только одно предприятие (ОАО «Сибирская нефтегазовая компания») улучшило структуру баланса.

Коэффициент рентабельности капитала предприятия позволяет оценить целесообразность инвестиций. Чем выше значение коэффициента, тем инвестиции более доходные. Отрицательный коэффициент рентабельности капитала характеризует низкую эффективность инвестиций [29]. В соответствии с методикой А. Н. Салова и В. Г. Маслова значение коэффициента рентабельности капитала ниже 5 свидетельствует о том, что предприятие находится в зоне опасности (рис.3).

Анализ показал, что шесть предприятий повысили значение коэффициента рентабельности капитала в 2014 г. по сравнению с 2010 г.: ОАО «Сибирская нефтегазовая компания», АО «Ковдорский ГОК», ОАО «Шахта "Угольная"», ПАО «Алроса», ОАО «Холдинговая компания "Якутуголь"». В зоне опасности находятся ПАО «Севернефтегазпром», ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз», ОАО «Шахта "Нагорная"».

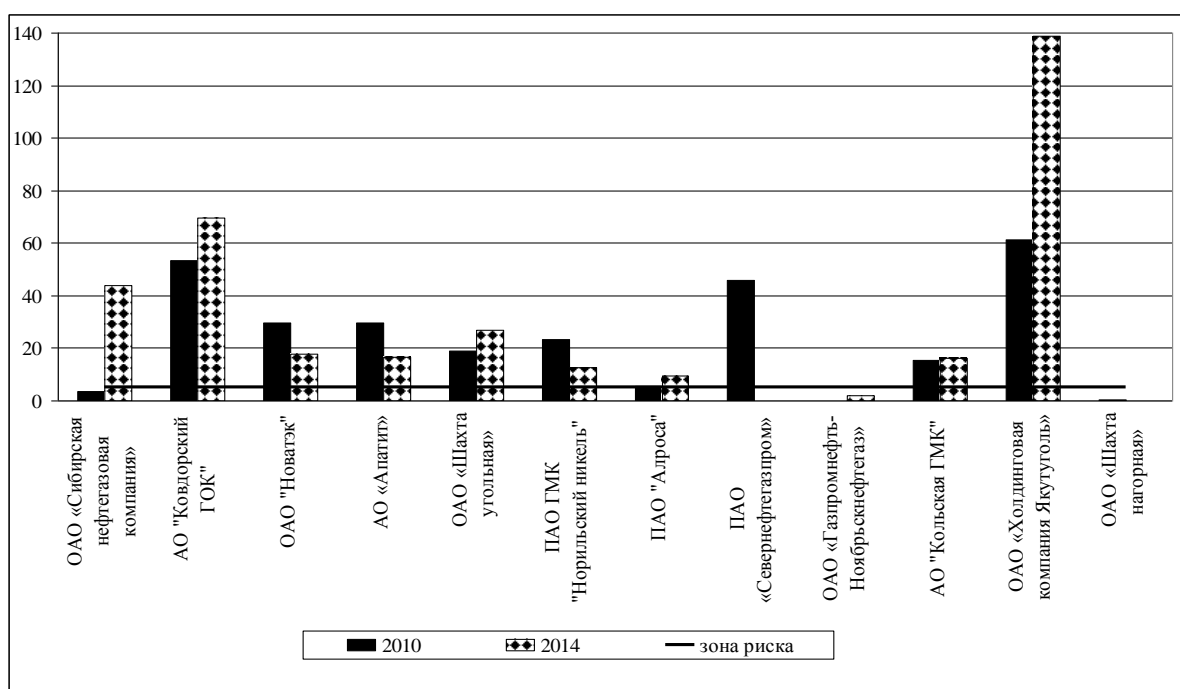

Рис.3. Коэффициент рентабельности капитала предприятий АЗРФ минерально-сырьевой направленности

Рентабельность продаж характеризует финансовую результативность деятельности предприятия и показывает, какую часть выручки составляет прибыль [30]. В соответствии с методикой А. Н. Салова и В. Г. Маслова значение коэффициента рентабельности продаж ниже 20 говорит о том, что предприятие находится в зоне опасности (рис.4).

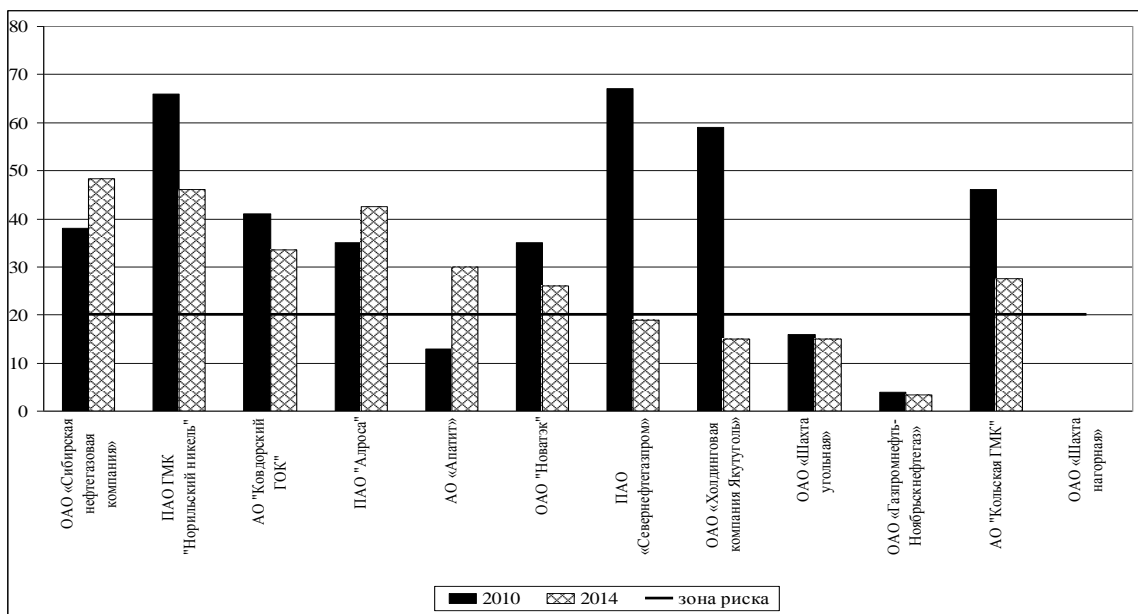

Рис.4. Коэффициент рентабельности продаж предприятий АЗРФ минерально-сырьевой направленности

ОАО «Сибирская нефтегазовая компания», АО «Ковдорский ГОК», ПАО «Алроса» повысили рентабельность продаж в 2014 г. по сравнению с 2010 г. и значение коэффициента выше зоны опасности. В зоне опасности находятся ПАО «Севернефтегазпром», ОАО «Холдинговая компания "Якутуголь"», ОАО «Шахта "Угольная"», ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» и ОАО «Шахта "Нагорная"».

Коэффициент автономности характеризует отношение собственного капитала к общей сумме капитала (активов) предприятия. Коэффициент показывает, насколько организация независима от кредиторов [31]. В соответствии с методикой А. Н. Салова и В. Г. Маслова в зоне опасности или неустойчивости финансового положения предприятия находятся в том случае, если коэффициент автономности ниже 0.5 (рис.5).

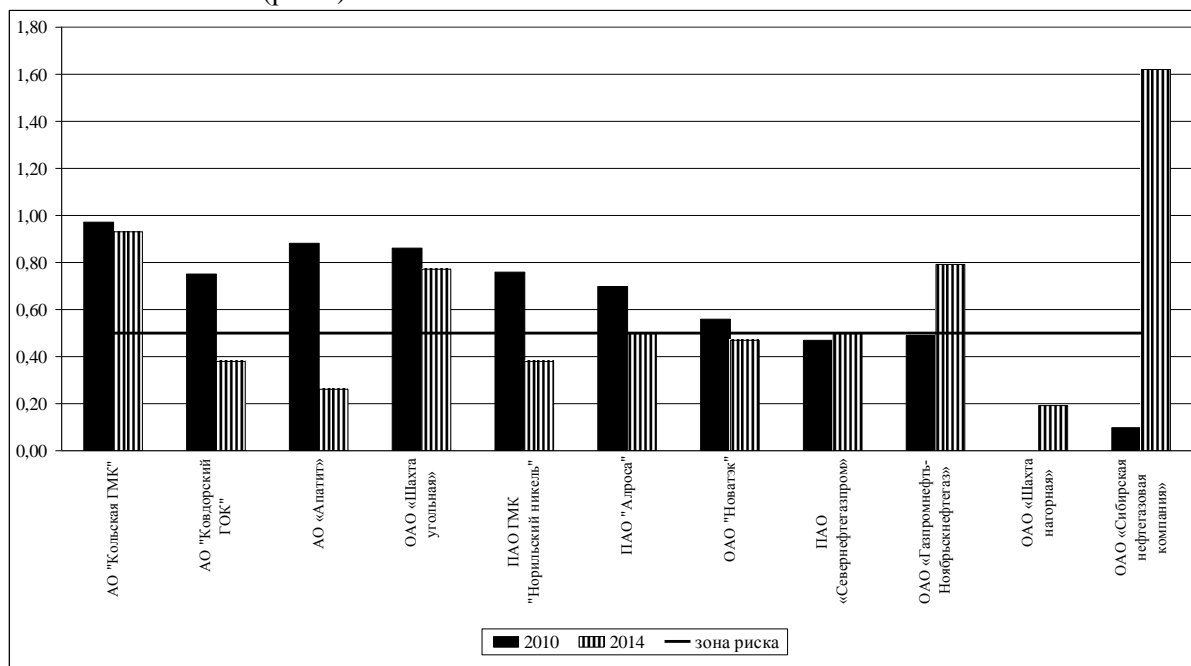

Рис.5. Коэффициент автономности предприятий АЗРФ минерально-сырьевой направленности

Анализ показал, что шесть предприятий повысили свою независимость от заемных средств, четыре – понизили, при этом в зоне опасности находятся пять: АО «Ковдорский ГОК», АО «Апатит», ПАО «ГМК "Норильский никель"», ОАО «НОВАТЭК», ОАО «Шахта "Нагорная"».

Коэффициент соотношения привлеченных и собственных средств характеризует структуру финансовых ресурсов предприятия. Увеличение доли заемных средств в общей структуре снижает платежеспособность предприятия, подрывает его финансовую устойчивость и соответственно снижает доверие контрагентов и уменьшает вероятность получения кредита [32]. В соответствии с методикой А. Н. Салова и В. Г. Маслова значение коэффициента выше 0.5 характеризует зону опасности (рис.6).

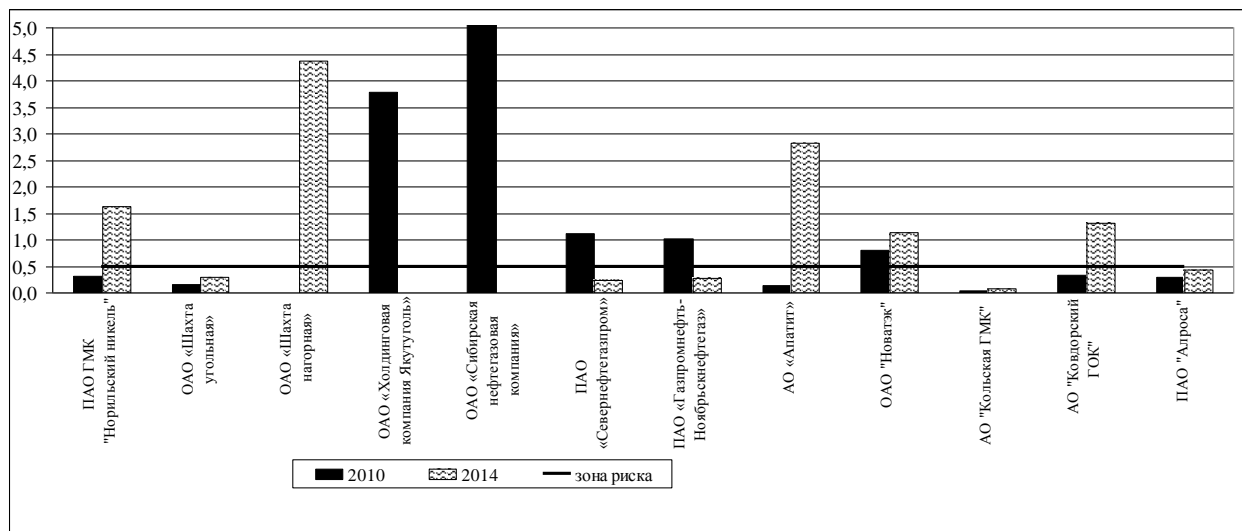

Рис.6. Коэффициент соотношения привлеченных и собственных средств предприятий АЗРФ минерально-сырьевой направленности

Анализ показал, что удовлетворительная финансовая устойчивость наблюдается у семи предприятий: ОАО «Шахта "Угольная"», ОАО «Холдинговая компания "Якутуголь"», ОАО «Сибирская нефтегазовая компания», ПАО «Севернефтегазпром», ПАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз», АО «Кольская ГМК», ПАО «Алроса». По данным за 2014 г., в зоне опасности находятся пять предприятий: ПАО «ГМК "Норильский никель"», ОАО «Шахта "Нагорная"», АО «Апатит», ОАО «НОВАТЭК», АО «Ковдорский ГОК», что может говорить о сильной зависимости от внешних источников.

Проведенный анализ абсолютных и относительных показателей деятельности предприятий АЗРФ показал финансово-экономическое состояние предприятий и конкретные пути их инновационного развития.

Литература

1. Горячевская Е. С. Пути осуществления инновационной деятельности промышленными предприятиями Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 1. С. 102-108.
2. Годовая бухгалтерская отчетность АО «Кольская ГМК» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=564&type=2> (дата обращения: 23.10.2015).
3. Годовая бухгалтерская отчетность АО «Апатит» за 2014 г. URL: <http://www.phosagro.ru/ori/111/company49.php> (дата обращения: 23.10.2015).
4. Годовая бухгалтерская отчетность АО «ОЛКОН» за 2013 г. URL: <http://www.olcon.ru/rus/disclosure/index.phtml> (дата обращения: 26.04.2014).
5. Годовая бухгалтерская отчетность АО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат» за 2014 г. URL: http://www.eurochem.ru/ru/investors-ru/#.UvDZs_vqUx8 (дата обращения: 23.10.2015).
6. Годовая бухгалтерская отчетность ПАО «Алроса» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=199&type=2> (дата обращения: 23.10.2015).
7. Годовая бухгалтерская отчетность ОАО «НОВАТЭК» за 2014 г. URL: <http://www.novatek.ru/ru/investors/> (дата обращения: 23.10.2015).

8. Годовая бухгалтерская отчетность ОАО «ХК "Якутуголь"» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=373> (дата обращения: 23.10.2015).
9. Годовая бухгалтерская отчетность ОАО «Шахта "Угольная"» за 2013 г. URL: <https://e-disclosure.azipi.ru/organization/1185986/> (дата обращения: 5.08.2014).
10. Годовая бухгалтерская отчетность ОАО «Рудник Каральвеем» за 2013 г. URL: <http://disclosure.1prime.ru/portal/default.aspx?emId=8703009509> (дата обращения: 25.04.2014).
11. Годовая бухгалтерская отчетность ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» за 2014 г. URL: <http://www.disclosure.ru/issuer/8905000428/> (дата обращения: 23.10.2015).
12. Годовая бухгалтерская отчетность ПАО «Севернефтегазпром» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=16965&type=2> (дата обращения: 23.10.2015).
13. Годовая бухгалтерская отчетность ПАО «Сибирская нефтегазовая компания» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=6794&type=2> (дата обращения: 23.10.2015).
14. Годовая бухгалтерская отчетность ПАО «ГМК "Норильский никель"» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=564> (дата обращения: 23.10.2015).
15. Определены наиболее инновационные компании России. URL: <http://socialmodernization.ru/archives/1296> (дата обращения: 30.10.2015).
16. Горячевская Е. С., Цукерман В. А. Инновационное промышленное развитие экономики Севера и Арктики Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 4. С. 92-96.
17. Трифилова А. А. Анализ инновационного потенциала предприятия // Инновации. 2003. № 6 (63). С. 67-72.
18. Годовой отчет АО «Кольская ГМК» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=564&type=2> (дата обращения: 23.10.2015).
19. Годовой отчет ПАО «ГМК "Норильский никель"» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=564> (дата обращения: 27.10.2015).
20. Мегапроект «Ямал». URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/mega-yamal/> (дата обращения: 27.11.2014).
21. Годовой отчет ОАО «Севернефтегазпром» за 2014 г. URL: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=16965&type=2> (дата обращения: 29.09.2015).
22. Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Об инновационной активности основных градообразующих предприятий Севера // Север и рынок. 2010. № 1(25). С. 92-96.
23. Горковенко А. В. Подходы к оценке финансовой устойчивости предприятия и их особенности // Наука – промышленности и сервису. 2010. Т. 1, № 5. 93-99.
24. Фаянцева Е. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости компании // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2011. № 4. С. 797-803. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17358326> (дата обращения: 3.02.2015)
25. Горячевская Е. С., Цукерман В. А. Экономическая оценка деятельности основных горнодобывающих предприятий Арктической зоны Российской Федерации // Горн. информ.-аналит. бюл. 2015. № 9. С. 236-245.
26. Салов А. Н., Маслов В. Г. Методика финансового анализа и разработка плана финансового оздоровления предприятия. URL: http://abc.wsu.ru/Books/Method_fi/ (дата обращения: 3.02.2015).
27. Коэффициент текущей ликвидности. URL: http://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/liquidity/current_ratio.html (дата обращения: 4.03.2015).
28. Коэффициент обеспеченности собственными средствами. URL: <http://1fin.ru/?id=311&t=30> (дата обращения: 4.03.2015).
29. Коэффициент рентабельности капитала. URL: <http://finzz.ru/koefficient-rentabelnosti-sobstvennogo-kapitala-goe-na-primere-oao-kamaz.html> (дата обращения: 4.03.2015).
30. Рентабельность продаж. URL: http://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/performance/return_on_sales.html (дата обращения: 4.03.2015).
31. Коэффициент автономии. URL: http://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/solvency/coefficient_of_autonomy.html (дата обращения: 4.03.2015).
32. Коэффициент соотношения привлеченных и собственных средств. URL: <http://studopedia.org/7-46998.html> (дата обращения: 4.03.2015).

References

1. Gorjachevskaja E.S. Puti osushhestvlenija innovacionnoj dejatel'nosti promyshlennymi predpriyatijami Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [The implementation of innovative activity of industrial enterprises of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [North and market: formation of economic order], 2014, no. 1, pp. 102-108. (In Russ.).
2. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' AO "Kol'skaja GMK" za 2014 god [Annual financial statements of JSC "Kola MMC" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=564&type=2> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
3. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' AO "Apatit" za 2014 god [The annual financial statements of JSC "Apatit" for 2014]. Available at: <http://www.phosagro.ru/ori/111/company49.php> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
4. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' AO "OLKON" za 2013 god [The annual financial statements of JSC "OLKON" for 2013]. Available at: <http://www.olcon.ru/rus/disclosure/index.phtml> (accessed 26.04.2014). (In Russ.).
5. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' AO "Kovdorskij gorno-obogatitel'nyj kombinat" za 2014 god [The annual financial statements of JSC "Kovdor MMC" for 2014]. Available at: http://www.eurochem.ru/ru/investors-ru/#.UvDZs_vqUx8 (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
6. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' PAO "Alrosa" za 2014 god [The annual financial statements of JSC "Alrosa" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=199&type=2> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
7. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' OAO "NOVATJeK" za 2014 god [The annual financial statements of JSC "NOVATEK" for 2014]. Available at: <http://www.novatek.ru/ru/investors/> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
8. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' OAO «HK "Jakutugol"» za 2014 god [The annual financial statements of JSC "Yakutugol" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=373> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
9. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' OAO "Shahta Ugol'naja" za 2013 god [The annual financial statements of JSC "Coal Mine" for 2013]. Available at: <https://e-disclosure.azipi.ru/organization/1185986/> (accessed 5.08.2014). (In Russ.).
10. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' OAO "Rudnik Karal'veem" za 2013 god [The annual financial statements of JSC "Mine Karalveem" for 2013]. Available at: <http://disclosure.1prime.ru/portal/default.aspx?emId=8703009509> (accessed 25.04.2014). (In Russ.).
11. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' OAO "Gazpromneft'-Nojabr'skneftegaz" za 2014 god [The annual financial statements of JSC "Gazpromneft-NNG" for 2014]. Available at: <http://www.disclosure.ru/issuer/8905000428/> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
12. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' PAO "Severneftegazprom" za 2014 god [Annual financial statements of JSC "Severneftegazprom" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=16965&type=2> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
13. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' PAO "Sibirskaja neftegazovaja kompanija" za 2014 god [Annual financial statements of JSC "Siberian Oil and Gas Company" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=6794&type=2> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
14. Godovaja buhgalterskaja otchetnost' PAO «GMK "Noril'skij nikel"» za 2014 god [Annual financial statements of JSC "MMC Norilsk Nickel" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=564> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).
15. Opredeleny naibolee innovacionnye kompanii Rossii. Available at: <http://socialmodernization.ru/archives/1296> (In Russ.).
16. Gorjachevskaja E. S., Tsukerman V. A. Innovacionnoe promyshlennoe razvitie ekonomiki Severa i Arktiki Rossijskoj Federacii [Innovative industrial development of the economy of the North and Arctic regions of the Russian Federation]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [North and market: formation of economic order], 2014, no. 4, pp. 92-96. (In Russ.).
17. Trifilova A.A. Analiz innovacionnogo potenciala predpriyatija [Analysis of innovative potential of enterprise]. *Innovacii* [Innovations], 2003, no. 6, pp. 67-72. (In Russ.).
18. Godovoj otchet AO «Kol'skaja GMK» za 2014 god [Annual report of JSC "Kola MMC" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=564&type=2> (accessed 23.10.2015). (In Russ.).

19. Godovoj otchet PAO «GMK "Noril'skij nikel"» za 2014 god [Annual report of JSC "MMC" Norilsk Nickel" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=564> (accessed 27.10.2015). (In Russ.).
20. Megaproekt "Jamal" [Megaproject "Yamal"]. Available at: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/mega-yamal/> (accessed 27.11.2014). (In Russ.).
21. Godovoj otchet OAO "Severneftegazprom" za 2014 god [Annual report of JSC "Severneftegazprom" for 2014]. Available at: <http://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=16965&type=2> (accessed 29.09.2015). (In Russ.).
22. Tsukerman V. A., Gorjachevskaja E. S. Ob innovacionnoj aktivnosti osnovnyh gradoobrazujushhih predpriyatij Severa [Innovative activity of the main city-forming enterprises of the North]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [North and market: formation of economic order], 2010, no. 1, pp. 92-96. (In Russ.).
23. Gorkovenko A. V. Podhody k ocenke finansovoj ustojchivosti predpriyatija i ih osobennosti [Approaches to the assessment of financial stability of the enterprise and their features]. *Nauka – promyshlennosti i servisu* [Science – industry and service], 2010, vol. 1, no. 5, pp. 93-99. (In Russ.).
24. Fajanceva E. Metodicheskie podhody k ocenke finansovoj ustojchivosti kompanii [Methodological approaches to assessing financial stability]. *Risk: resursy, informacija, snabzhenie, konkurencija* [Risk: resources, information, procurement, competition], 2011, no. 4 pp. 797-803. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17358326> (accessed 03.02.2015). (In Russ.).
25. Gorjachevskaja E. S., Tsukerman V. A. Ekonomicheskaja ocenka dejatel'nosti osnovnyh gornodobyvajushhih predpriyatij Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Economic evaluation of the major mining companies of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Gornyj informacionno-analiticheskij bjulleten'* [Mountain information-analytical bulletin], 2015, no. 9, pp. 236-245. (In Russ.).
26. Salov A. N., Maslov V. G. Metodika finansovogo analiza i razrabotka plana finansovogo ozdorovlenija predpriyatija [Methods of financial analysis and develop a plan of financial recovery]. Available at: http://abc.wsu.ru/Books/Metod_fi/ (accessed 03.02.2015). (In Russ.).
27. Kojefficient tekushhej likvidnosti [Current ratio]. Available at: http://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/liquidity/current_ratio.html (accessed 04.03.2015). (In Russ.).
28. Kojefficient obespechennosti sobstvennymi sredstvami [Equity ratio]. Available at: <http://1fin.ru/?id=311&t=30> (accessed 04.03.2015). (In Russ.).
29. Kojefficient rentabel'nosti kapitala [Return on equity]. Available at: <http://finzz.ru/koefficient-rentabelnosti-sobstvennogo-kapitala-roe-na-primere-oao-kamaz.html> (accessed 04.03.2015). (In Russ.).
30. Rentabel'nost' prodazh [Return on sales]. Available at: http://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/performance/return_on_sales.html (accessed 04.03.2015). (In Russ.).
31. Kojefficient avtonomii [The autonomy ratio]. Available at: http://www.audit-it.ru/finanaliz/terms/solvency/coefficient_of_autonomy.html (accessed 04.03.2015). (In Russ.).
32. Kojefficient sootnoshenija privilechennyh i sobstvennyh sredstv [The ratio of borrowed and equity]. Available at: <http://studopedia.org/7-46998.html> (accessed 04.03.2015). (In Russ.).

УДК 332.14

ОБ ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ

В. А. Цукерман

канд. техн. наук, доцент, зав. отделом

Е. С. Горячевская

научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Аннотация. Исследована методология оценки конкурентоспособности территорий, которые применяются в российской и зарубежной практике. Методики оценки конкурентоспособности, разработанные Всемирным экономическим форумом и Международным институтом развития менеджмента, применяются для национальных экономик и предусматривают использование обширного статистического материала, экспертных оценок, а также авторских методик сведения разнородных показателей. Использование разработанных

зарубежных методик для оценки конкурентоспособности регионов России затруднено в связи с отсутствием необходимых статистических показателей.

Отмечено, что методология оценки конкурентоспособности регионов России недостаточно изучена, а существующие методы и технологии неадекватны. Выполнен анализ методик расчета конкурентоспособности регионов, разработанных отечественными специалистами, которые адаптированы к показателям Росстата. Однако в различных методиках используются разные наборы показателей при оценке одинаковых факторных параметров, что влияет на показатели конкурентоспособности одних и тех же регионов и не позволяет объективно ее оценить.

Для оценки конкурентоспособности северных и арктических регионов предложено использовать одновременно три методики различных российских авторов. Выполненные комплексные расчеты по этим методикам позволили ранжировать регионы Севера и Арктики по уровню конкурентоспособности. В результате было определено, что, по данным за 2013 г., наивысшим уровнем конкурентоспособности обладает Ямало-Ненецкий АО, далее в порядке уменьшения показателей конкурентоспособности расположены Чукотский АО, Республика Саха (Якутия), Магаданская обл., Мурманская обл., Архангельская обл., Камчатский край и Ненецкий АО.

Ключевые слова: методология, оценка, конкурентоспособность, регион, развитие, индекс, показатель, ранжирование.

ON EVALUATION OF COMPETITIVENESS OF THE REGIONS OF THE NORTH AND THE ARCTIC

V. A. Tsukerman

PhD (Engineering), Head of Department

E. S. Goryachevskaya

Researcher

G. P. Luzin Institute for Economic Studies, the Kola Science Centre of the RAS, Apatity, Russia

Abstract. The methodology of evaluation of competitiveness of territories applied in the Russian and foreign practices is studied. The methodologies of evaluation of competitiveness developed by The World Economic Forum and the International Institute of management development are applied for national economies and involve the use of extensive statistical data, expert evaluations, as well as copyright techniques of bringing together heterogeneous indicators. Evaluation of competitiveness of Russian regions is difficult due to lack of the necessary statistical indicators.

It is noted that the methodology for evaluating the competitiveness of Russian regions is poorly studied, and current methods and technologies are inadequate. The methods for calculating regional competitiveness developed by national experts, and adapted to the indicators of the Russian Agency of Statistics are analyzed. However, in different methodologies different sets of procedures are used in evaluating the same factor parameters that affects competitiveness of the same regions, and does not allow evaluating it objectively.

In order to assess the competitiveness of the northern and arctic regions it is proposed to use three different methods of Russian authors at the same time. The performed complex calculations by these methods allowed ranking the regions of the North and The Arctic in terms of competitiveness. As a result, it was determined that by the data for 2013 Yamalo-Nenets Autonomous Okrug got the highest level of competitiveness, then by decreasing the competitiveness indicators the list was as follows; Chukotka, Sakha Republic (Yakutia), Magadan Oblast, Murmansk Oblast, Arkhangelsk Oblast, Kamchatka region and Nenets Autonomous Okrug.

Keywords: methodology, evaluation, competitiveness, region, development, index, indicator, ranking.

Проблема оценки конкурентоспособности различных социально-экономических систем занимает видное место в проблематике научных исследований. При этом среди исследователей не достигнуто понимание данного явления даже применительно к наиболее простому случаю – конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. Что касается иных систем – макро- и мезоуровня, то представления о конкурентоспособности и способах ее измерения пока только начинают формироваться. Это создает существенные сложности для управленческих структур, призванных улучшить состояние объекта в аспекте конкурентоспособности.

Методология оценки конкурентоспособности регионов России, в том числе Севера и Арктики, недостаточно изучена, а существующие методы и технологии не всегда адекватны в силу своей высокой универсальности [1]. Именно в этой связи и в научном, и в практическом отношении назрела необходимость в исследовании теоретических и методологических проблем, связанных с оценкой конкурентоспособности северных и арктических регионов.

Целью работы является исследование методологии оценки конкурентоспособности территорий, которые используются в российской и зарубежной практике, а также ранжирование регионов Севера и Арктики по уровню конкурентоспособности.

Для оценки конкурентоспособности невозможно использовать только один (единый) показатель, поскольку конкурентоспособность страны является функцией конкурентоспособных товаропроизводителей, поскольку конкурентоспособность фирмы зависит от определенных условий в регионе или стране, характеризующихся как конкурентоспособность этих систем. Это отмечают практически все исследователи методологии данной проблемы.

Конкурентоспособность территорий можно оценивать на макро- (страна), мезо- (регион, город) и микроуровне (предприятие).

Основные методики оценки конкурентоспособности на микроуровне:

- рейтинговые оценки [2];
- графическая модель [3];
- комплексная оценка по показателям производственно-экономического потенциала предприятия [4];
- оценка на основе диагностических и стратегических показателей [5];
- оценка на основе ценностной цепи М. Портера [6].

В последнее время активизировалась работа по оценке конкурентоспособности на мезоуровне в различных странах. В частности, Asiaweek Magazine публикует ранжирование лучших для проживания азиатских городов, которое строится на 28 индикаторах: экономические показатели, уровень образования, окружающая среда и санитарное состояние, уровень здравоохранения, транспорт и связь, личная безопасность, уровень цен на проживание, досуг [7].

Другим примером оценки конкурентоспособности городов являются исследования The Reason Public Policy Institute в США, в которых проводится оценка уровня конкурентоспособности крупнейших городов штата Калифорния [8]. Работа предусматривает определение лучших для проживания городов в штате. Ранжирование основывается на показателях, оценивающих месторасположение города, температурный режим, а также показатели сервиса (медицина, транспорт, отдых и т. п.).

Обе представленные методики направлены на оценку привлекательности городов для проживания людей и не рассматривают города как производственную среду.

Комплексная оценка уровня конкурентоспособности, т. е. оценка привлекательности городов как для населения, так и для бизнеса, проведена в 2004 г. группой исследователей для кабинета премьер-министра Великобритании [9]. Авторы выделяют 6 ключевых факторов, способствующих конкурентоспособности городов: диверсификация экономики, квалификация рабочей силы, внутренние и внешние связи, стратегические возможности мобилизации в долгосрочном периоде, инновации в фирмах и организациях, качество жизни (социальное, культурные, окружающая среда).

Наиболее известны ежегодные оценки уровня конкурентоспособности стран, проводимые Международным экономическим форумом и Международным институтом развития менеджмента. Рейтинги Международного экономического форума по уровню конкурентоспособности (GCI) основаны на комбинации общедоступных статистических данных и результатов опроса руководителей компаний, обширного ежегодного исследования в странах, анализируемых в рейтинге. Анкета предусматривала охват широкого круга факторов, влияющих на бизнес-климат экономик. Представлялся также подробный обзор сильных и слабых сторон конкурентоспособности стран, что позволяло определять приоритетные области для формулирования политики экономического развития и разрабатывать ключевые реформы [10].

Индекс GCI состоит из 113 переменных, 79 из которых получены в результате исследования мнения руководителей. Для расчета баллов страны для переменных исследования применяется метод движущейся средней, который заключается в том, что берется средневзвешенная величина результатов исследований 2009 и 2008 гг. Каждый отдельный ответ на вопрос анкеты в выборке 2013 г. дает в 1.5 раза больше веса, чем каждый ответ в выборке 2014 г. Непосредственно для определения инновационного потенциала используется субиндекс GCI, который состоит из 8 переменных, 7 из которых получены в результате исследования мнения руководителей [10].

По методике Международного экономического форума мировыми лидерами в 2014 г., занявшими первые три места, стали Швейцария, Сингапур, США. Россия находится на 53-м месте из 144 [10].

Под конкурентоспособностью страны Международный институт развития менеджмента (International Institute for Management Development, IMD) [11] понимает способность национальной экономики создавать и поддерживать среду, в которой возникает конкурентоспособный бизнес. The IMD World Competitiveness Yearbook – ежегодное аналитическое исследование конкурентоспособности, которое институт проводит с 1989 г. в содружестве с исследовательскими организациями во всем мире. Каждое государство в рейтинге оценивается на основе анализа 333 критериев по 4 основным показателям: состояние экономики, эффективность правительства, состояние деловой среды и состояние инфраструктуры. Каждый показатель имеет равный вес и включает в себя пять факторов. Таким образом, совокупный рейтинг конкурентоспособности основан на 20 различных индикаторах из четырех ключевых аспектов экономической жизни страны. При расчете используются данные международных организаций и партнерских институтов по всему миру. Бизнес-климат в исследуемых странах оценивается на основе мнения аналитиков, опросов руководителей крупных корпораций и специалистов в области развития. Рейтингование осуществляется на основе обратного соотношения: две трети – статистические данные и одна треть – экспертные оценки [12].

По методике Международного института развития менеджмента, в 2015 г. мировым лидером стали США, далее идут Гонконг и Сингапур – на втором и третьем местах соответственно. Россия ухудшила свой показатель в глобальном рейтинге по сравнению с 2014 г. на семь позиций, переместившись на 45-е место из 61 [12].

Следует отметить, что исследования Международного экономического форума и Международного института развития менеджмента базируются на обширном статистическом материале и экспертных оценках, а также авторских методиках сведения разнородных показателей.

Методология оценки конкурентоспособности региона требует дальнейших фундаментальных исследований. Исходя из этого, своевременной задачей является всестороннее изучение содержания понятия конкурентоспособности региона, осуществление ее оценки, а также определение направлений повышения конкурентоспособности, которое, в свою очередь, позволит обеспечить динамичное развитие регионов Севера и Арктики и России в целом.

В настоящее время серьезной проблемой, требующей незамедлительного решения, является также отсутствие единого подхода к определению понятия «конкурентоспособность региона» [13]. Так, по мнению В. А. Логиновой, конкурентоспособность территории – способность обеспечить такой уровень развития производительных сил, который будет привлекательным для перемещения населения и размещения капитала на данной территории [14].

А. З. Селезнев понимает конкурентоспособность региона как обусловленное экономическими, социальными, политическими и другими факторами положение региона и его отдельных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, отражаемое через показатели, адекватно характеризующие такое состояние и его динамику [15].

В. В. Худеева рассматривает конкурентоспособность региона как качественную определенность состояния региона, проявляющуюся в способности конкурировать с однородными системами и характеризующую совокупностью конкурентных преимуществ, которые являются «движущей силой» его экономического развития [16].

По мнению В. В. Окрепилова, региональная конкурентоспособность – многопараметрическая характеристика достигнутого уровня и инновационных тенденций развития, позволяющая определить перспективы обеспечения внутренней устойчивости и усиления роли и влияния региона во внешних системах (по сравнению с соседними регионами) в масштабах страны или международного пространства [17].

В целом можно констатировать отсутствие единой позиции относительно понятия категории «конкурентоспособность региона». Трактовки понятия региональной конкурентоспособности имеют существенные различия.

На мезоуровне предложены различные подходы к оценке уровня регионального развития России и конкурентоспособности регионов, наиболее известными являются следующие:

1. Индекс развития человеческого потенциала регионов (ИРЧП), разработанный ООН для оценки социально-экономического положения страны, является одним из индикаторов конкурентоспособности национальной экономики [18]. К показателям, определяющим индекс развития человеческого потенциала, относят три – ожидаемая продолжительность жизни, уровень

образования, реальный душевой валовой внутренний продукт. Они отражают три главных качества – здоровую жизнь, знания, достойный уровень жизни человека.

2. Индекс инвестиционной привлекательности регионов России, предложенный консалтинговым агентством «Эксперт-Регион» [19].

3. Оценка социально-экономического развития регионов, представляемая Министерством экономического развития РФ [20].

4. Методика сравнительного анализа конкурентных позиций и потенциала регионов России, разработанная специалистами Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Для расчета рейтинга используется методика ранжирования. Стартовые позиции каждого региона в рейтинге развития регионов определяются на основе 15 статистических показателей, относящихся к трем аспектам развития (социальная сфера, экономика, социальная и экономическая инфраструктура) и наиболее полно характеризующих уровень развития субъектов страны [21].

В работе исследованы различные авторские методики оценки региональной конкурентоспособности с целью выбора наиболее подходящих для анализа конкурентоспособности регионов Севера и Арктики.

Б. М. Гринчель и Н. Е. Костылева предлагают два метода оценки конкурентоспособности региона [22]. Первый заключается в оценке социально-экономической конкурентоспособности региона на основе рангового метода, здесь используют группу из 23 показателей. Ранговый метод состоит в определении места (ранга) региона в системе сопоставляемых территорий (регионов). Второй метод позволяет проводить оценку уровня конкурентоспособности регионов на базе модели измерения потенциалов. Потенциал региона, на взгляд авторов, включает в себя пять основных составляющих – ресурсный, финансовый, экологический, организационный потенциалы и потенциал качества жизни. Оценка этих потенциалов позволит повысить эффективность их использования и будет способствовать повышению уровня региональной конкурентоспособности.

Другой метод оценки конкурентоспособности региона, автором которого является Н. Я. Калужнова, заключается в использовании индекса конкурентоспособности [23]. Итоговый индекс КСП рассчитывается как среднеарифметическое значение 12 частных индексов, определяемых на основе частных показателей.

Следующую методику оценки конкурентоспособности региона разработали Л. И. Ушвицкий и В. Н. Парахина [24], предлагающие расчет интегрального коэффициента по формуле средней геометрической.

В ряде случаев исследователи отказываются от применения интегрального показателя, обращая внимание на совокупность факторов и условий конкурентоспособности. Такой позиции придерживаются, например, В. Круглякова, Ю. Трещевский, В. Эйтингон [25].

Согласно В. Меркушовой, уровень конкурентоспособности региона – интегральная оценка конкурентоспособности региона, сопоставленная с интегральной оценкой региона-эталона, в качестве которого наиболее целесообразно использовать регион (реально существующий или условный), обладающий наилучшими характеристиками конкурентоспособности. Для синтеза интегральных показателей экономического потенциала, региональной эффективности, конкурентных преимуществ и непосредственного уровня конкурентоспособности автором работы предлагается использовать непараметрические методы статистического анализа [26].

Методика Л. С. Шеховцевой строится на оценке 4 групп факторов (уровень жизни, инвестиционная привлекательность, инновационная активность и уровень развития) с использованием 16 показателей [27], которые рассчитываются как относительная величина в сравнении с среднероссийским показателем, а интегральный показатель рассчитывается как сквозной показатель, не выделяющий отдельно социальной, инвестиционной, инновационной и экономической составляющих.

Методика С. В. Долохан, С. В. Петросяна, А. М. Садыковой строится на основе трех групп показателей: инвестиционной активности, уровня жизни населения, эффективности использования ресурсов региона [28].

Для оценки конкурентоспособности региона Л. Н. Чайниковой [29] предложено использовать 11 единичных показателей: среднедушевые денежные доходы населения; рентабельность валовой продукции (работ, услуг) региона; удельный вес убыточных организаций; удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП; расходы консолидированного бюджета на душу населения; удельный вес инновационно-активных организаций в общем числе организаций; объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг; экспорт; удельный вес

транспортных услуг и связи в ВРП; удельный вес малых предприятий в общем числе зарегистрированных предприятий; доля выпуска специалистов, аспирантов и докторантов в численности экономически активного населения. При этом интегральный показатель рассчитывается с учетом коэффициентов весомости.

Методика оценки конкурентоспособности регионов Г. Г. Аралбаевой, Д. Ф. Ахметовой предполагает расчет системы показателей, которая обеспечивает интегральную оценку подсистем: блок 1 – уровень экономического развития региона; блок 2 – жизненный уровень населения региона; блок 3 – инвестиционная привлекательность региона [30]. Комплексная (интегральная) оценка конкурентоспособности производится на основе расчета среднеарифметического значения полученных интегральных коэффициентов по каждому блоку. При этом если коэффициент больше 1, то регион превышает среднероссийский уровень, если меньше 1, то отстает от среднероссийского уровня, если равен 1, то соответствует среднероссийскому уровню.

Подходы к оценке конкурентоспособности территорий не отражают в полной мере комплексную оценку конкурентоспособности регионов России, но могут служить составляющими такой оценки. Подходы к методике оценки конкурентоспособности, предложенные Всемирным экономическим форумом, Международным институтом менеджмента и др., были разработаны для национальных экономик, но могут учитываться при оценке региональной конкурентоспособности [31].

Анализ методик определения конкурентоспособности регионов России показал, что авторы используют различные подходы к оценке факторов, разные наборы показателей при оценке одинаковых факторных параметров, влияющих, по мнению авторов, на конкурентоспособность, а также различные методики расчета показателей, а в результате получают различные оценки конкурентоспособности одних и тех же регионов [32].

Выделены три методики, которые, по мнению авторов работы, наиболее объективно могут быть использованы для оценки конкурентоспособности регионов Севера и Арктики:

- конкурентоспособные позиции по уровню социально-экономического развития (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН [21]);
- интегральная оценка конкурентоспособности (Г. Г. Аралбаева и Д. Ф. Ахметова [31]);
- интегральный показатель конкурентоспособности на основе трех групп индексов (С. В. Долохян, С. В. Петросянз, А. М. Садыкова [28]).

С учетом принятой в Российской Федерации статистики по данным за 2013 г. выполнен анализ по 8 регионам, в которых расположены субъекты Севера и Арктики: Архангельская обл., Ненецкий АО, Мурманская обл., Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская обл., Чукотский АО.

Методика «Конкурентоспособные позиции по уровню социально-экономического развития» характеризует социальную, экономическую сферы и инфраструктуру, это позволяет учитывать основные специфические особенности регионов Севера и Арктики:

1. Слабое развитие социальной сферы. Необходим переход к новой парадигме северной государственной политики, основой которой должен стать императив сбалансированного развития на основе постоянно живущего населения с высоким качеством жизни, экологическим благополучием и эффективной инновационной экономикой [33].

2. Высокие показатели ВРП, инвестиций в основной капитал и среднедушевых денежных доходов населения. Это обусловлено тем, что здесь производится до 40 % ВВП страны. Разведанные месторождения Севера и Арктики содержат треть мировых запасов никеля, 10 % меди, 15 % кобальта и 30 % платиноидов. Кроме того, на Севере и в Арктике сконцентрировано 100 % российских алмазов, 80 % нефти и газа, 90 % олова и т. д. Здесь добывается 50 % деловой древесины, основная часть пушнины, речной и морской рыбы. Север дает 75 % всех валютных поступлений страны [34].

3. Низкая транспортная обеспеченность, в критическом состоянии находятся основные звенья арктической транспортной системы. Объемы перевозок по Северному морскому пути за последние два десятилетия сократились в 3 раза, по Восточному сектору в 30 раз. Не осуществляется планомерное воспроизводство выбывающего из эксплуатации атомного и дизельного ледокольного флотов. Неудовлетворительное состояние гидротехнических сооружений морских и речных портов Арктики, дноуглубительных работ, организации паромных переправ, русловыправительных сооружений на водных путях затрудняет судоходство, приводит к большим потерям пропускной способности берегового хозяйства и провозной способности флота. В кризисном состоянии находятся аэропорты северных и арктических городов и поселков, где авиация является основным

или безальтернативным видом транспорта; высокая доля износа взлетно-посадочных полос, светосигнального оборудования, авиационной техники. Критическое положение с парком малой авиации. Имеющиеся отечественные разработки новых самолетов малого размера, соответствующие спросу на перевозки и условиям эксплуатации в арктических районах, не запущены в серийное производство [35-37].

В табл.1 приведена система показателей для оценки конкурентоспособности по методике Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН.

Таблица 1

Система показателей для оценки конкурентоспособности по уровню социально-экономического развития

Сфера оценки	Показатель
Социальная	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
	Коэффициенты младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)
	Заболеваемость на 1000 чел. населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)
	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения
	Коэффициенты миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения
Экономическая	Валовой региональный продукт на душу населения, руб.
	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.
	Производство электроэнергии, млрд кВт-ч
	Просроченная задолженность по заработной плате, млн руб.
	Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.
	Оборот розничной торговли на душу населения (в фактически действовавших ценах), руб.
Инфраструктурная	Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство» (в фактически действовавших ценах), млн руб.
	Объем услуг связи, оказанных населению (на одного жителя), руб.
	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (на конец года), километров дорог на 1000 км ² территории
	Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия за год, тыс.

Для определения социально-экономического развития был произведен расчет показателей, характеризующих социальную, экономическую сферы и инфраструктуру по всем субъектам Российской Федерации.

Проведено ранжирование регионов Севера и Арктики среди субъектов Российской Федерации по основным показателям их социально-экономического развития (табл.2).

Таблица 2

Сравнение регионов Севера и Арктики с другими субъектами РФ по уровню развития*

Субъект Федерации	По показателям			Суммарные показатели	Место в РФ
	социальной сферы	экономической сферы	развития инфраструктуры		
Москва	98	67	10	175	1
Санкт-Петербург	75	100	10	185	2
Ямало-Ненецкий АО	312	49	119	480	20
Республика Саха (Якутия)	294	100	125	519	24
Мурманская обл.	240	115	176	531	27
Архангельская обл.	278	183	176	637	43
Ненецкий АО	243	91	322	656	49
Магаданская обл.	328	122	222	672	50
Чукотский АО	334	159	251	744	64

Камчатский край	304	182	260	746	65
Республика Тыва	315	411	304	1030	83

*Расчет выполнен по методике оценки конкурентоспособности Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

В рамках методики предусмотрено определение числового значения рейтинга, выявляющего принадлежность региона к той или иной группе по уровню конкурентоспособности: высокий (с 1-го по 20-е место), средний (с 21-го по 50-е место), низкий (с 51-го по 83-е место). Расчеты интегрального рейтинга конкурентоспособности регионов Севера и Арктики приведены в табл.3.

Таблица 3

Интегральный рейтинг конкурентоспособности регионов Севера и Арктики по методике ИЭОПП СО РАН

Регион	Место	Уровень конкурентоспособности
Ямало-Ненецкий АО	12	Высокий
Республика Саха (Якутия)	24	Средний
Мурманская обл.	27	То же
Архангельская обл.	43	"
Ненецкий АО	49	"
Магаданская обл.	50	"
Чукотский АО	64	Низкий
Камчатский край	65	То же

Следует отметить, что большинство регионов Севера и Арктики по методике оценки конкурентоспособности Института экономики и организации промышленного производства СО РАН относятся к группе со средним уровнем конкурентоспособности, что определяет ресурсы повышения конкурентоспособности региона [38].

Методика интегральной оценки конкурентоспособности Г. Г. Аралбаевой и Д. Ф. Ахметовой включает расчет конкурентоспособности по показателям уровня экономического развития, жизненного уровня населения и инвестиционной привлекательности. Показатели интегральной оценки конкурентоспособности приведены в табл.4.

Таблица 4

Система показателей интегральной оценки конкурентоспособности по методике Г. Г. Аралбаевой и Д. Ф. Ахметовой

Подсистема	Показатель
Экономическое развитие	ВРП на душу населения, руб.
	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности промышленного производства на душу населения, руб.
	Оборот розничной торговли на душу населения, руб.
	Ввод в действие жилых домов на 1000 чел. населения, м ²
	Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство» на душу населения, тыс. руб.
	Продукция сельского хозяйства на душу населения, тыс. руб.
	Грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности на душу населения, тыс. т/км
	Пассажирооборот автобусов общего пользования на душу населения, тыс. пас.-км
	Объем экспорта на душу населения, долл. США
Жизненный уровень населения	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
	Уровень занятости, %

	Численность населения с денежными доходами выше величины прожиточного минимума, %
	Объем платных услуг на душу населения, руб.
	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, м ²
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
	Средний размер назначенных пенсий, руб.
Инвестиционная привлекательность	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.
	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций на душу населения, тыс. руб.
	Удельный вес прибыльных организаций, %

Ранжирование регионов Севера и Арктики по методике Г. Г. Аралбаевой и Д. Ф. Ахметовой представлено в табл.5.

Таблица 5

Интегральная оценка конкурентоспособности по методике Г. Г. Аралбаевой и Д. Ф. Ахметовой

Регион	Интегральная оценка	Место
Ямало-Ненецкий АО	8.72	1
Чукотский АО	1.34	2
Республика Саха (Якутия)	1.05	3
Магаданская обл.	0.95	4
Камчатский край	0.69	5
Архангельская обл.	0.63	6
Мурманская обл.	0.6	7
Ненецкий АО	0.43	8

Методика оценки интегрального показателя конкурентоспособности С. В. Долохан, С. В. Петросянза, А. М. Садыковой включает расчет трех групп индексов – эффективность использования ресурсов, жизненный уровень населения и инвестиционная привлекательность. Показатели для оценки конкурентоспособности по этой методике представлены в табл.6.

Таблица 6

Система показателей оценки конкурентоспособности по методике С. В. Долохан, С. В. Петросянза, А. М. Садыковой

Индекс	Показатель
Эффективность использования ресурсов региона	ВРП на душу населения, руб.
	Удельный вес убыточных организаций, % от общего числа организаций
	Оборот розничной торговли на душу населения, руб.
	Превышение экспорта из региона над импортом, млн долл. США
	Численность населения, чел.
	Превышение экспорта из региона над импортом на душу населения, тыс. долл. США на чел.
Жизненный уровень населения	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, м ²
	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
	Численность безработных, чел.
	Количество зарегистрированных безработных на 1000 чел. населения
	Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения, руб/мес.
	Объем платных услуг на душу населения, руб.
	Соотношение среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума
	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, от общей численности населения
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения	

Инвестиционная привлекательность	Инвестиции в основной капитал, млн руб.
	Инвестиции на 1 руб. ВРП, руб/руб.,
	ВРП, млн руб.
	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.

Ранжирование регионов Севера и Арктики по интегральному показателю конкурентоспособности (ИПК) представлено в табл.7.

Таблица 7

Ранжирование регионов Севера и Арктики по интегральному показателю конкурентоспособности по методике С. В. Долохян, С. В. Петросянз, А. М. Садыковой

Регион	ИПК	Место	Регион	ИПК	Место
Ямало-Ненецкий АО	10.12	1	Республика Саха (Якутия)	6.60	5
Чукотский АО	7.84	2	Мурманская обл.	5.67	6
Ненецкий АО	7.72	3	Камчатский край	5.38	7
Магаданская обл.	7.65	4	Архангельская обл.	4.50	8

Результаты ранжирования регионов Севера и Арктики по различным методикам оценки конкурентоспособности приведены в табл.8.

Таблица 8

Ранжирование регионов Севера и Арктики по уровню конкурентоспособности по различным методикам

Рейтинг	ИЭОПП СО РАН	Г. Г. Аралбаева, Д. Ф. Ахметова	С. В. Долохян, С. В. Петросянз, А. М. Садыкова	Экспертная оценка
1	Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО
2	Мурманская обл.	Чукотский АО	Чукотский АО	Чукотский АО
3	Республика Саха	Республика Саха	Ненецкий АО	Республика Саха
4	Ненецкий АО	Магаданская обл.	Магаданская обл.	Магаданская обл.
5	Магаданская обл.	Камчатский край	Республика Саха	Мурманская обл.
6	Архангельская обл.	Архангельская обл.	Мурманская обл.	Архангельская обл.
7	Камчатский край	Мурманская обл.	Камчатский край	Камчатский край
8	Чукотский АО	Ненецкий АО	Архангельская обл.	Ненецкий АО

Проведенные исследования позволили ранжировать регионы Севера и Арктики по уровню конкурентоспособности.

Литература

- Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М., Цукерман В. А. Инновационные векторы экономического роста северных регионов: возможности, оценки, прогнозы. Апатиты: КНЦ РАН, 2013. 199 с.
- Пчелинцев А. Д., Пчелинцев В. А. О новых подходах к оценке конкурентоспособности предприятий реального сектора экономики // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5-2. С. 185-192
- Баева Д. А. Графическая модель оценки конкурентоспособности предприятия // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2009. № 8 (141). С. 37-45. (Экономика и менеджмент).
- Зотов Н. А., Нечаева О. Д. инновационная методика комплексной оценки конкурентоспособности предприятия оптовой торговли с учетом его экономического потенциала // Инновации. 2006. № 9. С. 117-121.
- Кучина Е. В. К оценке конкурентоспособности промышленного предприятия // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2010. Т. 31, № 5. С. 25-29.
- Жапарова А. Б., Мукатова Д. Ш. Методический подход к оценке конкурентоспособности предприятия // Сибирский торгово-экон. журн. 2011. № 12. С. 34-36.
- Webster D., Muller I. Urban competitiveness assessment in developing country urban region: the road forward. Washington, 2000.
- Segal G. F., Moore A., Nolan J. California competitive cities: a report card on efficiency in service delivery in california's largest cities. Los Angeles: Reason foundation, 2002.
- Competitive European cities: where do the core cities stand?: a report to the office of the deputy prime minister. London, 2004. January.

10. The global competitiveness report 2014-2015. URL: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015> (дата обращения: 15.10.2015).
11. International Institute for management development. URL: http://www.imd.org/lp/bpse/aw_senior-management?mrk_cmpg_source=ad_sem_aw_bpse_15&utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_campaign=ad_sem_aw_bpse_15 (дата обращения: 23.10.2015).
12. The world competitiveness yearbook 2015. URL: <http://www.imd.org/uupload/imd.website/wcc/scoreboard.pdf> (дата обращения: 15.10.2015).
13. Цукерман В. А. Промышленная, инвестиционная и инновационная политика: энцикл. сл. / Апатиты: КНЦ РАН, 2009. 181 с.
14. Логинова В. А. Современные подходы к оценке конкурентоспособности территориальных экономических систем // Вестн. ТОГУ. 2008. № 2 (9). С. 139-152.
15. Селезнев А. З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. М.: Юристъ, 1999. 384 с.
16. Худеева В. В. О подходах к оценке конкурентоспособности региона в условиях модернизации федеральной политики регионального развития: методика оценки // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2011. № 32. С. 60-64.
17. Стратегические приоритеты регионального развития: от теории к принципам формирования единого социально-экономического пространства / под ред. В. В. Окрепилова; Ин-т проблем региональной экономики РАН. СПб.: Наука, 2009. 448 с.
18. Дауренбеков А. О концепции человеческого развития на современном этапе // Вопросы статистики. 2001. № 2. С. 26-28.
19. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2013. URL: http://www.rational.ru/uploads/rus/files/analytic/file_review/16.pdf (дата обращения: 26.05.2014).
20. Об утверждении правил предоставления субъектам Российской Федерации субсидий из федерального фонда регионального развития: постановление правительства РФ от 10 апр. 2007 г. № 212. URL: <http://base.consultant.ru>.
21. Конкурентоспособность и стратегические направления развития региона / под ред. А. С. Новоселова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. 527 с.
22. Гринчель Б. М., Шуссман К., Костылева Н. Е. Экономические стратегии активных городов. СПб.: Наука, 2002. 500 с.
23. Калюжнова Н. Я. Конкурентоспособность регионов: теория и методология анализа в контексте современного экономического развития: автореферат дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01; Иркутский гос. ун-т. Томск, 2004. 50 с.
24. Ушвицкий Л. И., Парахина В. Н. Конкурентоспособность региона как новая реалья: сущность, методы оценки, современное состояние // Сб. науч. тр. СевКавГТУ. 2005. № 1. (Экономика). URL: <http://www.nestu.ru> (дата обращения: 14.10.2013).
25. Круглякова В. М., Трещевский Ю. И., Эйтингон В. Н. Факторы и условия конкурентоспособности регионов и их подсистем // Регион: системы, экономика, управление. 2010. № 1 (8). С. 116-127.
26. Меркушов В. В. Интегральная оценка конкурентоспособности регионов. URL: <http://sopssecretary.narod.ru/konferencya/doclad/merkushov.doc> (дата обращения: 07.08.2013).
27. Шеховцева Л. С. Конкурентоспособность региона: факторы и метод создания // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 4. С. 11-16.
28. Долохан С. В., Петросянц С. В., Садыкова А. М. Методические подходы к оценке и анализу конкурентоспособности региона // Вопросы структуризации экономики. 2009. № 1. С. 46-50.
29. Чайникова Л. Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона: монография. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2008. 148 с.
30. Аралбаева Г. Г., Ахметова Д. Ф. Оценка конкурентоспособности оренбургской области // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2011. № 8(127). С. 12-17.

31. Томилина Ю. В. Оценка конкурентоспособности регионов Центрального федерального округа // Ученые зап. Орловского гос. ун-та. 2012. № 1. С. 43-49. (Гуманитарные и социальные науки).
32. Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Конкурентоспособность территорий: методология и оценка (на примере регионов Севера) // Новая экономика России: наука и образование: тез. докл. всерос. науч.-практ. конф. Секции 1, 2 (Санкт-Петербург, 9-10 июня 2014 г.) / редкол.: А. Е. Карлик (отв. ред.) [и др.]. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. С. 266-271.
33. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. акад. А. И. Татаркина. СПб.: Нестор-история, 2014. 844 с.
34. Стратегическое значение северных территорий России. Эволюция их социально-экономического развития. URL: <http://www.buideconomic.ru/hankips-548-1.html> (дата обращения: 27.08.2015).
35. Цукерман В. А. О стратегии инновационного развития регионов Севера, связанных с освоением морских ресурсов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 2 (28). С. 69-72.
36. Геоэкономические процессы в Арктике и развитие морских коммуникаций / науч. ред. д. э. н., проф. С. Ю. Козьменко, д. э. н., проф. В. С. Селин. Апатиты: КНЦ РАН, 2014. 266 с.
37. Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути / науч. ред. д. э. н., проф. В. С. Селин, д.э.н., проф. С. Ю. Козьменко. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 335 с.
38. Горячевская Е. С. Оценка конкурентоспособности регионов Арктической зоны Российской Федерации по показателям социально-экономического развития // Территориальные исследования: цели, результаты и перспективы: тез. VIII Всерос. школы-семинара молодых ученых, аспирантов и студентов (Биробиджан, 22-25 сентября 2015 г.) / под ред. Е. Я. Фрисмана; ИКАРП ДВО РАН – ПГУ им. Шолом-Алейхема. Биробиджан, 2015. С. 180-183.

References

1. Gorid'ko N. P., Nizhegorodcev R. M., Tsukerman V. A. *Innovacionnye vektory ekonomicheskogo rosta severnyh regionov: vozmozhnosti, ocenki, prognozy* [Innovative vectors of economic growth of the northern regions: opportunities, estimates, forecasts], Apatity, Publ. KNS RAN, 2013, 199 p. (In Russ.).
2. Pchelincev A. D., Pchelincev V. A. O Novyh podhodah k ocenke konkurentosposobnosti predpriyatij real'nogo sektora ekonomiki [New approaches to the assessment of the competitiveness of enterprises in the real sector of the economy]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Journal of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky], 2011, no. 5-2, pp. 185-192. (In Russ.).
3. Baeva D. A. Graficheskaja model' ocenki konkurentosposobnosti predpriyatija [Graphic model of an estimation of competitiveness of the enterprise]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: ekonomika i menedzhment* [Herald of the South Ural State University. Series: economics and management], 2009, no. 8, pp. 37-45. (In Russ.).
4. Zotov N. A., Nechaeva O. D. Innovacionnaja metodika kompleksnoj ocenki konkurentosposobnosti predpriyatija optovoj trgovli s uchetom ego ekonomicheskogo potenciala [The innovative technique of a complex assessment of the competitive wholesale company with its economic potential]. *Innovacii* [Innovations], 2006, no. 9, pp. 117-121. (In Russ.).
5. Kuchina E. V. K ocenke konkurentosposobnosti promyshlennogo predpriyatija [By the estimation of competitiveness of industrial enterprise]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Ural State Economic University], 2010, vol. 31, no. 5, pp. 25-29. (In Russ.).
6. Zhaparova A. B., Mukatova D. Sh. Metodicheskij podhod k ocenke konkurentosposobnosti predpriyatija [The methodical approach to the assessment of the competitiveness of enterprises]. *Sibirskij torgovo-ekonomicheskij zhurnal* [Siberian commerce and economic journal], 2011, no. 12, pp. 34-36. (In Russ.).
7. Webster D., Muller L. *Urban competitiveness assessment in developing country urban region: the road forward*, Washington d. c., infud, 2000.
8. Segal Gf., Moore A., Nolan J. *California competitive cities: a report card on efficiency in service delivery in California's largest cities*, Los Angeles, Reason foundation, 2002.

9. Competitive european cities: where do the core cities stand? A report to the office of the deputy prime minister, London, 2004, January.
10. The global competitiveness report 2014-2015. Available at: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015> (accessed 15.10.2015).
11. International institute for management development. Available at: http://www.imd.org/lp/bpse/aw_senior-management?mrk_cmpg_source=ad_sem_aw_bpse_15&utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_campaign=ad_sem_aw_bpse_15 (accessed 23.10.2015).
12. The world competitiveness yearbook 2015. Available at: <http://www.imd.org/uupload/imd.website/wcc/scoreboard.pdf> (accessed 15.10.2015).
13. Tsukerman V. A. *Promyshlennaja, investicionnaja i innovacionnaja politika: enciklopedicheskij slovar'* [Industry, investment and innovation policy: collegiate dictionary]. Apatity: Publ. KNC RAN, 2009, 181 p. (In Russ.).
14. Loginova V. A. Sovremennye podhody k ocenke konkurentosposobnosti territorial'nyh ekonomicheskikh sistem [Modern approaches to the assessment of the competitiveness of territorial economic systems]. *Vestnik TOGU* [Herald PNU], 2008, no. 2, pp. 139-152. (In Russ.).
15. Seleznev A. Z. *Konkurentnye pozicii i infrastruktura rynka Rossii* [Competitive position and market infrastructure in Russia], Moskow, Jurist, 1999, 384 p. (In Russ.).
16. Hudeeva V. V. O podhodah k ocenke konkurentosposobnosti regiona v uslovijah modernizacii federal'noj politiki regional'nogo razvitija: metodika ocenki [On the approaches to the assessment of the region's competitiveness in the modernization of the federal policy of regional development: a methodology for assessment]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State University], 2011, no. 32, pp. 60-64. (In Russ.).
17. *Strategicheskie prioritety regional'nogo razvitija: ot teorii k principam formirovanija edinogo social'no-ekonomicheskogo prostranstva* [The strategic priorities for regional development: from theory to the principles of forming a single social and economic space], St. Petersburg, Nauka, 2009, 448 p. (In Russ.).
18. Daurenbekov A. O koncepcii chelovecheskogo razvitija na sovremennom etape [On the concept of human development at the present stage]. *Voprosy statistiki* [Questions of statistics], 2001, no. 2, pp. 26-28. (In Russ.).
19. Rejting investicionnoj privlekatel'nosti regionov Rossii 2013 [Rating of investment attractiveness of Russian regions in 2013]. Available at: http://www.ra-national.ru/uploads/rus/files/analytic/file_review/16.pdf (accessed 26.05.2014). (In Russ.).
20. Ob utverzhenii pravil predostavlenija sub'ektam Rossijskoj Federacii subsidij iz Federal'nogo Fonda Regional'nogo Razvitija. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.04.2007 No. 212 [On approval of the rules of subjects of the Russian Federation grants from the Federal Fund for Regional Development Government. Decree of 10.04.2007 No. 212]. Available at: <http://base.consultant.ru> (In Russ.).
21. *Konkurentosposobnost' i strategicheskie napravlenija razvitija regiona* [Competitiveness and the strategic directions of development of the region], Novosibirsk, Publ. IJEOPP SO RAN, 2008, 527 p. (In Russ.).
22. Grinchel' B. M., Shussman K., Kostyleva N. E. *Ekonomicheskie strategii aktivnyh gorodov* [The economic strategy of active cities], St. Petersburg, Nauka, 2002, 500 p. (In Russ.).
23. Kaljuzhnova N. Ja. *Konkurentosposobnost' regionov: teorija i metodologija analiza v kontekste sovremennogo ekonomicheskogo razvitija. Avtoref. dis. ... dokt. ekon. nauk* [Competitiveness of regions: the theory and methodology of the analysis in the context of modern economic development], Tomsk, 2004, 50 p. (In Russ.).
24. Ushvickij L. I., Parahina V. N. Konkurentosposobnost' regiona kak novaja realija: sushhnost', metody ocenki, sovremennoe sostojanie [Competitiveness of the region as a new reality: the essence, methods of assessment, the current state]. *Sbornik nauchnyh trudov SevKavGTU. Serija "Ekonomika"* [Collection of scientific works NCSTU. Series "Economy"], 2005, no. 1. Available at: <http://www.nestu.ru> (accessed 14.10.2013). (In Russ.).
25. Krugljakova V. M., Treshhevskij Ju. I., Jejtingon V. N. Faktory i uslovija konkurentosposobnosti regionov i ih podsistem [Factors and conditions of regional competitiveness and their subsystems]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie* [Region: systems, economics, management], 2010, no. 1, pp. 116-127. (In Russ.).
26. Merkushov V. V. Integral'naja ocenka konkurentosposobnosti regionov [Integral assessment of the competitiveness of regions]. Available at: <http://sopssecretary.narod.ru/konferencya/doclad/merkushov.doc> (accessed 07.08.2013). (In Russ.).

27. Shehovceva L. S. Konkurentosposobnost' regiona: faktory i metod sozdaniya [The competitiveness of the region: the factors and method of creating]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad], 2001, no. 4, pp. 11-16. (In Russ.).
28. Dolohjan S. V., Petrosjanz S. V., Sadykova A. M. *Metodicheskie podhody k ocenke i analizu konkurentosposobnosti regiona* [Methodological approaches to assessing and analyzing the competitiveness of the region]. *Voprosy strukturizacii ekonomiki* [Problems of structuring the economy], 2009, no. 1, pp. 46-50. (In Russ.).
29. Chajnikova L. N. *Metodologicheskie i prakticheskie aspekty ocenki konkurentosposobnosti regiona* [Methodological and practical aspects of the assessment of the competitiveness of the region], Tambov, Publ. Tambov State Technical university, 2008, 148 p. (In Russ.).
30. Aralbaeva G. G., Ahmetova D. F. Ocenka konkurentosposobnosti Orenburgskoj oblasti [Estimation of competitiveness of the Orenburg region]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2011, no. 8, pp. 12-17. (In Russ.).
31. Tomilina Ju. V. Ocenka konkurentosposobnosti regionov Central'nogo federal'nogo okruga [Evaluation of competitiveness of the regions of the Central Federal District]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social sciences], 2012, no. 1, pp. 43-49. (In Russ.).
32. Tsukerman V. A., Gorjachevskaja E. S. Konkurentosposobnost' territorij: metodologija i ocenka (na primere regionov Severa) [Competitiveness areas: methodology and evaluation (by the example of the Northern Regions)]. *Novaja ekonomika Rossii: nauka i obrazovanie: tezisy dokladov vsrossijskoj nauch.-prakt. konf. Sankt-Peterburg, 9-10 iyunja 2014 g. Sekcii 1, 2* [New Russian Economy: science and education: abstracts of all-russian scientific-practical. conf. St. Petersburg, 9-10 june 2014 section 1, 2]. St. Petersburg, Publ. SPbGJEU, 2014, pp. 266-271. (In Russ.).
33. *Rossijskaja Arktika: sovremennaja paradigma razvitija* [The Russian Arctic: the modern paradigm of development]. St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2014, 844 p. (In Russ.).
34. *Strategicheskoe znachenie severnyh territorij Rossii. Evoljucija ih social'no-ekonomicheskogo razvitija* [The strategic importance of the Northern territories of Russia. The evolution of social and economic development]. Available at: <http://www.buideconomic.ru/hankips-548-1.html> (accessed 27.08.2015). (In Russ.).
35. Tsukerman V. A. O Strategii innovacionnogo razvitija regionov severa, svjazannyh s osvoeniem morskikh resursov [On the strategy of innovative development of the regions of the North related to the development of marine resources]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [North and market: formation of economic order], 2011, no. 2 (28), pp 69-72. (In Russ.).
36. *Geoekonomicheskie processy v Arktike i razvitie morskikh kommunikacij* [Geo-economic processes in the Arctic and the development of maritime communications], Apatity, Publ. KNC RAN, 2014, 266 p. (In Russ.).
37. *Faktornyj analiz i prognoz gruzopotokov Severnogo morskogo puti* [Factor analysis and forecast of cargo flows the Northern sea route], Apatity, Publ. KNC RAN, 2015, 335 p. (In Russ.).
38. Gorjachevskaja E. S. Ocenka konkurentosposobnosti regionov Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii po pokazateljam social'no-ekonomicheskogo razvitija [Evaluation of competitiveness of the regions of the Russian Arctic in terms of socio-economic development]. *Territorial'nye issledovanija: celi, rezul'taty i perspektivy: tezisy VIII Vserossijskoj shkoly-seminara molodyh uchenyh, aspirantov i studentov. Birobidzhan, 22-25 sentjabrja 2015 g.* [Abstracts VIII All-Russian school-seminar of young scientists and students "Territorial studies: objectives, results and prospects", Birobidzhan, 22-25 september 2015], Birobidzhan, 2015, pp. 180-183. (In Russ.).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 316.33:321

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ ПРОЕКТОВ И ПРОГРАММ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

К. В. Павлов

докт. экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики и управления
Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Ижевск, Россия

И. Г. Андреева

канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и экономики АПК
Белгородская государственная сельскохозяйственная академия, Белгород, Россия

В. А. Сапрыка

канд. социол. наук, доцент кафедры социальных технологий
Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Л. Н. Шмигирилова

канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодёжью
Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Аннотация. Для оценки процессов межрегионального приграничного сотрудничества необходимо внедрение современных методов, позволяющих оценить эффективность реализуемых программ и проектов на территории приграничных регионов. В настоящей статье представлены основы методики оценки состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества, сформулированы основные принципы оценки, ее критерии, определены возможные показатели оценки эффективности проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества. Показано, что главной целью системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества является обеспечение органов государственной власти и местного самоуправления необходимой и достоверной информацией, адекватно отражающей наиболее значимые параметры социально-экономической системы Еврорегиона, а также эффективности реализации межрегиональных программ. Такая информация является основой для принятия решений, обеспечивающих реализацию всего комплекса функций управления.

Ключевые слова: методика, оценка, принцип, межрегиональное приграничное сотрудничество, управление программами и проектами.

METHODICAL APPROACH TO ASSESSMENT OF THE STATE OF PROJECTS AND PROGRAMS OF INTERREGIONAL BORDER COOPERATION

K. V. Pavlov

Dr. Sc. (Economics), Professor, Head of the Department of Economy and Management
Kamsky Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Izhevsk, Russia

I. G. Andreeva

PhD (Economics), Associate Professor, Department of Economics and Agribusiness Economics
Belgorod State Agricultural Academy, Belgorod, Russia

V. A. Sapryka

PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Social Technologies
Belgorod State University, Belgorod, Russia

L. N. Shmigirilova

PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Organizations Working with Youth
Belgorod State University, Belgorod, Russia

Abstract. For the processes of assessing interregional cross-border cooperation it is necessary to introduce modern methods to evaluate the effectiveness of programs and projects in a cross-border region. The article presents the assessment method of projects and programs of interregional cross-border cooperation, the basic principles of assessment and its criteria, identification of possible indicators for assessing the effectiveness of projects and programs interregional cross-border cooperation.

Keywords: *method, assessment, principle, interregional cross-border cooperation, program and project management.*

В настоящее время межрегиональное приграничное сотрудничество стало важной составляющей международных связей российских регионов. Действительно, на границе Российской Федерации (то есть в ее приграничных районах) пересекается значительное количество жизненно важных связей: внешнеполитических, экономических, научных, образовательных, культурных и др. Таким образом, можно отметить важность таких исторически сложившихся взаимодействий и в дальнейшем стоит укреплять и расширять уже сложившиеся контакты, используя современные механизмы и принципы взаимодействия.

В Европейском союзе межрегиональное приграничное сотрудничество помогает достижению гармоничного территориального развития, влияет на различные темпы экономического развития стран и территорий, различия в доходах и демографические особенности [1]. Изучение процесса управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона затруднено определенными ситуациями, которые нередко носят комплексный характер и поэтому требуют разработки специальных методик изучения [2].

При анализе приграничных связей важным вопросом является разработка методики оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития. Здесь, в первую очередь, речь идет об оценке эффективности социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества. Это крайне важно для эффективного развития многих регионов России, таких как Мурманская обл., Республика Карелия, Приморский край, Курская обл. и др. Большое значение это имеет и для Белгородской обл., граничащей с тремя областями Украины – Харьковской, Сумской и Луганской.

Ш. Радвилавичюс и Н. Межевич отмечают, что при оценке приграничного сотрудничества важно помнить о том, что она может рассматривать различные направления сотрудничества [3]:

- влияние приграничного сотрудничества на социально-экономическое развитие приграничной территории;
- программы двустороннего сотрудничества (например, программа ЕИСП);
- конкретные проекты.

Стоит отметить, что в данном случае оценка – это систематизированное исследование ситуации реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества или ее результатов. Существует несколько видов оценки: базовая оценка, оценка процесса и оценка влияния. На наш взгляд, государственная система оценки должна включать все виды оценки. Процесс обобщения и систематизации имеющихся точек зрения относительно требований к построению эффективной методики оценки состояния реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества должен основываться на учете следующих принципов.

Принцип научной обоснованности предусматривает разработку и совершенствование системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества с учетом достижений современной теории, апробации новых инструментов оценки полученных данных, использования возможностей современных информационных технологий.

Принцип объективности. Его суть заключается в необходимости отражения в формируемой информационной базе государственной системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества реальных условий функционирования хозяйственной системы региона и факторов, определяющих ее состояние и перспективы развития.

Принцип реалистичности требует, чтобы система показателей, используемых для оценки состояния, динамики и результатов функционирования социально-экономической системы приграничных регионов, могла бы быть снабжена необходимой информацией.

Принцип репрезентативности и адекватности информационного обеспечения. Следование этому принципу призвано обеспечить «настройку» системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества на сбор статистически значимых данных,

позволяющих адекватно оценить изучаемые условия реализации программ, анализируемые процессы и результаты.

Принцип целенаправленности предусматривает ориентацию системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества на развитие информационно-аналитической поддержки процесса принятия управленческих решений, связанных с улучшением условий и развитием социально-экономической системы межрегионального приграничного сотрудничества.

Принцип синергичности предусматривает отлаженность взаимодействия элементов внутри методики оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества с внешней средой [4].

Принцип организационного единства процессов системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества и управления социально-экономическим развитием региона. В его содержательной интерпретации важно отметить, что постановка задач системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества должна основываться на определении целей и направлений развития приграничных регионов, разработке стратегий управления.

Принцип институционализации правового и организационного обеспечения системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества. Его реализация предполагает наделение конкретного подразделения администрации приграничных регионов полномочиями на организацию системы оценки реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества, анализ его результатов и их доведение до органов, уполномоченных принимать управленческие решения, связанные с планированием и регулированием функционирования социально-экономической системы региона.

Принцип проблемной организации системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества. В соответствии с ним программа наблюдения (исследования, анализа) должна быть ориентирована на решение определенной проблемы, для чего необходимо сформировать «ограниченную», но достаточную информационную базу.

Принцип системности и комплексности предполагает учет действия условий и факторов разной природы (экономической, социальной, организационно-правовой, институциональной и др.), выявление их взаимосвязей, а соответственно, привлечение и анализ различных видов информации. Большое значение имеет отражение применяемой системой показателей ключевых параметров «входа» и «выхода» социально-экономической системы приграничных регионов.

Принцип универсальности позволяет использовать систему оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества применительно к различным территориям и в условиях меняющихся социально-экономических характеристик [5].

Принцип сочетания непрерывности и периодичности предусматривает постоянное и регулярное наблюдение за межрегиональным развитием и его результатами, а также расчет и анализ показателей через определенные промежутки времени [6].

Принцип оперативности отражает необходимость своевременного сбора и предоставления информации, а также принятия на ее основе решений, способных улучшить в реальном масштабе времени условия функционирования объекта управления.

Принцип достоверности относится как к исходной информации, так и к результатам проведения системы оценки реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества. Его реализация призвана обеспечить доверие субъектов межрегионального приграничного сотрудничества к системе оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества, к источникам информации, методам ее получения, обработки и анализа.

Принцип иерархичности заключается, во-первых, в том, что информация, полученная с нижних уровней управления, должна соответствовать информации, сведенной на верхних уровнях, во-вторых, информация любого уровня управления должна соответствовать содержанию стоящих и решаемых управленческих задач. Иными словами, предполагается обеспечить взаимосвязанность информации по системе показателей и по организационной вертикали (по уровням управления).

Принцип сопоставимости показателей во времени и пространстве. Соблюдение этого требования необходимо для отслеживания динамики исследуемого процесса в разных регионах страны и выявления тенденций его развития [7].

Принцип рациональности характеризует рациональное сочетание прогнозно-аналитической ценности информации и затрат на ее получение, косвенно влияет на сбалансированность показателей.

Принцип нормативности предполагает наличие нормативов (допустимых значений) по ключевым показателям, используемым в системе оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества.

Принцип альтернативности. Следование этому принципу означает использование разных источников сбора информации, а также методов ее анализа и оценки.

Принцип адаптации. Он предусматривает приспособление системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества (ее масштабов, состава оцениваемых характеристик, используемых показателей, инструментов анализа и др.) к возможностям ее организаторов и требованиям пользователей, меняющимся задачам, внутренним и внешним условиям его проведения. По мере изменения условий необходимо изменение масштаба государственной системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества, показателей оценки, методики формирования исходных данных.

Принцип открытости и прозрачности предполагает транспарентность информации, отражающей состояние и динамику развития хозяйственной системы приграничных регионов, а также доступность результатов системы оценки реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества заинтересованным группам их потребителей.

Принцип эргономичности предполагает обеспечение максимальных удобств для проведения системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества: современная компьютерная техника, оптимальный режим проведения мониторинговых исследований.

Принцип развития. Его суть – в необходимости совершенствования системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества (используемого методического инструментария, технического оснащения, состава индикаторов с целью обеспечения синхронизации с переменами в объекте исследования и условиях его функционирования и др.). Важно отметить, что изменения не должны усложнять систему оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества и ключевые показатели, а результаты и направления должны быть доступны и понятны пользователям информации на различных уровнях. Важна инновационная составляющая этого принципа, проявляющаяся в обеспечении систематического поиска альтернативных информационных источников, организационных схем движения информации и др.

Совокупность вышеприведенных принципов образует сложную систему логически связанных и взаимодополняющих элементов, в которых представлены различные аспекты разработки методики оценки состояния проектов межрегионального приграничного сотрудничества, чем в определенной мере объясняется весьма большое количество рассмотренных принципов. Применительно к хозяйственным системам приграничных регионов методика оценки состояния реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества имеет активный характер, поскольку ориентирована на создание информационной основы управления их развитием.

Активная роль разрабатываемой методики оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества связана с тем, что на каждом этапе развития разных систем (экологических, социальных, экономических) существуют не только положительные, но и отрицательные тенденции, факторы внешнего воздействия, которые только выявить и классифицировать, как правило, бывает недостаточно. В процессе проведения оценки реализации межрегиональных программ сотрудничества появляется возможность на основе обобщения информации выработать адекватное представление о состоянии, векторах и динамике развития объекта, его детерминантах и уже на этой основе разработать управленческие решения, реализация которых позволит ограничить или полностью предотвратить отрицательное воздействие, а также поможет усилить действие благоприятных факторов и условий.

Методику оценки состояния реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества необходимо рассматривать как систему, функционирование которой включает ряд этапов. К ним следует отнести процесс непрерывного наблюдения, исследование явлений и событий, формирование информационной базы управления, контроль за ходом и характером изменений объекта, оценку отклонений на основе системы критериев (эталонов).

Естественно, оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития в условиях приграничного региона будет обусловлена дифференциацией социально-экономического состояния приграничных регионов, что предполагает при формировании предлагаемой системы

показателей оценки введение как относительных, так и абсолютных показателей. Таким образом, вводимая методика оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития в условиях приграничья должна учитывать следующие условия:

- доступность получения необходимой статистической информации;
- простота расчетов;
- возможность построения рейтинговых оценок;
- возможность сравнительных оценок.

Сама методика оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития в процессе ее использования должна основываться на следующих критериях:

- учет социально-экономической и экологической направленности;
- репрезентативность и охват целевой аудитории;
- результативность, включая контроль и корректировку.

Основным, на наш взгляд, является критерий результативности, который может быть оценен по следующим параметрам:

- результат в форме социального эффекта от внедрения проекта или программы межрегионального сотрудничества, который позволяет оценить последствия;
- результат в форме товаров (услуг), созданных в процессе реализации проекта или программы межрегионального сотрудничества;
- результат в форме информированности населения приграничных территорий;
- результат в кратко- и долгосрочной перспективе;
- результат в виде взаимодействия участников приграничного сотрудничества.

Стоит отметить, что методика разработана в рамках действующего федерального и регионального законодательства, нормативной и методической базы с учетом лучшей практики и подходов в зарубежных странах. Под оценкой состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития понимается совокупность методов, инструментов и процедур, разработанных и реализуемых для вынесения суждения о качестве и результатах его деятельности.

Главной целью системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества является обеспечение органов государственной власти и местного самоуправления необходимой и достоверной информацией, адекватно отражающей наиболее значимые параметры социально-экономической системы Еврорегиона, а также эффективности реализации межрегиональных программ. Такая информация является основой для принятия решений, обеспечивающих реализацию всего комплекса функций управления (прогнозирование, планирование, организация, контроль).

Задачи оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития:

- предоставление объективной и полной информации о факторах (причинах) неэффективной деятельности в целях принятия управленческих решений, направленных на повышение эффективности и результативности деятельности, улучшение использования ресурсов и других необходимых организационных изменений;
- предоставление общественности, вышестоящему органу исполнительной власти и законодательному органу субъекта Российской Федерации, а также при необходимости государственным органам Российской Федерации возможности получения объективной и полной информации о степени эффективности и результативности деятельности основных участников реализуемого социально-экономического проекта или программы межрегионального сотрудничества;
- предоставление субъектам управленческой, а также, при необходимости, государственным органам и муниципальным органам возможности сравнения процессов межрегионального сотрудничества в различных субъектах РФ.

Объектом оценки являются реализуемые проекты и программы межрегионального развития в приграничном регионе. Оценке, как правило, подлежат значимые проекты и программы межрегионального развития, влияющие на социально-экономическое развитие приграничного региона.

Оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития производится, прежде всего, в интересах населения, ассоциаций граждан и других институтов гражданского общества, органов государственного и муниципального управления, а также хозяйствующих субъектов.

Субъектом оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития является координационный орган, уполномоченный на проведение оценки решением Совета Еврорегиона, или другой межрегиональный орган, осуществляющий управление или координацию работы.

Уполномоченным органом может являться: комиссия, специально созданная администрацией субъекта РФ или при высшем должностном лице субъекта РФ; орган по управлению государственной службой или иной орган, ответственный за реализацию административной реформы на региональном уровне; орган местного самоуправления.

При необходимости к проведению оценки могут привлекаться уполномоченные органы, а также независимые эксперты и консультанты на условиях, определяемых межрегиональным органом, осуществляющим управление или координацию работы.

Используются следующие типы оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития: оперативная, стратегическая и расширенная.

Оперативная оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития является необходимым элементом системы государственного управления на региональном уровне, и ее нужно проводить по запланированным промежуточным контрольным точкам проекта (программы) с учетом специфики организации государственного управления и бюджетного процесса в данном субъекте Российской Федерации.

Стратегическая оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития является неотъемлемой частью перспективного развития межрегионального приграничного сотрудничества.

Расширенная оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития проводится в случае внедрения новых моделей или инструментов межрегионального приграничного сотрудничества.

Оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития также может быть следующих видов: прогнозная, то есть на стадии планирования реализуемых проектов и программ межрегионального развития (Ex-anteevaluation); промежуточная, то есть на конкретных стадиях реализации проектов и программ межрегионального развития (Intermediate); заключительная, то есть на стадии подведения итогов состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития (Ex-post evaluation).

Все ранее рассмотренное позволяет сформулировать следующие задачи для системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества:

- оценка интенсивности межрегионального приграничного сотрудничества;
- оценка уровня социально-экономической интеграции приграничных регионов;
- оценка инфраструктурных возможностей для реализации инвестиционных проектов в регионах и муниципальных образованиях;
- выявление формальных и неформальных барьеров при реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества;
- оценка деятельности региональных органов власти, общественности и бизнеса при инициации социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества;
- оценка состояния трудового, демографического и миграционного (иммиграционного) балансов приграничных территорий;
- оценка экологического состояния и устойчивого развития территории;
- оценка информационной интеграции приграничных регионов.

Решение этих задач требует формирования системы количественных и качественных показателей, имеющих как абсолютное, так и относительное значение, что дает возможность как определять эффективность реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона, так и проводить сравнительный анализ деятельности тех или иных приграничных регионов.

Принципиальное значение при разработке системы показателей имеет формулирование показателей экономичности, эффективности и результативности социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона.

Показатели экономичности позволяют оценить достижение целей или решение задач по экономии бюджетов проектов и программ межрегионального сотрудничества. Показатели эффективности позволяют оценить соотношение полученных результатов и затраченных средств и сил. Показатели результативности дают возможность оценить степень достижения цели, ради

которой были реализованы социально-экономические проекты или программы межрегионального сотрудничества.

Значения плановых показателей следует определять на основе анализа:

- микро- и макроэкономических показателей региона;
- возможностей и резервов достижения тактических и стратегических целей и задач приграничных регионов;

- возможностей достижения значений аналогичных показателей в среднем по Российской Федерации и/или федеральному округу;

- возможностей достижения лучших значений аналогичных показателей в Российской Федерации и/или федеральном округе.

Для оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития могут использоваться такие показатели, как охват населения, удовлетворенность целевой группы, ресурсообеспеченность, доступность к процессам инициации. Стоит также отметить, что показатели, полученные по результатам социологических исследований, и показатели, связанные с экономическим развитием региона, должны взаимодополнять друг друга.

При проведении оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития используются следующие аналитические процедуры. Сравнительный анализ абсолютных и относительных значений статистических показателей, анализ планируемых и фактических результатов (процент и причины отклонения). При оценке результатов деятельности государственного органа аналитические процедуры не сводятся только к измерению отклонений фактических значений показателей от плановых, а предусматривают выявление (идентификацию) причин этих отклонений, что в дальнейшем должно быть учтено и скорректировано с проектом (программой) межрегионального приграничного сотрудничества. Анализ результативности проектов и программ межрегионального развития должен осуществляться при помощи социологических инструментов (метод экспертного опроса, анкетирование населения и т. д.).

Таким образом, система показателей оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития может быть разделена на несколько групп (табл.).

Группы показателей оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития

Группа	Показатель
1. Экономическое и социальное развитие	Региональные показатели экономического развития (ВВП на душу населения, ВРП, доходы, экономические инициативы). Региональные показатели торговли (обмен и продажа товаров, спрос и предложение на рынке товаров и услуг). Показатели социального развития (занятость, уровень и качество жизни)
2. Уровень кооперации	Готовность местных партнеров к межрегиональному приграничному сотрудничеству (обзор показателей). Экологические показатели (загрязнение и качество природных ресурсов). Борьба с трансграничной преступностью (уровень контрабанды, фальсификация, приграничная статистика)
3. Инфраструктура границы	Статистические показатели, касающиеся межрегионального транзита (легкость прохождения таможенных процедур, время ожидания, статистика фитосанитарных процедур). Уровень интеграции в области управления приграничными процессами (уровень развития совместных процедур, успешность общих операций)
4. Вовлеченность населения	Возможности сотрудничества для населения (статистические показатели об удельном весе населения, участвующего в проектах и программах). Участие общественных организаций в сотрудничестве

В предлагаемый перечень могут включаться также показатели, отражающие необходимость решения специфических задач, актуальных именно для данного проекта и программ, обусловленных совокупностью конкретных причин и факторов природно-климатического, экологического, социально-экономического и иного характера. По итогам проведенной оценки принимаются управленческие решения, а государственные и муниципальные органы оказывают регулирующие

воздействия. Таким образом, разработка методики оценки состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества дает региональным органам власти реальную возможность не только оценить существующий уровень и состояние межрегионального приграничного сотрудничества, но и важный реальный инструмент для дальнейшего развития территории и формирования единого пространства по решению жизненно важных проблем.

Литература

1. European Neighbourhood & Partnership Instrument. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_cross-border_cooperation_strategy_paper_en.pdf (дата обращения: 05.09.2010).
2. Сапрыка В. А. Принципы методики изучения управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона // Украина в системе мировых экономических процессов: материалы междунар. конф. Харьков, 2009. С. 160-162.
3. Межевич Н. М., Радвилавичюс Ш. Роль приграничного сотрудничества между Европейским союзом и Российской Федерацией в двусторонних и региональных программах экономического развития. URL: <http://www.norden.org> (дата обращения: 05.09.2010).
4. Козьменко С. Ю., Селин В. С., Щеголькова А. А. Геоэкономические вызовы морской политики в Российской Арктике // Морской сборник. 2012. № 6. С. 33-42.
5. Селин В. С. Роль прогнозирования в формировании стратегии регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2009. № 6. С. 95-104.
6. Селин В. С. Механизм промышленной инновационной политики в территориальных системах // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 1 (29). С.26-30.
7. Павлов К. В. Ядро экономических систем и эффективная хозяйственная политика. М., 2009. 193 с.
8. Цукерман В. А. Промышленная, инвестиционная и инновационная политика: энцикл. сл. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. 181 с.

References

1. European Neighbourhood & Partnership Instrument. Available at: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_cross-border_cooperation_strategy_paper_en.pdf (accessed 05.09.2010).
2. Sapryka V. A. Principy metodiki izucheniya upravleniya sotcial'no-ekonomicheskimi proektami i programmami mezhregional'nogo sotrudnichestva v uslovijah prigranichnogo regiona [Principles of methods for researching of socio-economic projects and programs inter-regional cooperation in the border region]. *Materialy mezhdunarodnoj konferencii "Ukraina v sisteme mirovyh ekonomicheskikh processov"* [Proceedings of international conference "Ukraine in the world economic processes"], Kharkov: Publ. ISU, 2009, pp. 160-162. (In Russ.).
3. Mejhevich N. M., Radvilavichyus S. Rol' prigranichnogo sotrudnichestva mezhdru Evropejskim souzom I Rossijskoj Federaciej v dvustoronnih i regional'nyh programmah ekonomicheskogo razvitiya [The role of cross-border cooperation between the European Union and the Russian Federation in bilateral and regional economic development programs]. Available at: <http://www.norden.org> (accessed 05.09.2010). (In Russ.).
4. Kozmenko S. Yu., Selin V. S., Shchegolkova A. A. Geoekonomicheskije vyzovy morskoj politiki v Rossijskoj Arktike [Goeconomic calls of sea policy in the Russian Arctic]. *Morskoj sbornik* [The Sea collection], 2012, no. 6, pp. 33-42. (In Russ.).
5. Selin V. S. Rol' prognozirovanija v formirovanii strategii regional'nogo razvitija [Rol of forecasting in formation of strategy of regional development]. *Problemy prognozirovanija* [Problem of forecasting], 2009, no. 6, pp. 95-104. (In Russ.).
6. Selin V. S. Mekhanizm promyshlennoj innovatcionnoj politiki v territorial'nyh systemah [Mekhanizm of industrial innovative policy in territorial systems]. *Sever i rynek: formirovanije ekonomicheskogo poryadka* [The North and the market: formation of an economic order], 2012, no. 1 (29), pp. 26-30. (In Russ.).
7. Pavlov K. V. *Yadro ekonomicheskikh system i effektivnaya hozyajstvennaja politika* [Core of economic systems and effective economic policy]. Moscow, Publ. Master, 2009, 193 p. (In Russ.).
8. Tsukerman V. A. *Promyshlennaja, investicionnaja i innovacionnaja politika. Enciklopedicheskij slovar'* [Industrial, investment and innovation politic. Encyclopediction dictionary], Apatity, Publ. KNC RAS, 2009, 193 p. (In Russ.).

ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ

УДК 338.45:639(571)

К ВОПРОСУ О КЛАСТЕРНОМ РАЗВИТИИ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Г. Н. Ким

ректор, профессор

Б. Ф. Лесовский

профессор

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет,
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье излагаются основные результаты исследования проблем кластерного управления в рыбной отрасли Приморского края.

Развитие экономики российских регионов на инновационной основе предусматривает реализацию кластерного подхода. По нашей оценке, в настоящее время теория кластерного управления освещена достаточно широко и наступил период, когда в большей мере требуется научная поддержка создания кластерных формирований, управления кластерными организациями, реализации кластерных проектов.

Одной из проблем низкого уровня кластеризации рыбной отрасли является различное понимание сущности и содержания рыбопромышленного кластера, а также трактование специфики и принципов кластерной политики, кластерной инициативы, кластерных технологий, кластерных организаций и т. д. у государственных, научных и образовательных учреждений, бизнеса, других предприятий и организаций Приморского края. Для ее решения необходимо уточнить определение понятия «кластер» в каждом конкретном случае кластеризации в зависимости от условий формирования, специфики деятельности и других факторов, а также от целеполагания и основной задачи, которая поставлена инициаторами кластеризации.

В статье показано, что комплексный характер проблем современного механизма создания кластера определяет необходимость научной поддержки кластеризации отрасли, при этом требует активизировать роль государственных органов управления в развитии кластерных инициатив с акцентом на мотивационную составляющую.

Проведенная работа расширила существующие представления о механизме кластеризации рыбного хозяйства Приморского края, и внедрение результатов исследования в практику кластеризации рыбной отрасли Приморского края позволит оперативно сформировать полноценный рыбохозяйственный кластер.

Ключевые слова: кластер, кластеризация отрасли, конкурентоспособность, механизм формирования кластера, региональная экономика, рыбная отрасль, кластерные инициативы.

TO THE QUESTION OF CLUSTER DEVELOPMENT OF THE FISHING INDUSTRY OF PRIMORSKY KRAI

G. N. Kim

Rector, Professor

B. F. Lesovskij

Professor

Far Eastern State Technical Fisheries University, Vladivostok, Russia

Abstract. The article presents main results of the research of the problems of cluster management in the fishing industry of Primorsky Krai.

Economic development of the Russian regions on the basis of innovations includes implementation of the cluster approach. According to our estimates, in the present theory the cluster core management well documented and there was a period when to a greater extent required scientific support in the field of cluster formations, cluster management organizations, the implementation of cluster projects.

One of the problems of the low level clustering is a different understanding of the nature and content of a fish cluster, but also interpretation of the specifics and principles of cluster policy, cluster initiative, cluster technologies, cluster organizations, etc. in government organizations, business, scientific and educational institutions, other enterprises and organizations of Primorsky Krai. The solution to the problem represented in the need to clarify the definition of "cluster" in each specific case depending on the conditions of formation, specific activity and other factors, as well as on goal setting and objectives set by the initiators of clustering.

In article it is shown that the complex nature of modern problems of the mechanism of cluster formation, thus, requires to increase the role of public authorities in the development of cluster initiatives with a focus on motivational components of it.

The work has extended the current understanding of the mechanism of cluster-stilizacii of fisheries of the Primorsky territory, and introduction of results of research-tion will allow us to create a full-fledged fishery cluster.

Keywords: cluster, clustering industry, competitiveness, the formation mechanism of cluster, regional economy, the fishing industry, cluster initiatives

Современный сценарий долгосрочного развития региональной экономики предполагает повышение конкурентоспособности в базовых отраслях на основе создания механизма системного взаимодействия государства, бизнеса, науки и образования с использованием эффективных инструментов инновационного развития, основным из которых должен быть кластерный подход. Так, в марте 2013 г. российским президентом принято решение о создании на Дальнем Востоке рыбопромышленного кластера. 19 октября 2015 г. на заседании Президиума Государственного совета РФ «О развитии рыбохозяйственного комплекса в РФ» вопрос о рыбном кластере поднял министр сельского хозяйства Александр Ткачѳв. До настоящего времени рыбохозяйственный кластер не создан, за два с половиной года Администрация Приморского края разработала проект Концепции и технико-экономическое обоснование создания рыбопромышленного кластера.

Несмотря на то, что в последнее время проблемам кластерного развития в отечественной практике уделяется все больше внимания, в результате чего появляются работы прикладного характера, которые могут быть использованы в качестве методической основы управления кластерным развитием, в научной литературе вопросы формирования механизма и стратегического планирования развития региональных отраслевых кластеров в условиях реальной экономики еще недостаточно освещены с точки зрения методологии и методического обеспечения и, по-видимому, нуждаются в более углубленной проработке.

Обзорный анализ современного состояния исследуемой проблемы показал, что в теории кластеров не существует единых универсальных подходов, имеется неоднозначное понимание природы кластеризации, проблемы оценки результатов деятельности, а также терминологическая неопределенность.

Проведенные исследования выявили следующее: в связи с тем, что в настоящее время в экономической сфере отсутствует однозначное определение понятия «кластер», часто совершенно разные по своему генезису образования, включающие хозяйствующих субъектов, которые были сформированы на базе территориальной концентрации предприятий одной отрасли промышленности, например рыбной, и при этом имеющие собственные обозначения, называют кластерами.

Недостаток знаний о существовании и возможностях кластерного подхода в развитии рыбного хозяйства Приморского края приводит к различному трактованию специфики и принципов кластерной политики, кластерной инициативы, кластерных технологий, кластерных организаций и т. д. У разных государственных организаций, бизнеса, научных и образовательных учреждений, других предприятий и организаций Приморского края имеется свое понимание сущности и содержания кластера.

Широко анонсируемое краевой администрацией создание рыбопромышленного кластера в Приморье – важный проект, однако в настоящее время отсутствует единый подход к пониманию его концепции. Так, в ходе пресс-конференции президент «Сибирского делового союза» Михаил Федяев заявил: «Мы готовы (участвовать в проекте рыбного кластера)... но, во-первых, вы мне объясните, что это такое и зачем это надо» [1].

Актуальность мотивационной проблемы формирования кластера подтверждают ранее изложенные высказывания различных заинтересованных лиц.

Президент Ассоциации рыбохозяйственных предприятий Приморья Георгий Мартынов видит рыбный кластер в форме развитого торгово-логистического центра на территории края с использованием существующей инфраструктуры и строительством ряда новых объектов:

«Безусловно, такому кластеру необходимо ядро, управляющая компания, которая организует реализацию рыбопродукции на внутренний и внешний рынки» [2].

Министерство РФ по развитию Дальнего Востока дает такое определение рыбному кластеру: «Рыбоперерабатывающий кластер – это группа производственных объектов, предприятий, взаимосвязанных и взаимодополняемых, усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом, который должен включать современную портовую и транспортную инфраструктуру, холодильные мощности, производственные объекты по рыбопереработке, прочие объекты рыбной логистики, включая торговые площадки и логистический центр» [1].

Руководитель Центра аквакультуры и прибрежных биоресурсов Института биологии моря Дальневосточного отделения РАН Сергей Масленников: «Кластер будет состоять из нескольких частей. Он будет служить портом для судов, привозящих рыбную продукцию к причалу» [1].

Президент Ассоциации разработчиков, производителей и поставщиков рыбоперерабатывающих комплексов и оборудования Сергей Лелюхин, один из инициаторов кластерного проекта, считает: «Кластер – серьезный инновационный механизм регулирования отрасли, необходимо рассматривать как межотраслевую, межрегиональную и межфирменную кооперацию», – добавляя при этом, что «достижение общих целей участниками кластера не всегда может соответствовать их желанию получить максимальную прибыль» [2].

По мнению председателя Союза рыбопромышленников и предпринимателей Камчатки Сергея Тимошенко, рыбакам его региона необходим мощный транспортный узел в Приморье, но не управляющая компания: «Рыбохозяйственный совет в крае мы превратили в орган управления кластером. Таким образом, кластер не имеет конкретного управляющего предприятия, конторы, но у него есть управляющий орган» [2].

Отсутствие системного подхода к пониманию содержания проекта кластеризации рыбного хозяйства Приморского края является серьезной управленческой проблемой, что подтверждает директор крупнейшей приморской рыбоперерабатывающей компании «Южморрыбфлот» Александр Ефремов, заявляя: «Абстрактная постановка задачи попросту дезориентирует бизнес» [2].

Современные исследователи по-разному определяют сущность кластерных объединений: одни выделяют как главную характеристику кластера географическую концентрацию, другие отраслевую принадлежность, третьи инновационную ориентированность.

Различия в восприятии предмета нашей темы в какой-то мере обусловлены тем, что «кластер» (англ. cluster) означает «скопление», «сгусток», «концентрация», «группа», в настоящее время это один из распространенных терминов науки и техники:

1) в химии – это химическое соединение, содержащее ковалентную связь между атомами или молекулами;

2) в информатике и вычислительной технике – это группа серверов;

3) в экономике его представляют как группу географически соседствующих и экономически взаимосвязанных компаний и сотрудничающих с ними организаций, в основном функционирующих в определенных сферах экономики и характеризующихся общностью деятельности [3];

4) в «Концепции государственной поддержки территориальных кластеров на период до 2018 года» – это совокупность предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг [4];

5) в статье 2 Федерального закона № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» (от 22 июля 2005 г.) кластер – «совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством РФ и управление которой осуществляется одной управляющей компанией», а в статье 4 этого документа предусмотрены случаи объединения нескольких особых экономических зон в кластер [5].

В настоящее время, согласно Федеральному закону № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», Правительство РФ устанавливает требования к промышленным кластерам, специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования. Однако в постановлении Правительства РФ № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» (от 31 июля 2015 г.), где установлены требования к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров и правила подтверждения соответствия этим требованиям, внесенные Минпромторгом, определение понятия «кластер» не уточняется.

Имеющиеся случаи выхолащивания понятия кластера как экономической категории приводят к тому, что полезные идеи в сфере повышения региональной конкурентоспособности, тесно связанные с теорией кластеров, не находят продуктивной реализации, остаются политизированными декларациями различных чиновников.

Например, в разрабатываемом международным консорциумом с участием Исследовательского института Номура, компании North Japan Port Consultants Ltd. Smart City Planning Inc., а также ОАО «Дальневосточный научно-исследовательский, проектно-изыскательский и конструкторско-технологический институт морского флота, ФГУП «Тихоокеанский научно-исследовательский рыбохозяйственный центр» исследовательском проекте реализации кластерной политики по заданию Администрации Приморского края сказано: «Рыбоперерабатывающий кластер Дальнего Востока может быть сформирован на основе взаимодействия региональных его составляющих, основами которых могут стать базовые рыбные комплексы, или «ядра» кластера, каждый из которых имеет свою специфику, рыночную позицию и специализацию, создавая, по сути, сеть территориальных кластеров» [6].

Проведенный нами анализ материалов проекта по разработке концепции, предварительного технико-экономического обоснования и инвестиционного предложения по строительству рыбопромышленного комплекса в рамках создания в Приморском крае рыбоперерабатывающего кластера и развития аукционной торговли, выполненного Московским филиалом Исследовательского института Номура, выявил много противоречий, принципиальными из которых являются:

а) общепринятое понятие «технопарк» (рыбоперерабатывающий) именуется в одном случае рыбопромышленным комплексом, в другом – рыбоперерабатывающим кластером. Мы считаем, что создание (строительство) рыбоперерабатывающего технопарка и формирование рыбохозяйственного кластера хотя и затрагивает интересы одной отрасли, но это совершенно разные проекты, имеющие свою специфику, а в Концепции эти понятия отождествляются;

б) в основных функциях проектируемого кластера не предусматривается системообразующая деятельность – инновационная, которая является основным признаком, позволяющим называть соответствующее формирование кластером.

Подтверждает наличие вышеописанных проблем и тот факт, что в государственной программе «Развитие рыбохозяйственного комплекса в Приморском крае на 2013-2017 годы», утвержденной 7 декабря 2012 г. постановлением Администрации Приморского края № 389-па, мероприятие «Разработка и реализация пилотного проекта рыбоперерабатывающего кластера в Приморском крае» включено в подпрограмму «Развитие рынка рыбной продукции в Приморском крае», а не в предшествующую подпрограмму «Развитие системы государственного управления».

Недостаток знаний о методологии и возможностях кластерного развития применительно к рыбохозяйственному комплексу Приморского края приводит не только к различному толкованию специфики и принципов кластерной инициативы, кластерной политики, кластерных организаций, кластерных технологий учеными, предпринимателями и другими представителями власти и бизнеса, но и создает основные трудности формирования полноценного кластера в рыбной отрасли.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что определение понятия «кластер» не является чисто теоретической, не интересующей практиков проблемой и, на наш взгляд, требует уточнения в каждом конкретном случае в зависимости от условий формирования, специфики деятельности и других факторов; то есть при общих исходных наборах свойств в зависимости от целеполагания и задачи, которая поставлена инициаторами кластеризации, для конкретного кластера требуется соответствующее определение.

Изучение кластерной теории и практики создания новых и развития действующих кластеров, выявило, что декларативность целей и задач кластерной политики, «размытость» критериев и показателей реализации кластерных проектов, низкая исполнительская дисциплина и недоверие к органам власти со стороны делового и научного сообщества накладывают дополнительные риски и ограничения на реализацию кластерных инициатив, а простой перенос западного опыта формирования и развития кластеров для социально-экономических условий Приморского края не эффективен и даже может привести к отрицательным результатам.

Исследования ученых Дальрыбвтуза позволяют сделать вывод о возможности формирования в Приморском крае полноценного рыбохозяйственного образовательно-научно-производственного кластера на основе эпистемических (знаниевых) технологий, позволяющих различать и организовывать разные типы знаний: фундаментально-научные, технологические, маркетингово-

гуманитарные, финансово-инжиниринговые – и стратегическое видение, в совокупности обеспечивающие развитие рыбной отрасли.

В нашем подходе деятельность такого вида промышленного кластера окажет влияние на инновационное развитие Приморского края и в целом позволит расширить образовательное, научное и производственное пространство, а также создать условия для социального партнерства в профессиональной подготовке и переподготовке кадров, синхронизировать скорость изменений на рынке труда и рынке образовательных услуг не только в регионе базирования кластера, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, качественно перестроить структуру рыбохозяйственного профессионального образования, укрепить взаимное доверие и отношения поставщиков и потребителей образовательных услуг (вузов и работодателей).

Мы солидарны с мнением тех исследователей, которые при определении понятия «кластер» основное содержание видят в их инновационной ориентированности как главном элементе механизма повышения конкурентоспособности на всех уровнях хозяйственной системы и двигателе экономического роста и социального прогресса.

В отличие от концепции проектируемого в Приморском крае рыбопререрабатывающего кластера, модель рассматриваемого нами рыбохозяйственного кластера отличается качественными параметрами, а именно:

- связность кластера, которая характеризует уровень взаимовлияний предприятий и организаций – членов кластера, а также их потенциальную доступность к необходимым ресурсам;
- синергетический эффект как интегральная характеристика, представляющая сумму инновационных потенциалов элементов, которая определяет количественную оценку синергетического взаимодействия участников кластера по тем параметрам, по которым происходит анализ взаимовлияний;
- базовый элемент кластера и его связующие элементы, которые вносят главный вклад в организацию взаимодействий, являются движущей силой: Администрация Приморского края, Приморское территориальное управление Федерального агентства по рыболовству, Ассоциации добытчиков минтая и рыбохозяйственных предприятий Приморья, ФГУП «Тихоокеанский научно-исследовательский рыбохозяйственный центр», ФГБОУ ВПО Дальрыбвтуз;
- ядро кластера – это рыбодобывающие и перерабатывающие организации, которые вносят основной вклад в результаты работы кластера (табл.);
- резервы роста – структуры и организации, потенциал которых не раскрыт полностью, но способен устранить слабые места в организации инновационных процессов кластера и определить мероприятия по стратегическому развитию всей инновационной структуры [2].

Наиболее перспективные для участия в рыбохозяйственном кластере
предприятия Приморского края

Вид деятельности	Предприятия
05.01 «Рыболовство, рыбоводство»	ОАО «ТУРНИФ», ЗАО «Интрарос», ОАО «НБАМР», ООО «Уссури», ООО «Акватехнологии», ООО «Интеррыбфлот», ОАО «Рыболовецкий колхоз "Приморец"», ОАО «ПБТФ», ОАО «Рыболовецкий колхоз "Огни Востока"», ОАО «Дальрыба», ЗАО «Дальрыбпром», ЗАО «Рыболовецкий колхоз "Восток-1"», ООО «Дальтрансфлот», ЗАО «Орион-Пасифик», ЗАО МСК «Востоктранссервис», ООО «Примрыбфлот», ООО «Ролиз», ООО «Исток-АБ», ООО «Инсоф-Марин», ООО «Нереида», ЗАО «Восток-Джапан»
15.20 «Переработка и консервирование рыбы и морепродуктов»	ЗАО «Южморрыбфлот», ЗАО «Агропромышленный комплекс "Славянский-2000"», ОАО «КВЭН», ООО «Примрыбфлот», ООО «Исток-АБ», ООО «Инсоф-Марин», ЗАО «Орион-Пасифик», ЗАО «Восток-Джапан», ООО «Рыбозавод Большекаменский», ООО «Владивостокский рыбокомбинат», ОАО ХК «Дальморепродукт», ЗАО «Преображенский рыбокомбинат», ООО «Нереида», ООО «Солвет», ООО «Зарубинская база флота», ООО «Кронверк», ООО «Софко», ООО «Рыблеспром», ООО «Си-Гал»,

Отличительной чертой моделируемого нами образовательно-научно-производственного кластера от концепции проектируемого в Приморском крае рыбопререрабатывающего является его инновационная ориентированность. Анализ показывает, что наиболее успешные кластеры формируются там, где осуществляется или ожидается прорыв в области техники и технологии производства и обращения.

Центральным моментом создания образовательно-научно-производственного кластера при нашем подходе является не просто территориально-географическое сближение, резиденциальное объединение производств основной и обслуживающих отрасль экономических сфер, между которыми возможна синергия и взаимно-функциональные отношения, – задача состоит в том, чтобы доводить лабораторные технологии, действие которых основано на инновационных физических принципах и эффектах, до новых систем деятельности и практики рыбного бизнеса.

На основе обобщения изученного теоретического материала о кластерном подходе к управлению региональными отраслевыми комплексами для использования в практической деятельности с учетом специфики Приморского края предлагается следующее определение: *рыбохозяйственный кластер* – это некоммерческая организация, формирующая устойчивую саморазвивающуюся сеть различных самостоятельных компаний, производящих и реализующих рыбную или связанные с ней продукцию, работу, услуги, объединенных совместной, в т. ч. инновационной, деятельностью, информационным обменом между её членами и их сотрудниками, процессами подготовки и обучения кадров и имеющих возможность оперативно и наиболее эффективно использовать новые знания, научные открытия и изобретения, усиливающие конкурентные преимущества каждой отдельной фирмы и рыбного сектора экономики Приморского края в целом [7].

Мы считаем, что это определение в полной мере отражает всю глубину понятия моделируемого нами кластера, так как раскрывает, какие факторы влияют на его возникновение, какой должна быть функциональная специализация кластера, каковы тенденции и закономерности развития, принципы обеспечения эффективности механизма кластеризации и др. Для Приморского края кластерная политика – достаточно новая управленческая технология регулирования стратегии и тактики ведения регионального хозяйства, в этих условиях основополагающей проблемой при создании образовательно-научно-производственного кластера в Приморском крае нам видится обеспечение эффективного управления этим процессом.

Организационные подходы кластеризации рыбохозяйственной отрасли. Как отметил А. Шадрин, директор Департамента социального развития и инноваций Минэкономразвития РФ, на поддержку кластеров деньги есть, проблема – с качественными проектами и с качеством управления кластерами. Поддерживает его в этом вопросе и Н. Ларионова, директор Департамента развития малого и среднего предпринимательства и конкуренции Минэкономразвития РФ: «Мы научились с регионами формировать центры кластерного развития, работать с субсидиями, выработали ключевые показатели эффективности, но в плане создания качественной системы управления в кластерах находимся в начале пути» [8].

В этой связи до принятия решения о создании кластера целесообразно определить концептуальные организационные подходы кластеризации рыбохозяйственной отрасли, а именно:

1. Кто фасилитатор кластерных инициатив – Администрация Приморского края или Федеральное агентство по рыболовству?
2. Инновационная активность – обязательное условие для приема в участники кластерного формирования или результат развития кластера?
3. Основные приоритеты развития Приморского рыбохозяйственного кластера заключаются в поддержке государства, заинтересованности бизнеса или в инновационных технологиях?

Кластерная инициатива определяется нами как организационная попытка увеличить темпы роста и конкурентоспособность хозяйствующих субъектов в рыбодобывающем и перерабатывающем секторах экономики Приморья с вовлечением в этот процесс отраслевых компаний и фирм, государства, образовательных учреждений и исследовательских институтов, инфраструктурных подразделений, торговли и т. д.

Не требует особых доказательств наше утверждение о том, что для формирования рыбохозяйственного кластера в Приморском крае существуют естественные преимущества: трудовые ресурсы, научно-исследовательские институты, университеты, развивающаяся отрасль хозяйства, располагающая мощным экономическим потенциалом и устойчивым рынком сбыта. Мы также уверены, что ФГБОУ «Дальрыбвтуз» способно стать одним из участников ядра организационно-

управленческой промышленно-методологической группы, вокруг которой может строиться современный рыбохозяйственный образовательно-научно-производственный кластер. Предполагается, что основная роль Дальрыбвтуза в формате кластерных инициатив – реализация образовательной функции в сфере кластеризации, а также эффективной системы подготовки кадров для участников кластера, методологическое обеспечение эффективного управления созданием сети взаимодействий между учеными, студентами, предпринимателями и государственными служащими для того, чтобы как можно быстрее в практику рыбохозяйственной и пищевой отраслей внедрялись любые нововведения – как управленческие, так и научно-технические. Дальрыбвтуз будет оказывать не только образовательные услуги для организаций кластера, но и станет научно-экспертной площадкой и ресурсным центром для предприятий малого и среднего бизнеса, работающих в рыбохозяйственной сфере.

Рассматривая проблемы кластерного менеджмента, необходимо подчеркнуть, что управление кластером не означает управление предприятиями и организациями, являющимися членами этого формирования, а прежде чем рассматривать механизм создания кластера, нужно определить цели и задачи его деятельности.

Представляется, что концептуальная цель создания рыбохозяйственного образовательно-научно-производственного кластера в Приморском крае как элемента создаваемой территории опережающего социально-экономического развития с использованием преимуществ свободного порта заключается в формировании консолидации и взаимного сотрудничества компаний-членов, направленного на решение общих проблем при обеспечении собственных интересов каждой организации.

Изложенные в постановлении Правительства РФ № 779 требования к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности, установленных Федеральным законом «О промышленной политике в Российской Федерации», другими федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ и Правительства РФ, могут быть дополнены основными задачами:

1. Объединение разрозненных предприятий рыбной отрасли, совместная выработка связанных с ней стратегий долгосрочного развития и решение проблем, стоящих перед рыбохозяйственным комплексом Приморского края.

2. Системное взаимодействие сформированной региональной научной и образовательной инфраструктуры с бизнесом, способствующее более интенсивному внедрению новых технологических, управленческих, маркетинговых разработок в практику.

3. Проявление положительных мультипликативных эффектов на региональную экономику в виде прироста рабочих мест, роста инвестиционной привлекательности территории, повышение восприимчивости рыбной промышленности к инновациям, активизация научно-производственной деятельности и др.

В рамках нашего исследования рыбохозяйственный кластер выступает как форма взаимосвязи, взаимодействия и кооперации, как фактор развития, в котором самостоятельность и независимость его участников сохраняются, а слагаемые формируемого кластерного образования – концентрация, кооперация, интеграция, взаимосвязь и конкуренция регулируются управляющим элементом – конечным результатом, на который сориентированы все его участники. При этом конкурентные преимущества, получаемые предприятиями, входящими в кластер, формируются возможностями инновационного потенциала, которые порождаются объединением и позволяют повысить объемы и производительность участников за счет следующих факторов:

- эффективной специализации и разделения труда;
- эффекта масштаба;
- оперативного доступа к технологиям, поставщикам, квалифицированной рабочей силе, информации и другим бизнес-услуг;
- устойчивых связей внутри кластера, способствующих появлению взаимодополняющих навыков, технологий, субсидий, что позволяет участвовать в более крупных проектах, в которых отдельные фирмы неконкурентоспособны.

Россия имеет свою специфику в области кластеростроения, включая неразвитость частного инвестирования в концептуальные долгосрочные проекты. Невысокое качество бизнес-среды и уровень развития ассоциативных структур определяют необходимость реализации стратегий и программ кластерного развития рыбного хозяйства Приморского края за счет организационных

усилий территориальных органов власти и отраслевого управления, которые должны быть более существенными, чем рыночное саморегулирование.

Вместе с тем, считаем, что инициатором кластеризации рыбной отрасли может выступать не только Администрация Приморского края, но и территориальный орган Росрыболовства, которому при использовании общеизвестных методов проектного менеджмента потребуются приложить необходимые организационные усилия, что позволит трансформировать существующие проблемы управления в задачи создания образовательно-научно-производственного кластера. По-видимому, самая главная задача Росрыболовства на начальном этапе кластерного развития – совместно с администрацией Приморского края инициировать создание и организационное оформление рыбохозяйственного кластера, объединить те ресурсы, которые есть в регионе сегодня, предложить предпринимателям то, что может быть полезным и для бизнеса, и для государства, и для населения, и для территории в целом. При этом нельзя забывать, что одной из организационных проблем является мотивационная составляющая управления формированием кластера. Особенность здесь заключается в том, что мотивация к объединению в кластер должна быть у совершенно самостоятельных, самодостаточных предприятий и организаций различных форм собственности.

В этой связи основой стимулирования при нашем подходе является позиционирование субъектами кластерных инициатив заинтересованности бизнеса в том, что вхождение в образовательно-научно-производственный кластер повышает статус компаний, способствует росту внимания к ним со стороны финансовых структур и органов государственной власти и местного управления, благоприятствует росту их международной репутации и популярности торговой марки, привлекает дополнительные ресурсы и предоставляет другие формы поддержки.

Несмотря на то, что рассматриваемый рыбохозяйственный кластер является открытой системой, установление хозяйственных отношений с одним или несколькими организациями-членами не приведет к немедленной интеграции предприятия в его среду. Следовательно, экономическое взаимодействие должно быть дополнено информационным и человеческим, то есть кластер нельзя учредить приказом, распоряжением и произвольно включить какую-либо организацию в его состав также нельзя.

Прогнозируется, что успех будет определяться самой кластерной некоммерческой организацией, её формальной структурой, которая сможет объединить предприятия и организации, научно-исследовательские и проектно-конструкторские институты, университет и других участников кластера. В этом представляется и мотивация, и интерес, так как самостоятельность и независимость сохраняются, а цель – общий, выгодный всем конечный результат.

Однако как ни важны мотивации к объединению в кластеры, для многих малых предприятий организация такого сотрудничества – далеко не простое дело, так как они существуют за счет индивидуализма и предприимчивости, а поэтому тесное сотрудничество с конкурентами, поставщиками или клиентами может восприниматься как угроза. В этой связи малым предприятиям необходимо оказать содействие в повышении степени готовности к длительному взаимодействию и сотрудничеству, а членам ядра кластера определить целесообразность их привлечения в свои ряды.

В заключение подчеркнем, что особое значение на начальном этапе кластерного развития рыбной отрасли Приморского края имеет целенаправленная организационно-управленческая и информационно-методическая работа по вовлечению в рыбохозяйственный кластер экономических агентов, а также вопросы выработки программных действий по развитию и финансовому обеспечению кластерных инициатив.

Вышеизложенные подходы и организационный механизм кластеризации рыбной отрасли, по нашей оценке, позволят оперативно сформировать полноценный рыбохозяйственный образовательно-научно-производственный кластер в Приморском крае, в котором научно-методологическое обеспечение основных направлений может быть отведено Дальневосточному техническому рыбохозяйственному университету.

Литература

1. Материалы Российской кластерной обсерватории. URL: <http://cluster.hse.ru> (дата обращения: 08.09.2015).
2. Международный конгресс рыбаков: офиц. сайт. URL: <http://www.fish-forum.ru> (дата обращения: 22.09.2015).
3. Porter M. The Economic Performance of Regions // *Regional Studies*. 2003. Vol. 37, No. 6/7 (August/October). P. 54-55.

4. Концепция государственной поддержки территориальных кластеров на период до 2018 года. URL: <http://www.innoclusters.ru> (дата обращения: 12.09.2015).
5. Об особых экономических зонах в РФ: федер. закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ. URL: <http://www.minprom.gov.ru> **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**(дата обращения: 12.09.2015).
6. Проект по разработке концепции, предварительного технико-экономического обоснования и инвестиционного предложения по строительству рыбопромышленного комплекса в рамках создания в Приморском крае рыбоперерабатывающего кластера и развития аукционной торговли. URL: http://geos.primorsky.ru/gi_ve/ (дата обращения: 12.09.2015).
7. Лесовская О. В., Лесовский Б. Ф. Анализ практики формирования кластеров для условий рыбного хозяйства Приморского края // Вестник Дальрыбвтуза: науч.-практ. журн. 2015. № 4. С. 3-15.
8. Территориальные кластеры. URL: <http://cluster.hse.ru> (дата обращения: 18.09.2015).
9. О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров: постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 / М-во промышленности и торговли РФ. URL: <http://www.minprom.gov.ru> (дата обращения: 26.09.2015).

References

1. Materialy Rossijskoj klasternoj observatorii. Available at: <http://cluster.hse.ru> (accessed 08.09.2015). (In Russ.).
2. Mezhdunarodnyj kongress rybakov. Available at: <http://www.fish-forum.ru> (accessed 22.09.2015). (In Russ.).
3. Porter M. The Economic Performance of Regions. Regional Studies, 2003, vol. 37, no. 6&7, August/October, pp. 54-55.
4. Konceptiya gosudarstvennoj podderzhki territorial'nyh klasterov na period do 2018 goda. Available at: <http://www.innoclusters.ru> (accessed 12.09.2015). (In Russ.).
5. Ob osobyh ehkonomicheskix zonah v RF: Federal'nyj zakon ot 22.07.2005 g. No. 116-FZ. Available at: <https://www.consultant.ru/document/cons.doc,LAW,54599/> (accessed 12.09.2015). (In Russ.).
6. Proekt po razrabotke koncepcii, predvaritel'nogo tekhniko-ehkonomicheskogo obosnovaniya i investicionnogo predlozheniya po stroitel'stvu Rybopromyshlennogo Kompleksa v ramkah sozdaniya v Primorskom krae rybopererabatyvayushchego klastera i razvitiya aukcionnoj trgovli. Available at: http://geos.primorsky.ru/gi_ve/ (accessed 12.09.2015). (In Russ.).
7. Lesovskaya O. V., Lesovskij B. F. Analiz praktiki formirovaniya klasterov, dlya uslovij rybnogo hozyajstva Primorskogo kraja [Analysis of the practice of formation of clusters, in the context of fisheries of Primorsky kraj]. *Vestnik Dal'rybvтуza. Nauchno-prakticheskij zhurnal* [Scientific and practical journal "Bulletin of Dalrybvтуz"], 2015, no. 4, pp. 3-15. (In Russ.).
8. Territorial'nye klastery. Available at: <http://cluster.hse.ru> (accessed 18.09.2015). (In Russ.).
9. O promyshlennyh klasterah i specializirovannyh organizacijah promyshlennyh klasterov. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31 iyulya 2015 g. No 779. Sajt Ministerstva promyshlennosti i trgovli RF. Available at: <http://www.minprom.gov.ru> (accessed 26.09.2015). (In Russ.).

УДК 656: 004.94

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П. В. Сергеев

докт. экон. наук, ведущий научный сотрудник

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

А. В. Полянский,

канд. физ.-мат. наук

Курск, Россия

Аннотация. В настоящее время одним из важных условий социально-экономического развития регионов является минимизация издержек, связанных с доставкой конечного продукта потребителю. Учитывая, что значительная часть издержек приходится на транспортные расходы, весьма актуальной представляется проблема моделирования такой системы транспортной инфраструктуры, которая позволит получать

максимальную прибыль, увеличивать налоговые поступления в региональные и местные бюджеты и обеспечивать необходимые условия повышения конкурентоспособности регионов.

Ключевые слова: транспортная сеть, математическая модель сетевой транспортной задачи, сбалансированные и несбалансированные транспортные задачи, оптимальный план перевозок.

IMPROVING THE FUNCTIONING OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

P. V. Sergeev

Dr. Sc. (Economics), Leading Researcher
South-West State University, Kursk, Russia

A. V. Polyansky

PhD (Physics and Mathematics)
Kursk, Russia

Annotation. Currently, one of the important conditions for socio-economic development of regions is to minimize the costs associated with the delivery of the final product to the consumer. Given that a significant portion of costs falls on transportation costs, seems very urgent problem of modeling a system of transport infrastructure, which will allow to maximize profits, to increase tax revenues to the regional and local budgets and provide the necessary conditions to increase the competitiveness of regions.

Keywords: *transportation network, the mathematical model of the network transport problem, balanced and unbalanced transportation problems, the optimal transportation plan.*

В ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. отмечается: «Связующим звеном между Европой и АТР должен стать Северный морской путь». Это «...позволит ... играть лидирующую роль в формировании новых технологических рынков, а также развернуть на Россию крупные глобальные торговые потоки», поэтому следует «...развивать мощные логистические центры ... в северных и арктических территориях». В документе также указывается, что социально-экономическое развитие данного региона – это «важнейший национальный приоритет» [1], в связи с чем вопросы, затрагиваемые в настоящей статье, представляются весьма актуальными.

В работе рассматриваются условные примеры расчета плана перевозок с помощью надстройки «Поиск решения» табличного процессора Excel, что позволяет определить такой вариант развития транспортной инфраструктуры региона, который обеспечит реализацию вышеуказанных целей. Методика решения подобных задач была продемонстрирована авторами в ряде работ [2-4].

Пример 1. Поставщик V_0 имеет возможность доставить однородный товар в объеме $b_0=1000$ ед. напрямую или с использованием посредников V_1, V_2, V_4 к потребителям $V_3, V_5, V_6, V_7, V_8, V_9, V_{10}$, потребности которых $b_3=300$ ед., $b_5=300$ ед., $b_6=110$ ед., $b_7=150$ ед., $b_8=100$ ед., $b_9=300$ ед., $b_{10}=110$ ед. Известны удельные затраты на перевозку товара по каждой магистрали: $c_1=2$ ден. ед., $c_2=4$ ден. ед., $c_3=5$ ден. ед., $c_4=12$ ден. ед., $c_5=7$ ден. ед., $c_6=1$ ден. ед., $c_7=7$ ден. ед., $c_8=8$ ден. ед., $c_9=2$ ден. ед., $c_{10}=6$ ден. ед., $c_{11}=4$ ден. ед., $c_{12}=5$ ден. ед., $c_{13}=6$ ден. ед., $c_{14}=1$ ден. ед. и удельная прибыль от перевозки товара к каждому потребителю: $q_3=10$ ден. ед., $q_5=8$ ден. ед., $q_6=15$ ден. ед., $q_7=8$ ден. ед., $q_8=10$ ден. ед., $q_9=20$ ден. ед., $q_{10}=9$ ден. ед. (исходная транспортная сеть представлена на рис.1). Необходимо определить такой план перевозок, при котором будет получена максимальная прибыль.

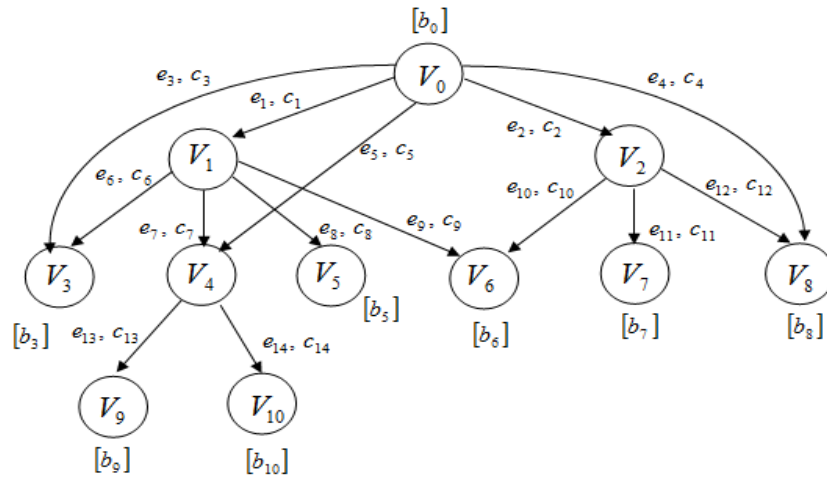

Рис.1. Исходная транспортная сеть

Для приведения задачи к закрытой вводим фиктивного поставщика V'_0 , мощность которого $b'_0 = \left| \sum_{i=1}^n b_i \right| - b_0$, и соединяем его дугами e_{j+k} , $k = \overline{1, n}$ с каждым потребителем, тогда \bar{f}_{j+k} – количество товара, недополученного потребителем k из-за его недостатка. Чтобы учесть экономическую целесообразность перевозок, соединяем поставщика V_0 дугами e'_{j+k} , $k = \overline{1, n}$ с каждым потребителем, тогда \bar{f}'_{j+k} – количество товара, недополученного потребителем k из-за нерентабельности перевозок. Так как перевозок не происходит, то $c_{j+k} = c'_{j+k} = 0$ (рис.2).

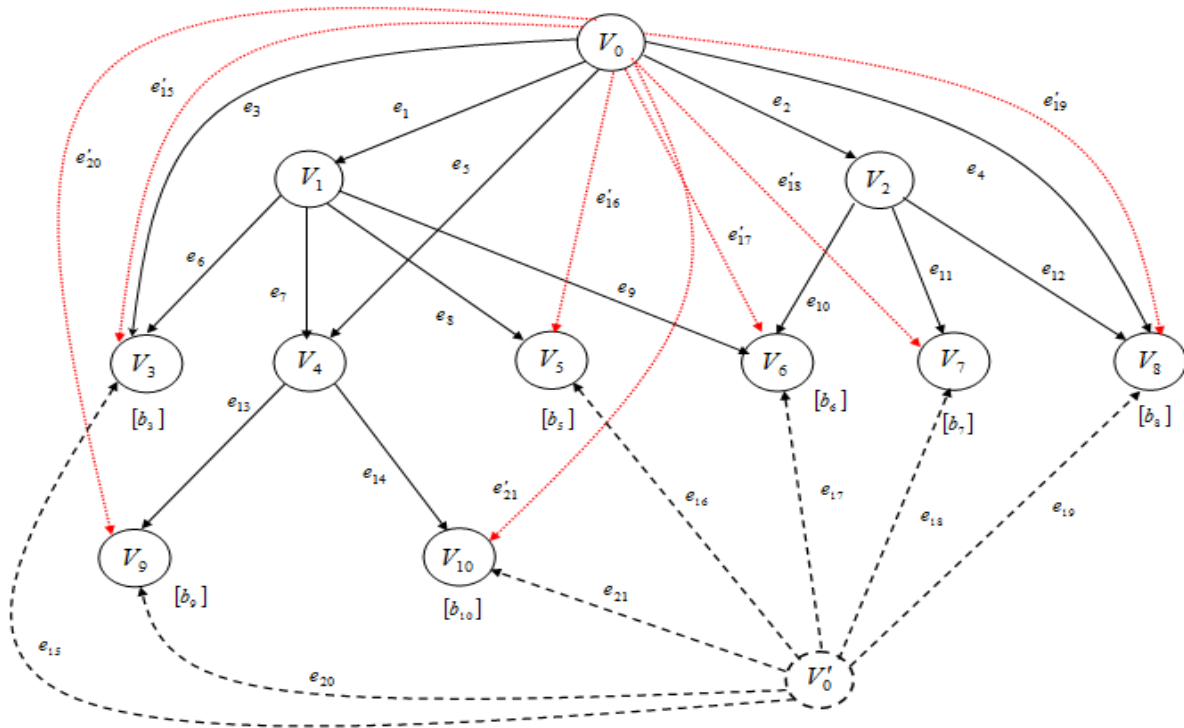

Рис.2. Транспортная сеть с фиктивным поставщиком

Если $\bar{f} = (f_1, f_2, \dots, f_{14})^T$ – количество товара, перевозимого по j -й магистрали, а $\bar{s} = (s_3, s_5, s_6, s_7, \dots, s_{10})^T$ – количество товара, доставленного потребителю i , то математическая модель задачи имеет вид:

$$\begin{aligned}
Z &= \bar{q}^T \bar{s} - \bar{c}^T \bar{f} \rightarrow \max \\
A(\bar{f} + \bar{f}_{j+k} + \bar{f}'_{j+k}) &= \bar{b} \\
A\bar{f} &= \bar{s} \\
\bar{f}, \bar{f}_{j+k}, \bar{f}'_{j+k} &\geq 0.
\end{aligned}
\tag{1}$$

Решая задачу, получаем максимальную прибыль $Z_{\max}=6620$ ден. ед. при следующих условиях: $f_1=410$ ед., $f_2=100$ ед., $f_5=410$ ед., $f_6=30$ ед., $f_9=110$ ед., $f_{12}=100$ ед., $f_{13}=300$ ед., $f_{14}=110$ ед., $f_{16}=220$ ед., $f_{18}=150$ ед., $f'_{16}=80$ ед. Транспортная сеть после оптимизации представлена на рис.3. При данном плане перевозок потребитель V_7 недополучит 150 ед. товара, потребитель V_5 – 220 ед. товара из-за избыточного спроса, потребитель V_5 недополучит 80 ед. товара из-за нерентабельности перевозок.

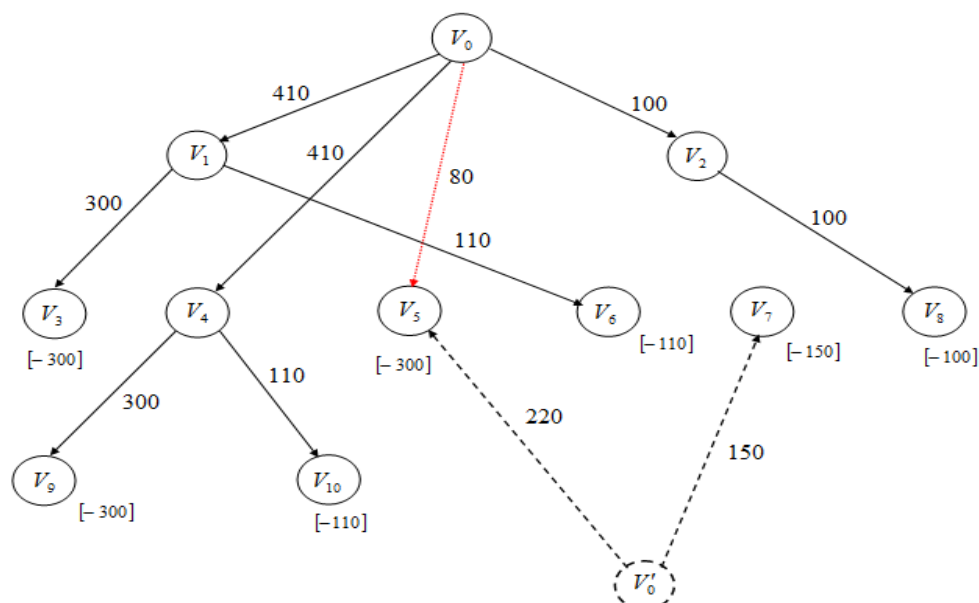

Рис.3. Транспортная сеть после оптимизации

Для учета приоритета доставки продукции достаточно изменить прибыльность перевозок [5]. Например, если товар необходимо доставить в первую очередь, то коэффициенты q'_i принимаем равными $q_i + 1000$, если во вторую – $q_i + 500$, в третью – $q_i + 100$ и т. д. После нахождения оптимального плана перевозок для расчета фактической прибыли необходимо вновь обратиться к коэффициентам q_i .

Приведем соответствующий условный пример 2. Для этого в условный пример 1 введем дополнительные условия на первоочередность перевозок: товар должен быть доставлен в первую очередь потребителям V_5 и V_7 . В результате работы программы оптимизации получаем $Z_{\max}=3690$ ден. ед. при условиях: $f_1 = 710$ ед., $f_2 = 150$ ед., $f_5 = 140$ ед., $f_6 = 300$ ед., $f_8 = 300$ ед., $f_9 = 110$ ед., $f_{13} = 140$ ед., $f_{19} = 100$ ед., $f_{20} = 160$ ед., $f_{21} = 160$ ед. Транспортная сеть после оптимизации представлена на рис.4. При этом плане перевозок потребитель V_8 недополучит 100 ед. товара, потребитель V_9 – 160 ед., потребитель V_{10} – 110 ед. из-за недостатка товара.

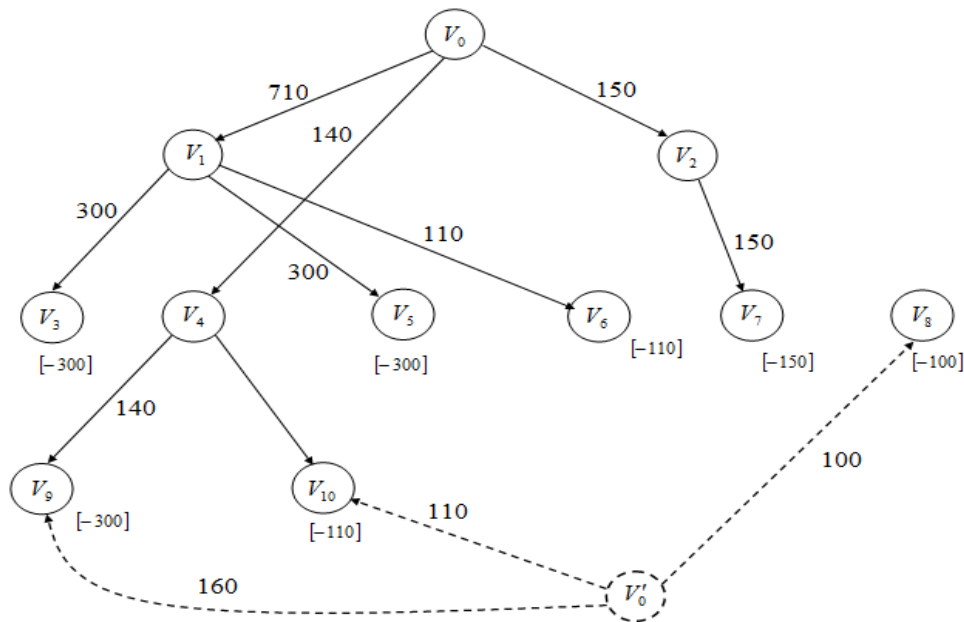

Рис.4. Транспортная сеть после оптимизации

В связи с возрастающими потребностями экономических субъектов в товарах, пропускные способности некоторых магистралей недостаточны, из-за чего их необходимо увеличить. Предположим, что поставщик может расширить существующие магистрали и построить новые, непосредственно связывающие его с потребителями. При этом удельные затраты на модификацию существующих магистралей – \bar{c}'^T , на строительство новых – \bar{c}''^T . Пусть \bar{d} – вектор максимальных пропускных способностей существующих магистралей, \bar{t} – вектор максимально возможного расширения существующих магистралей, \bar{r} – вектор максимальных пропускных способностей новых магистралей, \bar{f} – вектор потока по существующим магистралям, \bar{h}' – вектор потока по модифицированным магистралям, \bar{h}'' – вектор потока по новым магистралям. С учетом введенных обозначений задача (1) принимает следующий вид:

$$\begin{aligned}
 Z &= \bar{q}^T \bar{s} - [\bar{c}^T \bar{f} + (\bar{c}'^T + \bar{c}''^T) \bar{h}' + \bar{c}''^T \bar{h}''] \rightarrow \max \\
 A(\bar{f} + \bar{f}'_{j+k} + \bar{f}''_{j+k}) + A\bar{h}' + A''\bar{h}'' &= \bar{b} \\
 A\bar{f} + A \cdot \bar{h}' + A'' \cdot \bar{h}'' &= \bar{s} \\
 \bar{f} \leq \bar{d}, \bar{h}' \leq \bar{t}, \bar{h}'' \leq \bar{r} \\
 \bar{f}, \bar{f}'_{j+k}, \bar{f}''_{j+k}, \bar{h}', \bar{h}'' &\geq 0,
 \end{aligned} \tag{2}$$

где \bar{c}'^T – дополнительные удельные затраты на перевозку дополнительного товара после модернизации существующих магистралей; \bar{c}''^T – удельные затраты на перевозку товара по новым магистралям; A'' – матрица инцидентности новых магистралей.

Если в модернизацию транспортной инфраструктуры вкладываются дополнительные средства в размере F , тогда целевая функция задачи (2) принимает вид:

$$Z = F + \bar{q}^T \bar{s} - [\bar{c}^T \bar{f} + (\bar{c}'^T + \bar{c}''^T) \bar{h}' + \bar{c}''^T \bar{h}''] \rightarrow \max. \tag{3}$$

При такой постановке задачи транспортную сеть (рис.2) представим следующим образом: каждую дугу $e_j, j = \overline{1, 14}$ разобьем на три части, транспортные потоки по которым \bar{f}, \bar{h}' и \bar{h}'' , а каждую дугу $e_{j+k}, j+k = \overline{16, 17, 18, 21}$ представим двумя частями с потоками \bar{f}'_{j+k} и \bar{h}''_{j+k} (новые магистрали, непосредственно связывающие поставщика и потребителя).

Рассмотрим соответствующий условный пример 3. Пусть в условном примере 1 запасы товара у поставщика $b_0 = 1500$ ед., пропускные способности каждой магистрали: $d_1 = 200$ ед., $d_2 = 150$ ед., $d_3 = 250$ ед., $d_4 = 200$ ед., $d_5 = 100$ ед., $d_6 = 50$ ед., $d_7 = 200$ ед., $d_8 = 200$ ед., $d_9 = 50$ ед., $d_{10} = 100$ ед.,

$d_{11} = 200$ ед., $d_{12} = 50$ ед., $d_{13} = 100$ ед., $d_{14} = 100$ ед. Максимально возможное расширение существующих магистралей: $t_1 = 300$ ед., $t_2 = 50$ ед., $t_3 = 0$ ед., $t_4 = 100$ ед., $t_5 = 100$ ед., $t_6 = 150$ ед., $t_7 = 0$ ед., $t_8 = 10$ ед., $t_9 = 100$ ед., $t_{10} = 50$ ед., $t_{11} = 50$ ед., $t_{12} = 0$ ед., $t_{13} = 100$ ед., $t_{14} = 200$ ед. Удельные затраты на модификацию существующих магистралей: $c'_1 = 5$ ден. ед., $c'_2 = 6$ ден. ед., $c'_3 = 8$ ден. ед., $c'_4 = 15$ ден. ед., $c'_5 = 10$ ден. ед., $c'_6 = 3$ ден. ед., $c_7 = 7$ ден. ед., $c'_8 = 3$ ден. ед., $c'_9 = 4$ ден. ед., $c'_{10} = 5$ ден. ед., $c'_{11} = 4$ ден. ед., $c'_{12} = 4$ ден. ед., $c'_{13} = 8$ ден. ед., $c'_{14} = 3$ ден. ед. Максимальные пропускные способности новых магистралей: $r_1 = 200$ ед., $r_2 = 150$ ед., $r_3 = 300$ ед., $r_4 = 0$ ед., $r_5 = 150$ ед., $r_6 = 250$ ед., $r_7 = 200$ ед., $r_8 = 250$ ед., $r_9 = 0$ ед., $r_{10} = 150$ ед., $r_{11} = 250$ ед., $r_{12} = 200$ ед., $r_{13} = 150$ ед., $r_{14} = 0$ ед., $r_{15} = 350$ ед., $r_{16} = 150$ ед., $r_{17} = 250$ ед., $r_{18} = 0$ ед., $r_{20} = 250$ ед., $r_{21} = 150$ ед. Удельные затраты на перевозку товара по новым магистралям: $c''_1 = 9$ ден. ед., $c''_2 = 13$ ден. ед., $c''_3 = 10$ ден. ед., $c''_4 = 12$ ден. ед., $c''_5 = 14$ ден. ед., $c''_6 = 10$ ден. ед., $c''_7 = 16$ ден. ед., $c''_8 = 10$ ден. ед., $c''_9 = 8$ ден. ед., $c''_{10} = 9$ ден. ед., $c''_{11} = 17$ ден. ед., $c''_{12} = 13$ ден. ед., $c''_{13} = 7$ ден. ед., $c''_{14} = 11$ ден. ед., $c''_{15} = 14$ ден. ед., $c''_{16} = 14$ ден. ед., $c''_{17} = 15$ ден. ед., $c''_{18} = 13$ ден. ед., $c''_{20} = 16$ ден. ед., $c''_{21} = 9$ ден. ед. Несмотря на экономическую целесообразность, товар в первую очередь должен быть доставлен потребителям V_5 и V_8 , во вторую – потребителю V_{10} . Необходимо определить оптимальный план перевозок.

Решая задачу, получаем $Z_{\max} = 2700$ ден. ед. при условиях: $f_1 = 200$ ед., $f_2 = 150$ ед., $f_3 = 250$ ед., $f_4 = 50$ ед., $f_5 = 100$ ед., $f_6 = 50$ ед., $f_8 = 150$ ед., $f_9 = 50$ ед., $f_{10} = 50$ ед., $f_{11} = 40$ ед., $f_{12} = 50$ ед., $f_{13} = 100$ ед., $f_{14} = 110$ ед., $h'_1 = 50$ ед., $h''_6 = 150$ ед., $h''_{20} = 200$ ед., $h''_{21} = 110$ ед. Оптимальная транспортная сеть изображена на рис.5.

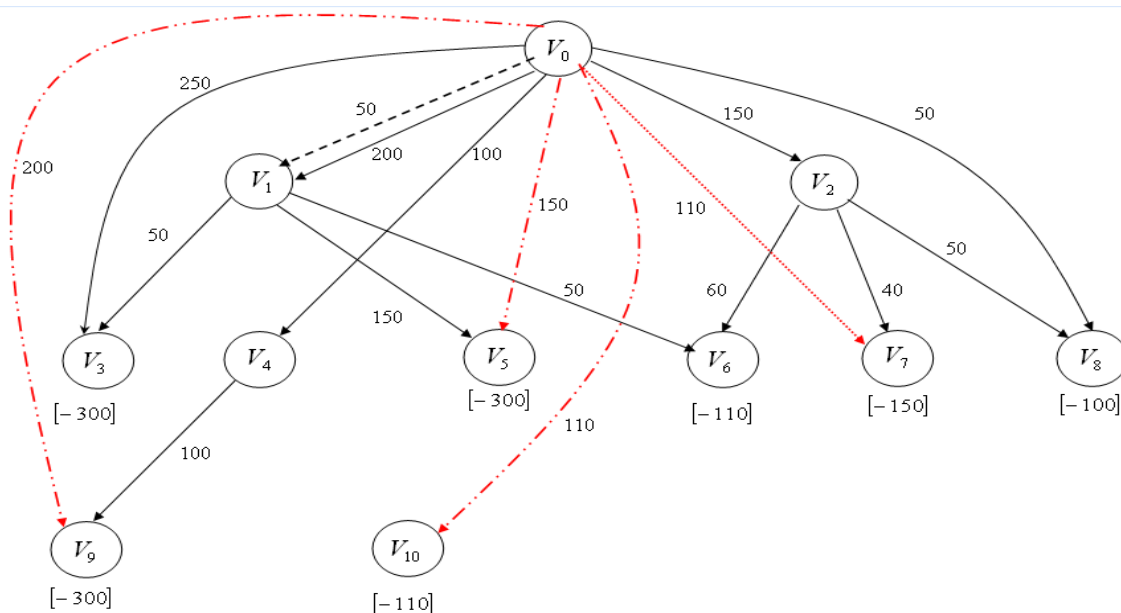

Рис. 5. Транспортная сеть после оптимизации
 - - - - -> – расширенные магистрали - · - · - ·> – новые магистрали

При данном плане перевозок потребитель V_7 недополучит 110 ед. товара из-за экономической нецелесообразности перевозок и у поставщика останется 240 ед. товара.

Таким образом, сформулируем выводы:

- моделирование транспортной инфраструктуры в табличном процессоре Excel дает возможность рассчитывать и оперативно перераспределять товарные потоки по магистралям при изменении параметров транспортных сетей;
- предложенная методика [2-4, 6] может быть использована при разработке целевой комплексной программы развития транспортной инфраструктуры в регионах Российской Федерации,

что позволит повысить эффективность ее использования и обеспечить условия для реализации инновационных транспортно-логистических технологий [7].

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации: [3 декабря 2015 г.]: [полный текст и видео]. URL: <https://russian.rt.com/article/134406>.
2. Сергеев П. В., Полянский А. В. Моделирование транспортной инфраструктуры с учетом получения максимальной прибыли // Евразийский союз ученых (ЕСУ). № 4(13). 2015. С.15-20.
3. Сергеев П. В., Полянский А. В. Подготовка менеджеров в сфере логистики – условие экономического развития региона // Европейский журнал социальных наук. 2015. № 1(1). С. 92-98.
4. Сергеев П. В., Полянский А. В. Моделирование транспортных сетей с ограниченной пропускной способностью // Известия Юго-Зап. гос. ун-та. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 1. С. 46-52.
5. Гостев М. В., Хабибуллин Р. Ф. Об оптимальном выборе пропускных способностей каналов транспортных сетей // Системы управления и информационные технологии. 2014. № 2/1(56). С. 120-124.
6. Сергеев П. В., Сергеев В. П. Программно-целевое планирование социально-экономического развития муниципальных образований // Парадигмальные основания государственного управления: сравнительный анализ опыта России, Белоруссии, Украины: сб. науч. ст. междунар. науч. конф. (Курск, 3-4 июля 2013 г.). Курск: Изд-во Акад. Госслужбы, 2013. С. 272-275.
7. О реализации транспортной стратегии Российской Федерации // Автомобильный транспорт. 2014. № 1. С. 4-6.

Reserences

1. Poslanije Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii [Vladimir Putin's annual address to the Federal Assembly on December 3, 2015, full text and video]. Available at: <https://russian.rt.com/article/134406>. (In Russ.).
2. Sergeev P. V., Polyansky A. V. Modelirovanije transportnoj infrastruktury s uchetom poluchenija maksimal'noj pribyli [Modeling of the transport infrastructure to the maximum profit]. *Evrazijskij souz uchenyh* (ESU) [Eurasian Union of Scientists (ESU)], 2015, no. 4 (13), pp.15-20. (In Russ.).
3. Sergeev P. V., Polyansky A. V. Podgovka menedgerov v sfere logistiki – uslovije ekonomicheskogo razvitija regiona [Training managers in logistics – condition for economic development in the region]. *Evropejskij zhurnal sotsial'nyh nauk* [European Journal of Social Sciences], 2015, no. 1 (1), pp. 92-98. (In Russ.).
4. Sergeev P. V., Polyansky A. V. Modelirovanije transportnuh setej s ogranichennoj propusknoj sposobnost'ju [Modelling of transport networks with limited bandwidth]. *Izvestija Ugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Ekonomika. Sotsiologija. Menedgment"* [Proceedings of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology. Management], 2015, no. 1, pp. 46-52. (In Russ.).
5. Gostev M. V., Khabibullin R. F. Ob optimal'nom vybore propusknyh sposobnostej kanalov transportnyh setej [On the optimal choice of capacities of channels transport networks]. *Systemy upravlenija I informacionnyje tekhnologii* [Control systems and information technology], 2014, no. 2/1 (56), pp. 120-124. (In Russ.).
6. Sergeev P. V., Sergeev V. P. Programmno-tselevoje planirovanije sotsial'no-ekonomicheskogo razvitija munitsipal'nyh obrazovanij [Programme-oriented planning of socio-economic development of municipalities]. *Sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Paradigmallye osnovanija gosudarstvennogo upravlenija: sravnitel'nyj analiz opyta Rossii, Belorussii, Ukrainy (Kursk, 3-4 iulya, 2013g.)"* [Collection of scientific articles of the international scientific conference "Paradigm base governance: a comparative analysis of the experience of Russia, Belarus and Ukraine" (Kursk, July 3-4, 2013)]. Kursk, Publ. House of the Academy of Civil Service, 2013, pp. 272-275. (In Russ.).
7. O realizatsii transportnoj strategii Rossijskoj Federacii [On the implementation of the transport strategy of the Russian Federation]. *Avtomobil'nyj transport* [Road Transport], 2014, no. 1, pp. 4-6. (In Russ.).

УДК 330.34

АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ ДВУОКИСИ ТИТАНА

В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ*

С. В. Федосеев

докт. экон. наук, главный научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

М. В. Точило

аспирант кафедры организации и управления

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье представлена современная структура потребления пигментной двуокиси титана в мире. Проанализирована проблема дефицита ее производства в Российской Федерации после распада СССР. Изложена идея формирования системы комплексного использования титаносодержащих руд на действующих горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях с получением различных, в том числе нетрадиционных видов титаносодержащего сырья, в качестве стратегии воспроизводства минерально-сырьевой базы титановой промышленности.

Ключевые слова: стратегия воспроизводства, пигментная двуокись титана, комплексное использование, дефицит, структура, развитие.

ANALYSIS OF PRODUCTION AND CONSUMPTION OF TITANIUM DIOXIDE IN RUSSIA AND ABROAD

S. V. Fedoseyev

Dr. Sc. (Economics), Chief Researcher

G. P. Luzin Institute for Economic Studies, the Kola Science Centre of the RAS, Apatity, Russia

M. V. Tochilo

Post-Graduate Student, Department of Organization and Management

National Mineral-Resources University (Mining University), St. Petersburg, Russia

Abstract. The article presents the current structure of the consumption of titanium dioxide pigment in the world. Analyzed the production shortage problem of titanium dioxide pigment in the Russian Federation after the collapse of the Soviet Union. Presented the idea of forming a system with comprehensive utilization of titanium ore in existing mining and processing enterprises to produce various, including non-traditional titanium-ferrous raw material as a strategy for reproduction of mineral resources base of titanium industry.

Keywords: strategy of reproduction, pigmentary titanium dioxide, comprehensive utilization, lack, structure, development.

Обеспечение экономики Российской Федерации минеральным сырьем собственного производства после распада СССР в целом существенно снизилось, а некоторые виды минерального сырья стали дефицитными. Анализ минерально-сырьевой базы предприятий, производящих титановую продукцию, свидетельствует о том, что титаномагниева, химическая, лакокрасочная и другие отрасли промышленности лишь в малой степени обеспечены титановым сырьем. В результате этого обеспеченность экономики страны титаносодержащим сырьем собственного производства существенно снизилась. В настоящее время даже при низком объеме потребления титановой продукции ее производство обеспечено в малой степени. Пигментная двуокись титана перешла в разряд остродефицитных видов продукции, и потребность в ней экономики страны приходится покрывать за счет импорта. Учитывая, что в перспективе потребность экономики страны в титановом сырье по мере экономического роста будет возрастать, и принимая во внимание целесообразность отказа от импорта, необходимо привести в соответствие структуру минерально-сырьевой базы со структурой титанопотребляющего комплекса страны путем расширения объема геолого-разведочных работ, научных исследований и опытно-промышленных испытаний.

Отсутствие в настоящее время некоторых технических или технологических решений имеет частичный, локальный, временный характер и не должно являться причиной отказа от использования

*Статья подготовлена на основе научных исследований «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ», выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-38-00009), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

этих технологий. Достигнутый уровень развития науки и техники, при соответствующем экономическом обеспечении, позволяет решать практически все технические проблемы комплексного использования сырья на основе современных ресурсосберегающих технологий.

Окончательное решение проблемы воссоздания в Российской Федерации надежной сырьевой базы для производства высококачественной, конкурентоспособной титановой продукции в объемах, обеспечивающих внутренний рынок, может быть осуществлено путем промышленного освоения и комплексного использования открытых коренных месторождений титаномагнетитовых, перовскитовых и других титаносодержащих руд (рис.1). В условиях формирования рыночных отношений и преобразований экономической системы Российской Федерации перед экономической наукой и практикой возникла необходимость решить проблему перехода от ресурсопотребляющего к ресурсосберегающему развитию, придать экономике инвестиционный характер развития и перевести ее в перспективе в новое качество экономического роста. Внедрение ресурсосберегающих технологий должно рассматриваться как одно из важнейших направлений инвестирования горнодобывающей промышленности.

В отдельных капиталистических странах структура потребления пигментной двуокиси титана различна, однако ее основными потребителями во всех странах являются лакокрасочная промышленность (55-58 %), целлюлозно-бумажная (9-12 %), производство пластмасс и каучука (24 %), печатные краски (3 %) и др. (6 %). Кроме того, пигментная двуокись титана используется в производстве керамики, фарфора, стекла и в других отраслях промышленности [1, 2].

В перспективе до 2020 г. анализ динамики структуры потребления пигментной двуокиси титана за рубежом в отраслевом разрезе по основным странам-производителям ее свидетельствует о том, что подавляющая часть пигментной двуокиси титана будет потребляться в лакокрасочной промышленности. Во-вторых, использование пигмента в лакокрасочной промышленности значительно расширяется за счет замещения других пигментов [3], в-третьих, в целом потребление цинковых и свинцовых белил, а соответственно, и белых пигментов для этих производств будет неуклонно сокращаться [1, 4].

Рис.1. Запасы коренных месторождений титана, млн т: российских (разведанных) и зарубежных (разрабатываемых) – и содержание в них TiO₂, %

Таким образом, в развитых капиталистических странах в области производства и потребления пигментной двуокиси титана в среднем за 2000-2014 гг. наблюдался рост темпов потребления данной продукции (3-4.3 %) в лакокрасочной промышленности и рост ее удельного веса по сравнению с другими (цинковыми и свинцовыми) белыми пигментами [5, 6, 7].

Емкость внутреннего рынка пигментной двуокиси титана в настоящее время практически не ограничена. Она применяется в лакокрасочной, целлюлозно-бумажной, текстильной, радиотехнической отраслях промышленности, для производства пластмасс и т. д. Даже в условиях спада промышленного производства потребность в пигментной двуокиси титана в значительной мере не удовлетворяется, что приводит к необходимости ее импорта, а также импорта лакокрасочной продукции на основе двуокиси титана. Значительный дефицит в этой продукции уже сейчас сдерживает более широкое ее применение в других отраслях промышленности. В перспективе это положение еще более усугубится, если не будет найдено такое решение, которое сможет принципиально изменить эту тенденцию.

В период 1990-1992 гг. в бывшем СССР объем производства пигментной двуокиси титана составлял 85-90 тыс. т в год. Это в 9.5 раза ниже, чем в США, в 4.4 раза ниже, чем в Германии, в 2.6 раза ниже, чем в Японии. После распада СССР объемы производства пигментной двуокиси титана сократились на 80 %, так как на территории России остался лишь Челябинский лакокрасочный завод, мощностью 7 тыс.т.

Следует отметить, что в связи с территориальными изменениями, произошедшими в 2014 г. при присоединении Крыма к России, в нашей стране появилось еще одно предприятие по производству пигментного диоксида титана ЧАО «Крымский титан» (г. Армянск). Данное предприятие функционирует на основе ильменитовых концентратов, поступающих из Днепропетровской и Житомирской областей Украины, и доля его на российском рынке пигментного TiO₂ примерно составляла 30 %. В 2013 г. выпуск пигментного диоксида титана ЧАО «Крымский титан» составил 107.9 тыс. т., но нестабильная ситуация на Украине и смена юридического адреса предприятия затрудняет на данный момент времени оценку перспективы производства [8, 9, 10].

Доля пигментной двуокиси титана в общем объеме производства неорганических белых пигментов в СССР составляла 14.6 %, в то время как в США – 74.0 %, Германии – 71.0 %, Японии – 71.5 % [6].

По данным USGS, в 2013 г. объем мировых мощностей по производству пигментного TiO₂ составил около 6.6 млн т/год, из которых 71 % приходится на Китай, США, Германию, Великобританию и Японию. По данным компании Ceresana, прогнозируется, что к 2019 г. мощности по производству диоксида титана составят 7.5 млн т в год. Крупными производителями пигментного диоксида титана являются компании DuPont (США) – 22 %, Millenium (США) – 13 %, Tronox (США) – 12 %, Hunstman Tioxide (Великобритания) – 10 % и Kronos (Германия) – 10 %. Около 24 % диоксида титана производится в Северной Америке, 18.7 % – в Западной Европе, 5 % – в Восточной Европе и СНГ, 35.2 % – в Азии, 4.3 % – в Австралии, 1.2 % – в Южной Америке, 0.5 % – в Африке. На рис.1 и в таблице показано распределение производственных мощностей по выпуску пигментного TiO₂ по странам [11, 12].

Запасы (приведенные категории) диоксида титана и производство титановых концентратов в ведущих странах мира

Страна	Запасы, млн т TiO ₂	Производство, тыс. т	Доля в мировом производстве, %
Канада	74.1	2500	20
ЮАР	22.2	2250	18
Австралия	45	1397	11
Китай	443.2	1350	11
Вьетнам	4.5	1140	9
Россия	110	158	1

В настоящее время доля двуокиси титана в структуре неорганических пигментов осталась примерно на том же уровне за счет ее импорта в Российскую Федерацию. Потребление диоксида титана в России составляет 70-80 тыс. т в год (примерно 1.5 % общемирового уровня).

Технология производства на действующих отечественных предприятиях обеспечивает возможность выпуска весьма ограниченного марочного состава двуокиси титана – не более 3-4 марок. Такой марочный состав не удовлетворяет потребности нашей промышленности [13], кроме того, качество вырабатываемых пигментов отстает от качества импортных: только 20 % белых пигментов соответствуют уровню мировых стандартов.

Производство пигментной двуокиси титана в Российской Федерации в настоящее время характеризуется весьма небольшими объемами, недостаточным марочным ассортиментом и низким качеством. Волгоградский «Химпром» – опытно-промышленная установка мощностью около 2.5 тыс. т/год по получению диоксида титана электродуговым сжиганием привозного тетрахлорида титана. На этой установке выпускали партии диоксида титана, продаваемые под маркой Р-02 (ГОСТ 9808-84). НШУ «Яреганефть» – структурное подразделение ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» в конце 2004 г. закончило создание опытно-промышленной установки по получению диоксида титана хлоридным способом по полному циклу. Таким образом, добыча титана в России ведется только попутно и в малых масштабах; доля страны в мировом производстве титановых концентратов едва превышает 1 % [14].

Из всех имеющих промышленное значение титаносодержащих видов сырья (рутил, ильменит, ильменито-магнетит, титаномагнетит, лопарит, перовскит, сфен) за рубежом для производства пигментной двуокиси титана используются только три – рутильный, ильменитовый и ильменито-магнетитовый концентраты [2, 7, 15]. Основным поставщиком рутила на мировой рынок – Австралия. В настоящее время здесь производится около 40 % рутила от мирового производства. Запасы рутила в разрабатываемых месторождениях оцениваются в 7-8 млн т. Добываемый в Австралии рутил в основном направляется на экспорт – в США (50%), Западную Европу (25 %) и Японию (10 %). Всего в мире производится 660-700 тыс. т рутила.

При формировании минерально-сырьевой базы производства пигментной двуокиси титана в России из всех известных и имеющих промышленное значение титаносодержащих минералов использовались рутил, ильменит, ильменито-магнетит и лопарит. После распада СССР наиболее крупные освоенные и подготовленные к эксплуатации месторождения рутилосодержащих, ильменитовых и ильменито-магнетитовых руд (сосредоточено свыше 80% TiO_2), в т. ч. для комплексного использования, в которых в промышленных масштабах освоены экономически эффективные технологии, оказались за пределами Российской Федерации. Поэтому в настоящее время встала проблема, по существу, не формирования минерально-сырьевой базы производства титановых пигментов, а ее воссоздания, точнее создания заново, на основе освоения ранее используемых, нетрадиционных источников титаносодержащего сырья с применением новых технологий еще не апробированных в отечественной практике в промышленных масштабах.

Анализ открытых и разведанных, а также эксплуатируемых месторождений титаносодержащего сырья и перспектив их комплексного использования для производства пигментной двуокиси титана показывает, что запасы традиционного титаносодержащего сырья в Российской Федерации весьма ограничены (рис.2). Кроме того, их количество не соответствует требуемым стандартам, что усложняет технологию их переработки и не позволяет получать высококачественную двуокись титана необходимых марок [16].

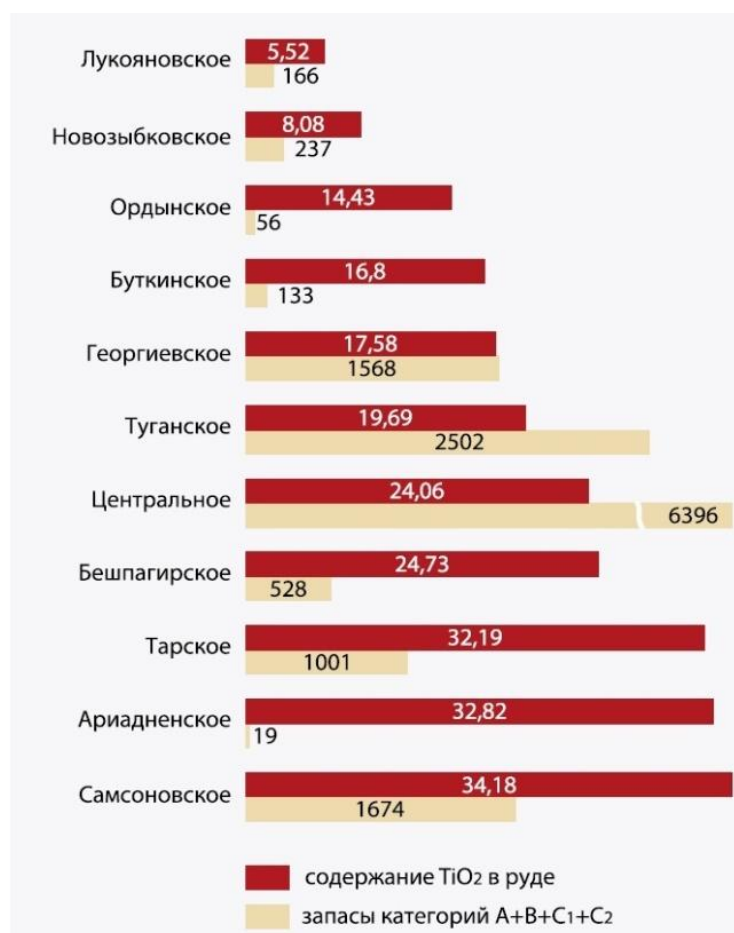

Рис.2. Запасы россыпных месторождений титана (тыс. т) и содержание в них двуокиси титана, кг/м³

Возможность использования для производства пигментной двуокиси титана ильменитовых концентратов различного химического и минералогического состава, а также возможность вовлечения в эксплуатацию новых видов титаносодержащего сырья, в первую очередь титаномагнетитовых руд, появляется в результате организации производства из концентратов нового вида сырья – титаносодержащих шлаков с содержанием 70-80 % двуокиси титана и не более 10 % окислов железа. В бывшем СССР титановые шлаки в качестве сырья для производства пигментной двуокиси титана не использовались [17]. В 2013 г. Государственным балансом впервые учтены 16.666 млн т запасов диоксида титана категорий A+B+C₁ и 5.728 млн т категории C₂ на апатит-нефелиновых месторождениях Апатитовый Цирк, Коашвинское и Ньоркпахкское в Мурманской обл. Благодаря этому разведанные запасы диоксида титана страны в 2013 г. выросли по сравнению с 2012 г. на 7 %; предварительно оцененные – почти на 2 % (рис.3).

Рис.3. Динамика добычи диоксида титана и прироста его запасов в результате геолого-разведочных работ в 2004-2013 гг., тыс. т

В России ведется только попутная добыча титанового сырья в Мурманской обл. на апатит-нефелиновых месторождениях Хибинской группы и Ловозерском редкометалльном месторождении, а также в Амурской обл. на Куранахском ильменит-титаномагнетитовом месторождении, разрабатываемом на железо и не учитываемом Государственным балансом запасов титана.

Выводы

Выполненные в последние годы исследования и проведенные опытно-промышленные работы показали, что применение титановых шлаков для получения пигментной двуокиси титана имеет ряд значительных преимуществ по сравнению с переработкой ильменитового концентрата:

- 1) появляется возможность обеспечения промышленности высококачественным титаносодержащим сырьем со стабильными технологическими свойствами, что позволяет получать пигментную двуокись титана всех требуемых марок;
- 2) создается возможность вовлечения в переработку низкокачественных ильменитовых концентратов различной степени окисленности и различного химического состава;
- 3) открываются пути вовлечения в народнохозяйственный оборот новых видов титаносодержащего сырья, в частности, титаномагнетитовых руд, имеющих практически неограниченные запасы;
- 4) значительно упрощается технологическая схема производства пигментной двуокиси титана;
- 5) исключается проблема утилизации больших количеств железного купороса, имеющих место при переработке.

Все это позволяет значительно расширить сырьевую базу титановой промышленности и практически организовать производство пигментной двуокиси титана в количествах, удовлетворяющих полную потребность национальной экономики в высококачественной пигментной двуокиси титана всех необходимых марок. В результате использования титанистых шлаков резко улучшаются технико-экономические показатели производства пигментной двуокиси титана. Кроме того, в этом случае благоприятно решаются проблемы охраны окружающей среды. Поэтому развитие производства пигментной двуокиси титана в 2016-2020 гг. необходимо предусматривать, главным образом, на основе использования в качестве сырья титаносодержащих шлаков.

Литература

1. A Review of the Production Cycle of Titanium Dioxide Pigment / Materials Sciences and Applications. 2014. May, 5. 441-458.
2. Economic Analysis for Listing of Inorganic Chemicals, Notice of Final Rulemaking / U.S. Environmental Protection Agency Office of Solid Waste 1200 Pennsylvania Ave. Washington, DC 20460/2001.

3. USGS Mineral Resources Program // Titanium-Light, Strong, and White. 2013.
4. Current intelligence bulletin 63 // Occupational Exposure to Titanium Dioxide/DHHS (NIOSH) Publication. 2011. No. 160.
5. Обзор мирового рынка диоксида титана / Fivex Analytics Group. 2010.
6. History and Extractive Metallurgy // Titanium-Physical Metallurgy, Processing, and Applications / ASM. 2015.
7. Tronox Limited // Annual Report and Corporate Responsibility Report. 2014
8. Жданов П. В. Вместе с Крымом Украина лишилась крупнейшего производителя диоксида титана // Новости Украины. Регионы. 2014. URL: <http://ukrday.com/regioni/novosti.php?id=134590>
9. Котенова О. А. «Химпром» Крыма поменяет рынки сбыта и перейдет на подземные источники воды // Рос. газ. 2015. 19 марта. URL: <http://www.rg.ru/2015/03/19/regkfo/himprom.html>
10. Анализ экономического положения, угроз и перспектив развития Крыма после присоединения к России: информ.-аналит. докл. 2015. Март.
11. Mineral Sands Industry/ Fact Book. Iluka / Dr. Robert Porter. 2014. February. URL: [http://www.iluka.com/docs/default-source/industry-company-information/the-mineral-sands-industry-factbook-\(feb-2014\)](http://www.iluka.com/docs/default-source/industry-company-information/the-mineral-sands-industry-factbook-(feb-2014)).
12. U. S. Geological Survey // Mineral Commodity Summaries. 2013. January.
13. ГОСТ 9808-84 Двуокись титана пигментная. Технические условия. Дата введения 1986-01-01. М., 1988.
14. Латышев Ю. В. История и перспективы производства диоксида титана в России: презентация ООО «Ариком». 2007. 14 сент. URL: http://www.creonenergy.ru/upload/iblock/45a/Latisheva_Arikom.pdf
15. Kronos Worldwide // Annual report. 2014.
16. Минерально-техническая оценка месторождений полезных ископаемых и проблемы раскрытия минералов: сб. ст. Петрозаводск, 2011.
17. Технологическая платформа «Твердые полезные ископаемые: технологические и экологические проблемы отработки природных и техногенных месторождений» / Рос. акад. наук; ИГД УрО РАН; при поддержке РФФИ. Екатеринбург, 2013. 1-3 октября.

References

1. A Review of the Production Cycle of Titanium Dioxide Pigment. Materials Sciences and Applications, 2014, 5, pp. 441-458.
2. Economic Analysis for Listing of Inorganic Chemicals, Notice of Final Rulemaking. U.S. Environmental Protection Agency Office of Solid Waste 1200 Pennsylvania Ave. Washington, DC 20460/2001.
3. USGS Mineral Resources Program. Titanium-Light, Strong, and White, 2013.
4. Current intelligence bulletin 63. Occupational Exposure to Titanium Dioxide/DHHS (NIOSH) Publication, 2011, no. 160.
5. Obzor mirovogo rynka dioksida titana. Fivex analytics group-2010. (In Russ.).
6. History and Extractive Metallurgy. Titanium – Physical Metallurgy, Processing, and Applications Copyright, 2015.
7. Tronox Limited. Annual Report and Corporate Responsibility Report, 2014.
8. Zdanov P. V. Vmeste s Krymom Ukraina lishilas' krupnejshego proizvoditelya dioksida titana [Together with the Crimea Ukraine has lost the largest producer of titanium dioxide]. *Novosti Ukrainy. Regiony.* 2014. Available at: <http://ukrday.com/regioni/novosti.php?id=134590>. (In Russ.).
9. Kotenova O. A. "Himprom" Kryma pomenyaet rynki sbyta i perejdet na podzemnye istochniki vody [Chemical production Crimea will change markets and move to underground water sources]. *Roscijskaya gazeta,* 2015. Available at: <http://www.rg.ru/2015/03/19/regkfo/himprom.html>. (In Russ.).
10. Analiz ekonomicheskogo polozheniya, ugroz i perspektiv razvitiya Kryma posle prisoedineniya k Rossii, Informacionno-analiticheskij doklad, 2015, Mart. (In Russ.).
11. Porter R. Mineral Sands Industry. Fact Book. Iluka. 2014. Available at: [http://www.iluka.com/docs/default-source/industry-company-information/the-mineral-sands-industry-factbook-\(feb-2014\)](http://www.iluka.com/docs/default-source/industry-company-information/the-mineral-sands-industry-factbook-(feb-2014)).

12. U. S. Geological Survey, Mineral Commodity Summaries, January 2013.
13. Gost 9808-84. Dvuokis' titana pigmentnaya. Tekhnicheskie usloviya, data vvedeniya 1986-01-01. (In Russ.).
14. Latyshev Yu. V. Istoriya i perspektivy proizvodstva dioksida titana v Rossii [History and prospects of production of titanium dioxide in Russia], 2007. Available at: http://www.creonenergy.ru/upload/iblock/45a/Latisheva_Arikom.pdf (In Russ.).
15. Kronos Worldwide. Annual report. 2014.
16. Mineral'no-tekhnicheskaya ocenka mestorozhdenij poleznyh iskopaemyh i problemy raskrytiya mineralov. Sbornik statej po materialam Rossijskogo seminara po tekhnicheskoy mineralogii, Petrozavodsk, 2011. (In Russ.).
17. Rossijskaya akademiya nauk IGD UrO RAN pri podderzhke Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij Tekhnologicheskaya platforma "Tverdye poleznye iskopaemye: tekhnologicheskie i ehkologicheskie problemy otrabotki prirodnyh i tekhnogennyh mestorozhdenij", Ekaterinburg, 2013, 1-3 oktyabrya.

УДК 330.352.3

ДОБАВЛЕННАЯ СТОИМОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ*

С. В. Федосеев

докт. экон. наук, доцент, профессор кафедры организации и управления

П. С. Цветков

канд. экон. наук, ассистент кафедры информатики и компьютерных технологий

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье показано, что переход к инновационно ориентированной экономике заключается не только в создании новых высокотехнологичных предприятий, но и в необходимости обеспечения условий для интенсивного экономического роста существующих производств. Определены слабые стороны показателей Value Based Management, которые делают их трудноприменимыми при осуществлении долгосрочного планирования на российских предприятиях. Изложена идея применения показателя валовой добавленной стоимости на микроэкономическом уровне для определения стратегических целей развития промышленных предприятий.

Ключевые слова: стратегия, развитие, экономический рост, добавленная стоимость, ценностно-ориентированное управление.

VALUE ADDED AS AN INDICATOR OF INDUSTRIAL ENTERPRISES' ECONOMIC GROWTH

S. V. Fedoseyev

Dr. Sc. (Economics), Associate Professor, Department of Organization and Management

P. S. Tsvetkov

PhD (Economics), Assistant, Department of Informatics and Computer Technology

National Mineral-Resources University (Mining University), St. Petersburg, Russia

Abstract. The article shows that the meaning of transition to an innovation-oriented economy is not only in creating new high-tech enterprises, but also in creating the conditions for intensive economic growth of existing enterprises. Weaknesses of the Value Based Management indicators, which make them difficult to use in long-term planning at the Russian enterprises, were identified. The idea of using gross value added at the microeconomic level to determine the strategic aims of industrial enterprise's development was presented.

Keywords: strategy, development, economic growth, value added, value-based management.

*Статья подготовлена на основе научных исследований «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ», выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-38-00009), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Долгосрочной целью развития базовых отраслей экономики России, в том числе горнодобывающей промышленности, является создание высокотехнологичной продукции, что нашло отражение в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [1], государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» [2] и других государственных программах последних лет. Центральной идеей этих программ является снижение зависимости российской экономики от экспорта минерального сырья, что возможно за счет создания условий для развития инновационно ориентированной экономики.

Степень достижения этих условий, согласно государственным программам, определяется исходя из макроэкономических ориентиров, таких как увеличение доли высокотехнологичных производств в ВВП страны. В то же время в достаточной степени не проработаны вопросы функционирования предприятий на микроуровне. В частности, нет критериев долгосрочного развития предприятий, которые отражали бы качественный характер их экономического роста.

Изначально экономический рост рассматривался по отношению к макроэкономическим системам, однако вследствие развития теории управления предприятиями этот показатель нашел свое отражение и на микроуровне. Несмотря на то, что экономический рост разделяют на экстенсивный и интенсивный [3, 4], в большинстве случаев он понимается как увеличение выпуска продукции [5-8]. В ряде работ это дополняется необходимостью сохранения финансовой устойчивости. Таким образом, экономический рост сегодня воспринимается как количественная, чисто финансовая характеристика деятельности предприятий [9]. Подобный подход в условиях необходимости развития производств и установления межотраслевого взаимодействия является достаточно спорным.

На макроэкономическом уровне показателем экономического роста является ВВП, который определяется как сумма доходов, полученных резидентами страны от производства, плюс амортизационные отчисления и косвенные налоги на бизнес. То есть, ВВП – это суммарная стоимость всей продукции, произведенной на территории страны. Учитывая это, логично было бы предположить, что мерой экономического роста предприятия должен быть показатель, отражающий вклад предприятия в формирование конечной стоимости готовой продукции. Среди широкого перечня существующих показателей, наиболее близким по экономическому содержанию к этому подходу является показатель «добавленная стоимость», несмотря на значительное количество разнообразных подходов к ее определению и методу расчета.

Процесс формирования добавленной стоимости не нашел отражения и в нормативно-правовых документах, в которых можно найти обоснование формирования элементов добавленной стоимости, но не показателя в целом.

В зарубежной практике наиболее ёмкий подход к определению добавленной стоимости сформирован в рамках концепции ценностно-ориентированного управления – Value Based Management (VBM). Самыми популярными из показателей VBM являются:

- SVA (Shareholder Value Added) – акционерная добавленная стоимость;
- CVA (Cash Value Added) – денежная добавленная стоимость;
- MVA (Market Value Added) – рыночная добавленная стоимость;
- EVA (Economic Value Added) – экономическая добавленная стоимость.

Анализу этих показателей к настоящему моменту посвящено значительное количество научных работ [10-13]. Наиболее существенные, по мнению авторов, аспекты, характеризующие указанные показатели, вынесены в таблице.

Сравнительная характеристика показателей VBM

Критерий	EVA	CVA	SVA	MVA
1	2	3	4	5
Период оценки	Краткосрочная перспектива	Кратко- и долгосрочная перспектива	Расчет на основе прогнозирования денежного потока	Краткосрочная перспектива
Формула	$EVA = IC(ROI - WACC)$, где IC – инвестированный капитал; ROI – рентабельность	$CVA = (CFROI - Capital Costs)Gross Investment$, где CFROI – рентабельность капитала по свободному	$SVA = ICH(ROI - WACC)$, где ICH – инвестированный капитал в рыночной оценке; ROI –	$MVA = MVE - TAC$, где MVE – рыночная стоимость собственного капитала;

	инвестированного капитала; WACC – средневзвешенная стоимость капитала	денежному потоку; Capital Costs – затраты на капитал; Gross Investment – общие валовые инвестиции	рентабельность инвестированного капитала; WACC – средневзвешенная стоимость капитала	TAC – общие скорректированные инвестиции
--	--	---	---	--

1	2	3	4	5
Достоинства	Позволяет определить вид финансирования и размер капитала для достижения необходимого объема прибыли; позволяет оценить затраты на капитал	Результаты не зависят от учетной политики предприятия; затраты на обучение персонала при внедрении подхода минимальны	Позволяет оценить эффективность инвестиций, учитывая неравномерное распределение суммы добавленной стоимости по годам	Отражает рыночную оценку предприятия и инвестиционную активность
Недостатки	Необходима корректировка бухгалтерского баланса (160 корректировок)	Необходима корректировка стоимости основных средств и других внеоборотных активов		Применяется только для публичных компаний
Сложность	Средняя	Средняя	Высокая	Средняя

Несмотря на очевидную информативность предоставленных показателей, они обладают рядом недостатков, которые делают их трудноприменимыми на современном этапе развития экономической системы России:

1. Показатели ценностно-ориентированного управления разработаны в рамках развитой рыночной экономики и предназначены для использования в ней же. Рыночная экономика России находится на начальном этапе своего формирования, что определяет необходимость установления иных стратегических целей, таких как обновление материально-технической базы, создание достойных условий труда, повышение финансовой и экономической устойчивости и т. п.

2. Их применение требует внесения существенных корректировок в существующие формы бухгалтерской отчетности [14, 15], т. е.:

- величина капитала должна быть скорректирована на величину капитализированных нематериальных активов за вычетом накопленной амортизации;
- на величину амортизации анализируемого периода должна быть откорректирована величина NOPAT;
- общая сумма отложенных налогов прибавляется к величине капитала;
- при расчете EVA необходимо измерить доход (в денежных эквивалентах), генерируемый средствами, вложенными в предприятие и т. д.

3. Для устранения отдельных недостатков указанных показателей, некоторые авторы предлагают их комбинированное использование. Против такого подхода можно привести несколько аргументов, во-первых, эффективное управление предприятием может быть обеспечено только при ориентации на единую стратегическую цель, что предполагает наличие одного критерия [11], во-вторых, не редки ситуации, когда добавленная стоимость по одному показателю может быть положительной, а по другому – отрицательной.

4. Показатели VBM имеют ярко выраженный финансовый характер, что снижает их эффективность при долгосрочном планировании деятельности предприятий в условиях слабо развитой промышленности. К примеру, снижение заработной платы сотрудников предприятия способствует сокращению затрат и, следовательно, росту EVA, но в долгосрочной перспективе такая политика приведет к снижению производительности труда и оттоку квалифицированных работников, что, в свою очередь, будет способствовать снижению будущего значения показателя EVA.

В российской практике показатели добавленной стоимости широко использовались на макроэкономическом уровне во времена СССР. Существовало два основных показателя – валовая добавленная стоимость ДС и чистая добавленная стоимость ЧДС:

$$\tilde{A}N = \hat{A} - \hat{I}C = \hat{A} + \times \hat{I} + \times \hat{I} + \hat{O}\hat{I}\hat{O} ; \quad (1)$$

$$\times \tilde{A}N = \tilde{A}N - \hat{A}, \quad (2)$$

где V – выручка, руб.; $MЗ$ – материальные затраты, руб.; A – амортизация, руб.; $ЧН$ – чистые налоги, руб.; $ЧП$ – чистая прибыль, руб.; $ФОТ$ – фонд оплаты труда, руб.

Экономическим содержанием ДС является приращение стоимости материальных ресурсов (сырье, материалы, топливо и т. п.), приобретенных и затраченных в рамках производственного процесса на величину стоимости средств труда и труда работников организации [16]. Иными словами, ДС представляет собой часть стоимости готовой продукции, которую создает предприятие в ходе производственного процесса.

Разница между ДС и ЧДС заключается в учете амортизационных отчислений, которые, с одной стороны, являются источником средств для модернизации предприятий, а с другой – выступают в качестве показателя износа основных производственных фондов предприятия [17]. Учитывая высокий уровень износа оборудования, используемого на российских предприятиях, авторами отдается предпочтение показателю ДС. Значение показателя ДС определяется, во-первых, его зависимостью от эффективности функционирования предприятия, во-вторых, тем, что добавленная стоимость выступает базовым источником формирования доходных статей государственного бюджета, в результате чего в ее росте потенциально заинтересованы одновременно государство и экономические субъекты [18].

Добавленная стоимость, в отличие от рассмотренных показателей VBM , имеет ряд преимуществ:

- является экономическим показателем, т. е. показывает не искажение бухгалтерского баланса в виде остаточной прибыли или процент окупаемости инвестиций, а реальный вклад предприятия в развитие продукции, основных фондов, условий труда и т. п.;
- ее структура прозрачна (чистая прибыль, налоги, фонд оплаты труда, амортизация) и с меньшими трудозатратами может быть оценена на основе существующих форм отчетности (не требует внесения корректировок в бухгалтерский баланс);
- может использоваться как сквозной показатель для микро- и макроуровня экономики, что позволит связывать стратегические цели регионов и операционные возможности предприятий.

Вместе с тем, ДС не лишена и ряда недостатков: во-первых, структура показателя является уникальной для каждого предприятия, например в горнодобывающей отрасли, то есть сравнение структуры ДС предприятий-конкурентов может быть малоинформативным; во-вторых, показатель не учитывает временного фактора, что является неотъемлемой частью долгосрочного планирования.

Чтобы устранить эти недостатки, авторами при долгосрочном планировании деятельности предприятий предлагается использовать критерий, в основе которого лежит дисконтированный показатель прироста добавленной стоимости в абсолютном выражении (сравнение с предприятиями-конкурентами возможно с использованием относительных величин) – формула 3. Отметим, что период T (лаг исследования) определяется исходя из целей конкретного анализа:

$$\sum_{t=1}^T \frac{\Delta \ddot{A} \ddot{N}}{(1+e)^t} \rightarrow \max. \quad (3)$$

Иными словами, приращение добавленной стоимости за период времени T говорит о наличии экономического роста предприятия, характер которого (экстенсивный либо интенсивный) может быть определен, во-первых, исходя из изменения доли чистой прибыли в ДС, во-вторых, на основе расчета показателей эффективности использования производственных ресурсов (оборотные средства, основные производственные фонды, человеческие ресурсы) через ДС.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что бухгалтерский баланс, в современных условиях, не позволяет получить необходимый для обоснования управленческих решений объем достоверной информации. В связи с этим приобретают актуальность разработки альтернативных подходов и методов анализа и управления предприятиями.

Предложенный критерий при мониторинге структуры позволит, во-первых, оперативно выявлять узкие места в организации производств, во-вторых, связывать через показатель ДС стратегические цели регионов, предприятий и отдельных заинтересованных сторон. Кроме этого, проработка вопросов, связанных с ДС, на государственном уровне может позволить снизить цену продукции российских предприятий за счет изменения базы исчисления НДС, который сегодня рассчитывается исходя из выручки.

Литература

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / М-во экон. развития РФ: офиц. сайт. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04
2. Экономическое развитие и инновационная экономика: гос. программа РФ / М-во экон. развития РФ: офиц. сайт URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depStrategy/doc20130408_01.
3. Domar E. D. Capital Expansion, Rate of Growth and Employment // *Econometrica*. 1946. April, No. 14. P. 137-147.
4. Harrod. *Economic Essays*. London: Macmillan & Co., 1952. P. 254-277.
5. Экономический словарь. URL: http://www.informbureau.com/html/yeiiiixaneee_dino.html.
6. Бадаш Х. З. Экономико-математическая модель экономического роста предприятия // Вестник УдмГУ. 2009. № 2-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-matematicheskaya-model-ekonomicheskogo-rosta-predpriyatiya>.
7. Бриггем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент. М.: Экон. шк., 2005. 497 с.
8. Хорн Дж. ван. Основы управления финансами: пер. с англ. / гл. ред. серии Я. В. Соколов. М.: Финансы и статистика, 1996. 800 с.
9. Тонких А. С., Остальцев А. С., Остальцев И. С. Моделирование экономического роста предприятия: предпосылки разработки альтернативных моделей // Управление экономическими системами. 2012. № 9(45). URL: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent &view=items&id=1566.
10. Назарова В. В., Бирюкова Д. С. Стоимостные методы оценки эффективности менеджмента компании // Науч. журн. НИУ Информ. технологий, механики и оптики. 2014. № 4. С. 393-414. (Экономика и экон. менеджмент). URL: <http://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/10541.pdf>.
11. Нелюбова М. Ю., Фарафонов В. С. Анализ показателей оценки стоимости компании // Вестник ВолГУ. 2005. № 4-2. (Серия 9: Исследования молодых ученых). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pokazateley-otsenki-stoimosti-kompanii>.
12. Косовцева Т. Р., Пономаренко Т. В. Управление ценностью горной компании при реализации стратегических инвестиционных проектов // Записки Горн. ин-та. 2014. Т. 208. С. 124-131.
13. Матвеева А. В., Макурин В. В. Стоимостной взгляд на предприятие как необходимая практическая модель эффективного управления // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stoimostnoy-vzglyad-na-predpriyatie-kak-neobhodimaya-prakticheskaya-model-effektivnogo-upravleniya>
14. Косачев А. В., Лялин В. Е., Семёнов В. В. Модель оптимального управления долгосрочным развитием интеллектуального предприятия: сб. науч. тр.: приложение к журн. «Аудит и финансовый анализ». 2006. № 4. С. 195-140.
15. Янгель Д. Модель EVA: ориентация на стоимость // Консультант. 2005. № 3.
16. Сорокина М. С. Сущность и поэлементная структура добавленной стоимости // Науч. журн. КубГАУ. 2014. № 100. С. 41-48.
17. Татынов С. И. Амортизационные отчисления как источник реального финансирования модернизации промышленности // Экономика региона. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/amortizatsionnye-otchisleniya-kak-istochnik-realnogo-finansirovaniya-modernizatsii-promyshlennosti>.
18. Сорокина, М. С. Реализация поэлементной оценки добавленной стоимости в условиях внедрения международных стандартов учета и отчетности // Науч. обозрение. М.: Наука образования, 2014. № 6. С. 65-81.

References

1. Strategiya innovacionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (In Russ.).
2. Ekonomicheskoe razvitie i innovacionnaya ehkonomika. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii. Available at: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depStrategy/doc20130408_01 (In Russ.).
3. Domar E. D. Capital Expansion, Rate of Growth and Employment. *Econometrica*, 1946, April (14), pp. 137-147.
4. Harrod. *Economic Essays*. London, Macmillan & Co., 1952, p. 254-277.
5. *Ekonomicheskij slovar'*. Available at: http://www.informbureau.com/html/yeiiiixaneee_dino.html (In Russ.).

6. Badash H. Z. Ekonomiko-matematicheskaya model' ekonomicheskogo rosta predpriyatiya [Economic-mathematical model of economic growth of a company]. *Vestnik UdmGU*, 2009, no. 2-1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-matematicheskaya-model-ekonomicheskogo-rosta-predpriyatiya> (In Russ.).
7. Brigham Y. U., Gapenski L. *Finansovyy menedzhment* [Financial Management]. Moscow, Ekonomicheskaya shkola, 2005, 497 p. (In Russ.).
8. Horn Dzh. Van. *Osnovy upravleniya finansami* [Principles of financial management], Moscow, Finansy i statistika, 1996, 800 p. (In Russ.).
9. Tonkih A. S., Ostal'cev A. S., Ostal'cev I. S. Modelirovanie ehkonomicheskogo rosta predpriyatiya: predposylki razrabotki al'ternativnyh modelej [Modeling of economic growth of an enterprise: preconditions for elaboration of alternative models]. *Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami*, 2012, no. 9(45). Available at: [http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent &view =items&id=1566](http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=1566) (In Russ.).
10. Nazarova V. V., Biryukova D. S. Stoimostnye metody ocenki ehffektivnosti menedzhmenta kompanii [Cost methods of evaluation of efficiency of a company's management]. *Nauch. zhurn. nac. issled. un-ta inform. Tekhnologij, mekhaniki i optiki. Seriya: Ekonomika i ehkol. Menedzhment*, 2014, no. 4, pp. 393-414. Available at: <http://economics.ihbt.ifmo.ru/file/article/10541.pdf> (In Russ.).
11. Nelyubova M. Yu., Farafonov V. S. Analiz pokazatelej ocenki stoimosti kompanii [Analysis of indicators of evaluation of a company's value]. *Vestnik VolGU. Seriya 9: Issledovaniya molodyh uchennyh*, 2005, no. 4-2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pokazateley-otsenki-stoimosti-kompanii> (In Russ.).
12. Kosovceva T. R., Ponomarenko T. V. Upravlenie cennost'yu gornoj kompanii pri realizacii strategicheskikh investicionnyh proektov [Management of the value of a mining company when implementing strategic investment projects]. *Zapiski Gornogo instituta*, 2014, no. 208, pp. 124-131. (In Russ.).
13. Matveeva A. V., Makurin V. V. Stoimostnoj vzglyad na predpriyatie kak neobhodimaya prakticheskaya model' ehffektivnogo upravleniya [Cost glance at an enterprise as a necessary practical model of efficient management]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2014, no. 5-3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/stoimostnoj-vzglyad-na-predpriyatie-kak-neobhodimaya-prakticheskaya-model-effektivnogo-upravleniya> (In Russ.).
14. Kosachev A. V., Lyalin V. E., Semyonov V. V. Model' optimal'nogo upravleniya dolgosrochnym razvitiem intellektual'nogo predpriyatiya. Prilozhenie k zhurnal "Audit i finansovyy analiz", 2006, no. 4, pp. 195-140. (In Russ.).
15. Yangel' D. Model' EVA: orientaciya na stoimost' [EVA model: focus on cost]. *Konsul'tant*, 2005, no. 3. (In Russ.).
16. Sorokina M. S. Sushchnost' i poehlementnaya struktura dobavlennoj stoimosti [The essence and element-based structure of value added]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of KubSAU], 2014, no. 100, pp. 41-48. (In Russ.).
17. Tatynov S. I. Amortizacionnye otchisleniya kak istochnik real'nogo finansirovaniya modernizacii promyshlennosti [Depreciation allocations as a source of real financing of modernization of a region]. *Ekonomika regiona*, 2011, no. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/amortizatsionnye-otchisleniya-kak-istochnik-realnogo-finansirovaniya-modernizatsii-promyshlennosti> (In Russ.).
18. Sorokina M. S. Realizaciya poehlementnoj ocenki dobavlennoj stoimosti v usloviyah vnedreniya mezhdunarodnyh standartov ucheta i otchetnosti [Implementation of the element-based evaluation of value added under the conditions of introduction of the international standards of accounting and reporting]. *Nauchnoe obozrenie*, Moscow, Nauka obrazovaniya, 2014, no. 6, pp. 65-81. (In Russ.).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ОРГАНА УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ И ОХРАНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В СУБЪЕКТЕ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Г. Н. Харитонова

канд. экон. наук, зав. сектором

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Аннотация. В статье анализируется эффективность государственного органа управления природопользованием и охраной окружающей среды субъекта Федерации в аспекте удовлетворения экологических потребностей населения и рационального использования природных ресурсов, собственником которых является регион. Выявлены факторы, ограничивающие реализацию целей регионального органа власти в стратегической перспективе. Особое внимание уделено процессу децентрализации государственного управления. Обосновываются предложения по совершенствованию организационной структуры Министерства природных ресурсов и экологии Мурманской обл. в направлении повышения экологической эффективности управления и экономии бюджетных средств в период экономического кризиса.

Для анализа организационной структуры Министерства использованы материалы проведенного ИЭП КНЦ РАН в 2014 г. экспертного опроса его топ-менеджеров и менеджеров среднего звена.

Ключевые слова: *эффективность государственного управления, бюрократия, организационная структура, децентрализация, Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской обл.*

OPTIMIZATION OF ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE REGIONAL NATURE MANAGEMENT AND ENVIRONMENTAL PROTECTION AGENCY (CASE STUDY OF THE MURMANSK REGION)

G. N. Kharitonova

PhD (Economics), Head of Sector,

G.P. Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of the RAS, Apatity, Russia

Abstract. The article analyses efficiency of the regional governmental agency for nature and environmental protection management, regarding meeting environmental requirements of the population and rational use of natural resources owned by the region. The factors hindering implementation of objectives of the regional governmental body in the strategic perspective are revealed. A special attention is paid to the process of the governmental management administration. The proposals for optimization of organizational structure of the Ministry of natural resources and ecology of the Murmansk region towards enhancing environmental efficiency of management and budget savings during the economic crisis are substantiated. For analyzing the organizational structure of the Ministry materials of the expert survey of its top and midline managers carried out by IES KSC RAS in 2014 are used.

Keywords: *efficiency of state management, bureaucracy, organizational structure, decentralization, the Ministry of natural resources and ecology of the Murmansk region.*

Совершенствование организационной структуры органа власти является одним из способов повышения эффективности государственного управления.

Решение проблемы повышения эффективности или производительности органов государственного управления затруднено тем, что результаты их деятельности не поддаются количественной оценке, к ним трудно применить методические подходы, которые используются для определения эффективности деятельности коммерческих организаций, например, метод «затраты – выпуск» или «дополнительные затраты – дополнительный доход» (маржинальный подход) и др. [1-3]. Не только многочисленные отечественные и зарубежные исследователи, но и высшие органы власти постоянно ищут, предлагают и внедряют в практику способы оценки эффективности исполнительных органов власти [4, 5].

Но сегодня специалисты по государственному управлению едины только в одном: максимальная эффективность присуща органу государственного управления, который в наибольшей степени удовлетворяет потребности населения и государства как собственников имущества и различных ресурсов [1-3].

Для органа управления природопользованием и охраной окружающей среды субъекта Федерации в качестве первостепенной потребности населения выступает обеспечение экологической безопасности его жизнедеятельности на определенной территории, которое включает также сохранение и приумножение некоторых видов природных ресурсов, например, рекреационных, земельных, растительного и животного мира, а также эстетичный вид ландшафта. Равным образом целью органа государственной власти является удовлетворение потребности региона как собственника природных ресурсов в их рациональном использовании, охране и приумножении.

После разграничения собственности на природные ресурсы между уровнями управления – федеральным, субъекта Федерации и муниципальным, которое произошло в соответствии с Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, число объектов регионального управления резко сократилось [6]. Сегодня в Мурманской обл. более 76 % земель не подлежат разграничению государственной собственности; все водные объекты (кроме искусственных) и полезные ископаемые (кроме общераспространенных), почти все лесные ресурсы и все объекты животного мира находятся в федеральной собственности. Но все они по-прежнему остаются в совместном ведении федерального центра и субъекта Федерации.

Кроме того, в 2009 г. был принят новый перечень объектов государственного федерального контроля (надзора) и тем самым был окончательно реализован принцип, заложенный в Федеральном законе «Об охране окружающей среды»: один объект хозяйственной деятельности должен контролироваться одним уровнем государственного экологического контроля. В результате органы управления охраной окружающей среды субъекта Федерации лишились возможности контролировать природоохранную деятельность крупнейших предприятий, расположенных на его территории, так как было отменено двойное подчинение территориально уполномоченных органов Министерства природных ресурсов и экологии РФ и федеральному министру, и региональному правительству.

Особенность структуры экономики Мурманской обл. заключается в том, что львиную долю в загрязнение окружающей среды вносят крупнейшие предприятия российских добывающих компаний, которые ведут производственную деятельность на ее территории. В других субъектах Федерации, где в структуре народного хозяйства нет таких гигантских по масштабам негативного воздействия предприятий, влияние региональных органов экологического управления на показатели экологической обстановки более существенно, нельзя сказать, что сегодня министерство полностью отстранено от управляющего воздействия на природоохранную деятельность предприятий, на которых осуществляется федеральный экологический контроль. В связи с тем, что Федеральное агентство водных ресурсов не имеет территориальных подразделений в субъектах Федерации, вернее, управление ими построено по бассейновому принципу, региональный орган власти уполномочен осуществлять меры по охране расположенных на территории Мурманской обл. водных объектов или их частей, находящихся в федеральной собственности. Также он согласовывает планы снижения сбросов загрязняющих веществ и микроорганизмов в поверхностные и подземные водные объекты и на водосборные площади, участвует в организации и осуществлении государственного мониторинга поверхностных водных объектов и др. [7]. Однако в целом цели регионального экологического управления в настоящее время ограничены управляющим воздействием только на объекты регионального экологического контроля.

На первый взгляд произведенные изменения должны были привести к сосредоточению управления на региональных проблемах, но анализ показывает, что на практике имеют место факторы, ограничивающие реализацию целей регионального управления.

Следует напомнить, что орган государственного управления является бюрократической организацией, то есть любая его деятельность регламентируется нормативно-правовыми актами, все функции управленцев в строгом соответствии с их полномочиями перечислены в Положении об организации. Набор функций постоянно изменяется в связи с динамикой объектов управления или в результате расширения или сужения полномочий.

В бюрократической организации неисполнение установленных функций, превышение или неиспользование полномочий расценивается как неэффективная работа органа в целом или его отдельного работника. Каким образом содержание выполняемой функции способствует повышению эффективности достижения целей организации, ради которых она была создана, обычно не анализируется или упускается из виду, так как критерием работы безоговорочно считается своевременное, точное и грамотное исполнение какого-либо управляющего документа.

Организационная структура обычно проектируется тождественно функциям и полномочиям, которыми наделена организация.

На разных уровнях управления (федеральном, субъекта Федерации и муниципальном) процесс повышения эффективности органа государственного управления имеет разные приоритеты. В России инициатором и регулятором этого процесса является федеральное правительство, которое с 2006 г. осуществляет административную реформу. Все субъекты Федерации были вовлечены в этот процесс, но так как инициатива исходила не от них, то многие органы управления отнеслись к реформе формально. Проведенный ИЭП КНЦ РАН в декабре 2014 г. опрос государственных служащих пяти органов исполнительной власти Мурманской обл. показал, что, несмотря на прогресс в использовании информационных технологий, бумажный документооборот в них заметно не уменьшился. Опять же лишь некоторые служащие смогли вспомнить, что они проходили обучение по курсу «Управление, нацеленное на результат», но почти никто из принимавших участие в опросе не признался, что использует полученные знания в работе.

Во время экономических реформ, особенно в периоды экономических кризисов, обычно прибегают к сокращению бюджетов органов исполнительной власти. Логика этих решений очень проста. Большая доля расходов бюджета органа власти приходится на заработную плату и премии чиновникам, причем их средняя заработная плата является сравнительно высокой, в то время как оценка эффективности деятельности органа власти остается трудноразрешимой проблемой.

Сокращение бюджета органа власти или его экономия чаще всего означает для его руководства необходимость изменения организационной структуры и ее оптимизацию. Изменить организационную структуру можно разными методами. Самый худший – это имитация ее оптимизации, то есть когда целью изменений является только сокращение работников. Причем опытный руководитель на этот случай всегда имеет резерв сотрудников, которых без особого ущерба для выполнения ее функций можно уволить в связи с реструктуризацией. Другими словами, в результате такого изменения организационной структуры она не становится лучше.

Промежуточным по эффективности вариантом перестройки организационной структуры, который не связан с антикризисной политикой, является смена руководителя органа управления. Новый руководитель, избранный на место предыдущего по деловым качествам и компетенции в государственном администрировании, обычно стремится изменить организационную структуру, даже если прежний руководитель ничего не хотел менять по причине отсутствия нареканий со стороны внешних контролирующих органов власти.

По нашему мнению, наилучшим вариантом изменения организационной структуры органа управления будет тот, который позволит улучшить имеющиеся верифицированные показатели деятельности организации и обеспечить снижение негативного воздействия факторов, ограничивающих реализацию целей организации в стратегической перспективе.

Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской обл. (Министерство) было образовано в 2013 г. и теперь входит в линейно-штабную структуру правительства области. Министр, как член правительства, кроме того, что он несет ответственность за работу подведомственной ему организации, наделен функцией советника высших должностных лиц области при принятии ими решений в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

Правительство области в соответствии с Уставом и законами субъекта Федерации распределяет функции между органами исполнительной власти, определяет порядок их деятельности, устанавливает предельную штатную численность работников, а также утверждает кандидатуру министра и принимает решение об организационной форме органа управления [8].

В настоящее время в регионе эта деятельность осуществляется особенно активно, даже создана рабочая группа по вопросу структуры исполнительных органов государственной власти Мурманской обл. и оптимизации их предельной штатной численности. В эту работу вовлечены все исполнительные органы власти [9]. В итоге количество исполнительных органов власти уменьшилось с 29 до 27, создано одно новое министерство, изменена организационная форма двух органов власти и др. Весь трехлетний срок своего существования Министерство находится в этом процессе. В первый год после преобразования в новую организационную форму материальная база, штатное расписание и организационная структура были приведены в соответствие с требованиями к ней. В частности, Министерство, наконец, получило новое здание, до этого несколько лет его отделы располагались в двух зданиях, достаточно удаленных друг от друга. В 2014 г. форс-мажорное событие стало причиной смены министра, новый глава был назначен только через год, он изменил организационную структуру министерства, пока, правда, не назначен первый заместитель министра [10].

Сопоставление новой и предыдущей структуры Министерства позволяет сделать вывод о том, что произведенные изменения носят косметический характер, то есть, скорее всего, обусловлены кампанией по экономии бюджетных средств и не являются научно разработанной и квалифицированно управляемой программой повышения эффективности (производительности) организации для лучшей реализации потребностей региона в сфере природопользования.

С одной стороны, нельзя требовать наличия такой программы у органа управления, который существует только три года, но, с другой стороны, в разработке такой программы заключается суть административной реформы и стартовавшей реформы государственного экологического управления. С точки зрения оптимальности организационной структуры в ней для осуществления стратегического планирования должно быть организационное подразделение, выполняющее функции штаба, по аналогии с департаментами, которых, например, в федеральном министерстве насчитывается шесть по видам деятельности, без учета правового департамента и департамента управления делами и кадрами.

Теоретически доказано, что организации не всегда рационально иметь в своей структуре штаб, особенно, если она небольшая, к тому же часто на практике советники и аналитики вдруг берут на себя функции руководителя организации или управляющих функциональными подразделениями. По сравнению с другими областными министерствами Министерство природных ресурсов является одним из самых крупных. В настоящее время численность его сотрудников составляет 72 чел. (без подведомственных организаций) и превышает численность сотрудников, например, в Министерстве экономического развития или Министерстве образования и науки.

По нашему мнению, причиной слабого развития стратегического планирования в Министерстве является отсутствие отражения результатов его деятельности в целевых показателях социально-экономического развития субъекта Федерации. Иначе говоря, показатели состояния окружающей среды региона, которые применяются в качестве целевых управленческих показателей в документах стратегического планирования субъекта Федерации, фактически не зависят или зависят в ничтожной мере от деятельности регионального органа управления, к примеру, такие показатели, как «Объем выбросов вредных веществ в атмосферный воздух на единицу ВРП» (т/млн руб.), «Объем направленных на захоронение отходов на единицу ВРП», «Доля водохозяйственных участков, класс качества которых (по индексу загрязнения) повысился» и некоторые другие [11].

В связи с этим и оценка эффективности деятельности высшего должностного лица субъекта Федерации (губернатора), и его рейтинг сегодня не зависят от эффективности деятельности регионального Министерства, а потому оно может рассматриваться как один из первых претендентов для снижения бюджетных средств в соответствии с политикой сокращения бюджетных расходов и аппарата. С другой стороны, правительство области не может обвинить ведомство в неэффективности деятельности, но и не предъявляет требований к реализации его программ, направленных на повышение эффективности работы. В свою очередь, руководство Министерства также не мотивировано изменять организационную структуру для решения региональных экологических проблем и проблем использования природных ресурсов, находящихся в собственности субъекта Федерации.

Одной из причин отсутствия мотивации является тенденция к усилению внешнего влияния на региональное министерство со стороны федерального органа управления природопользованием и охраной окружающей среды, правовой базой для которого является институт «совместного ведения» в сфере природопользования [12]. Начиная с 2006 г. федеральный орган постоянно передает полномочия на уровень субъекта Федерации и усиливает контроль за их исполнением. Например, в 2013 г. органам власти субъектов РФ были переданы отдельные полномочия РФ, направленные на охрану качества источников питьевой воды.

Анализ делегированных полномочий Министерству показал, что среди них уже сегодня преобладают контрольные и надзорные функции по делегированным полномочиям, то есть в области для лесо- и водопользования, а также охраны охотничьих ресурсов. Министерство природных ресурсов и экологии РФ ежегодно утверждает целевые показатели по осуществлению делегированных полномочий РФ. Например, в области водных отношений установлено 8 целевых показателей, обеспечение достижения которых является трудоемкой работой. Например, на 2015 г. для Мурманской обл. показатель «Доля водопользователей, осуществляющих использование водных объектов на основании предоставленных в установленном порядке прав пользования, к общему количеству пользователей» составляет 100 %, то есть должны быть охвачены несколько тысяч водопользователей [13]. Кроме того, что многие из показателей являются верифицированными, по некоторым необходимо еще обеспечить и доход, например, в форме платежей за использование лесных ресурсов, различных штрафов и др.

Как показал опрос работников Министерства, проведенный ИЭП КНЦ РАН в декабре 2014 г., все его отделы, которые отвечают за выполнение делегированных полномочий, перегружены работой, особенно по составлению отчетности о расходовании средств федерального бюджета.

Линейно-функциональная организационная структура Министерства, которая является обычной для государственной организации, отражает эту реальность. Одним из трех заместителей министра является начальник Управления лесного и охотничьего хозяйства, куда входит два отдела и один сектор, численность сотрудников которых составляет 17 человек. Второй заместитель министра возглавляет Управление контрольно-надзорной деятельности, в состав которого входят три отдела, из них два – это опять же отдел государственного охотничьего надзора и отдел лесного контроля и надзора и пожарного надзора. Из 20 сотрудников управления в двух последних отделах работают 14. Для сравнения: первому заместителю министра подчиняется Управление экологии и природопользования, общее название которого отражает цель деятельности этого структурного подразделения – выполнять функции по выработке региональной государственной политики, рациональному использованию природных ресурсов, находящихся в собственности субъекта Федерации, и по обеспечению экологической безопасности населения региона. В его состав входит три отдела с общей численностью сотрудников 18 человек. Также первый заместитель министра является функциональным руководителем отдела организации бюджетного процесса, экономического анализа, программ и государственных закупок, в составе которого числится 6 человек.

Следствием постоянного увеличения делегированных полномочий и все более детальной регламентации требований к качеству их исполнения является перегруженность министра отношениями с внешними органами власти, в частности, с функционерами федеральных природоохранных органов. Количество государственных служащих Управления экологии и природопользования, то есть структурного подразделения, на которое возложены функции управления природными ресурсами субъекта Федерации и обеспечения экологических потребностей населения региона, явно недостаточно. Например, в отделе обеспечения экологической безопасности и особо охраняемых природных территорий числится всего 5 сотрудников вместе с начальником. На них возложен анализ природоохранной деятельности и экологических программ (мероприятий) всех предприятий и организаций области, подлежащих региональному экологическому контролю. Среди этих предприятий есть такие, которые используют устаревшие технологии и оказывают негативное воздействие на окружающую среду, последнее, конечно, не такое масштабное, по сравнению с экологически опасными предприятиями Кольской ГМК. Однако сегодня в отчетах Министерства, в ежегодном «Докладе о состоянии и об охране окружающей среды в Мурманской области», в статистических сборниках и бюллетенях отсутствуют данные об их природоохранной деятельности, и лишь иногда в эти отчеты и доклады проникает информация о проверках этой деятельности и выявленных нарушениях, но она поступает от работников другого управления Министерства. Между тем, эти предприятия и организации в большинстве своем находятся на селитебных территориях, в отличие от удаленных от них рудников и обогатительных фабрик, то есть соблюдение ими природоохранного законодательства с точки зрения населения более важно, чем рекультивация внешних отвалов какого-нибудь высокогорного карьера.

По нашему мнению, для полноценного выполнения функций по управлению природоохранной деятельностью региональных предприятий и организаций в Управлении просто не хватает сотрудников. Это косвенно доказывает и высокая текучесть кадров в Министерстве даже в период роста безработицы, одной из существенных причин которой является тот факт, что функции и контроль за их деятельностью постоянно увеличиваются, а зарплата остается прежней. В ходе опроса сотрудников Министерства топ-менеджеров и управленцев срединной линии выяснилось, что подавляющее большинство из них работает меньше 5 лет.

Таким образом, сегодня линейно-функциональная структура Министерства прямо отражает те функции, которые или наиболее многочисленны, или наиболее важны.

Анализ позволяет сделать вывод о том, что одним из ограничивающих факторов эффективности деятельности органа управления природопользованием и охраной окружающей среды в Мурманской обл. является передача полномочий с федерального уровня управления. Изучение процесса и механизма делегирования полномочий на региональный уровень управления показало, что их основным следствием является не расширение полномочий региона для улучшения природоохранной деятельности и рационального использования природных ресурсов, а усиление контрольно-надзорных функций органа управления и рост его отчетности о расходовании средств федерального бюджета. Кроме того, средства, направляемые на делегированные полномочия,

недостаточны для осуществления эффективных природоохранных мероприятий или выделяются несвоевременно или не в полном объеме.

На наш взгляд, передача новых полномочий с федерального на региональный уровень, не усиливает децентрализацию управления в нашем государстве, так как не обеспечивает увеличения отчислений в налоговые доходы бюджетов субъектов РФ по предметам совместного ведения, что является вожделенной целью северных субъектов Федерации.

8 июля 2015 г. Государственная дума РФ приняла Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации"» [14]. Суть изменений заключается в расширении объема полномочий субъектов Федерации за счет передачи им полномочий федеральных органов управления по предметам ведения РФ и по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ. Изменения в законе ужесточают ответственность региональных органов власти, включая высшее должностное лицо субъекта Федерации, за выполнение делегированных полномочий. Также законом установлена возможность реорганизации территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (в формах преобразования, выделения, присоединения, выделения с присоединением) после передачи ими своих полномочий на региональный уровень власти [14].

Федеральный регулятор принял решение о сокращении территориальных органов, потому что недостатки линейно-территориальной структуры стали превышать их достоинства: содержание территориальных органов федеральных министерств обходится слишком дорого. В контексте предмета нашей статьи исполнение этого закона будет служить фактором, ограничивающим реализацию региональных целей Министерства в стратегической перспективе. Велика вероятность того, что организационная структура Министерства будет дополнена новыми структурными подразделениями для выполнения новых делегированных полномочий.

Еще одним фактором, ограничивающим реализацию региональных целей Министерства в стратегической перспективе, будет наделение его новыми функциями в связи с включением Мурманской обл. в состав макрорегиона, называемого Арктической зоной РФ. Скорее всего, федеральный регулятор возложит на него обязательства по различной отчетности, когда Государственная программа по социально-экономическому развитию АЗ РФ, в которую войдут в основном мероприятия федеральных программ, начнет выполняться. Также понадобится организовать экологические исследования в регионе, так как характеристика «хрупкая экологическая система Арктики» не может служить для принятия обоснованных управленческих решений.

Наше предложение заключается в том, чтобы Правительство Мурманской обл. и Министерство использовали эти аргументы для того, чтобы не уменьшать бюджет и штат сотрудников ведомства. Также для того чтобы предотвратить возможные отрицательные последствия от реорганизации территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, например, снижение управляемости в период ее осуществления, целесообразно наделить региональные органы власти полномочиями по принятию решений по реструктуризации и распоряжению имуществом реорганизуемой организации.

В конце статьи нельзя не обратить внимания на фактор, который будет способствовать увеличению роли Министерства в достижении его собственно региональных целей. Это – перестройка организационной структуры в связи с запланированным в среднесрочной перспективе переходом на новую систему экологического нормирования и стимулирования [15]. В ходе реформы государственного экологического управления объекты, оказывающие незначительное негативное воздействие на окружающую среду (объекты III категории), и объекты, оказывающие минимальное негативное воздействие на окружающую среду (объекты IV категории), будут исключены из управленческого воздействия органа исполнительной власти. С объектами II категории, которые будут оказывать более значительное негативное воздействие на окружающую среду, а в их число войдет несколько десятков средних промышленных предприятий области, подлежащих сегодня региональному экологическому надзору, предстоит большая работа для осуществления их перехода на новую систему экологического нормирования, причем на новой методической основе.

Для этого потребуется, если не расширить штат Управления экологии и природопользования, то обязательно обеспечить обучение его сотрудников, что также предполагает увеличение расходов организации.

Литература

1. Кунц Г., О'Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций: в 2 т. / пер. с англ., общ. ред. и предисл. Д. М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1981. Т. 1. 495 с.
2. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации = Structure in Fist: Designing Effective Organization. М.: Захаров, 2004.
3. Эффективность государственного управления: пер. с англ. / общ. ред. С. А. Батчикова, С. Ю. Глазьева; фонд «За экономическую грамотность» // Рос. экон. журн. М.: Консалтбанкир», 1998. 848 с.
4. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации: подписан 21 авг. 2012 г. № 1199 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 35. Ст. 4774.
5. О внесении изменений в перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199: указ Президента Российской Федерации: подписан 2 мая 2014 г. № 294 // Собрание законодательства РФ. 2014.
6. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"»: федер. закон от 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ // Рос. газ.: спецвыпуск. 2004. 31 авг. (№ 3565).
7. Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Мурманской области: постановление Правительства Мурманской обл. от 18 апр. 2013 г. № 196-ПП. URL: mpr.gov-murman.ru/
8. О Правительстве Мурманской области: закон Мурманской обл. от 20 дек. 2001 г. № 324-01-ЗМО. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. В Правительстве Мурманской области продолжаются сокращения чиновников // ИА REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1942708.html/>
10. Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области: офиц. сайт. URL: mpr.gov-murman.ru/
11. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года. URL: http://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/sub02/
12. Конституция Российской Федерации (с гимном России): принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом изменений от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. М., 2014. 32 с.
13. Об утверждении целевых прогнозных показателей и формы представления отчета о расходовании предоставленных субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление органами государственной власти субъектов Российской Федерации отдельных полномочий Российской Федерации в области водных отношений и о достижении целевых прогнозных показателей: приказ М-ва природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 1 авг. 2008 г. № 168: зарегистрирован в М-ве юстиции Российской Федерации 2 сент. 2008 г., регистрационный № 12210. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. О внесении изменений в Федеральный закон от 6 октября 1999 года N 184-ФЗ "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 233-ФЗ. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014.

References

1. Kunc G., O'Donnel S. *Upravlenie: sistemnyj i situacionnyj analiz upravlencheskih funkcij* [Management: System and Situation Analysis of Managerial Functions], Moscow, Progress, 1981, vol. 1, 1495 p. (In Russ.).
2. Mincberg G. *Struktura v kulake: sozdanie jeffektivnoj organizacii* [Structure in Fist: Designing Efficient Organization], Moscow, Zaharov, 2004. (In Russ.).
3. Batchikov S. A., Glaz'ev S. Ju. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravlenija* [Efficiency of State Management]. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal*, Moscow, Konsaltbankir, 1998, 848 p. (In Russ.).
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 avgusta 2012 g. № 1199 "Ob ocenke jeffektivnosti dejatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii" *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2012, no. 35, pp. 4774. (In Russ.).
5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 maja 2014 goda № 294 "O vnesenii izmenenij v perechen' pokazatelej dlja ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii, utverzhdenij Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 avgusta 2012 g. No 1199" i dr. (In Russ.).
6. Federal'nyj zakon RF ot 22 avgusta 2004 g. № 122-FZ "O vnesenii izmenenij v zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotoryh zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii v svjazi s prinjatiem federal'nyh zakonov "O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Federal'nyj zakon "Ob obshhijh principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii" i "Ob obshhijh principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii"". *Rossijskaja gazeta*, 2004, 31 avgusta, no. 3565. (In Russ.).
7. Postanovlenie Pravitel'stva Murmanskogo oblasti ot 18 aprelya 2013 g. No 196-PP "Ob utverzhenii Polozhenija o Ministerstve prirodnyh resursov i ekologii Murmanskogo oblasti". (In Russ.).
8. Zakon Murmanskogo oblasti № 324-01-ZMO ot 20 dekabrya 2001 goda "O Pravitel'stve Murmanskogo oblasti". Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy "Konsul'tantPljus". (In Russ.).
9. V pravitel'stve Murmanskogo oblasti prodolzhaetsja sokrashhenija chinovnikov. *IA REGNUM*. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/1942708.html/> (In Russ.).
10. Sajt Ministerstva prirodnyh resursov i ekologii Murmanskogo oblasti. Available at: mpr.gov-murman.ru/ (In Russ.).
11. Strategija social'no-ekonomicheskogo razvitija Murmanskogo oblasti do 2020 goda i na period do 2025 goda. Available at: http://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/sub02/. (In Russ.)
12. Konstitucija Rossijskoj Federacii (s gimnom Rossii): prinjata vsenarodnym golosovanijem 12 dekabrya 1993 goda : s uchetom izmenenij ot 5 fevralja 2014 g. No 2-FKZ, ot 21 ijulja 2014 g. No 11-FKZ. 32 p. (In Russ.)
13. Prikaz Ministerstva prirodnyh resursov i jekologii Rossijskoj Federacii ot 1 avgusta 2008 goda No 168 "Ob utverzhenii celevykh prognoznyh pokazatelej i formy predstavlenija otcheta o rashodovanii predostavlennyh subvencij iz federal'nogo bjudzheta bjudzhetam sub'ektov Rossijskoj Federacii na osushhestvlenie organami gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii ot del'nyh polnomochij Rossijskoj Federacii v oblasti vodnyh otnoshenij i o dostizhenii celevykh prognoznyh pokazatelej" (zaregistrovan v Ministerstve justicii Rossijskoj Federacii 2 sentjabrya 2008 goda, registracionnyj No 12210). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy "Konsul'tantPljus". (In Russ.)
14. Federal'nyj zakon RF ot 13 ijulja 2015 g. № 233-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon ot 6 oktjabrya 1999 goda No 184-FZ "Ob obshhijh principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu ot del'nyh polozhenij zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii". Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy "Konsul'tant Pljus". (In Russ.)
15. Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 g. № 219-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob ohrane okruzhajushhej sredy" i ot del'nyh zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii". Available at: www.consultant.ru. (In Russ.)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИЙ И ПРЕДПРИЯТИЙ

УДК 338.2:553.04 (4-17)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЕМ: ОПЫТ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ*

Л. В. Иванова

канд. экон. наук, старший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

Аннотация. В последние годы в северных странах наблюдается значительное оживление в сфере недропользования. Страны Северной Европы, в особенности Норвегия, Финляндия и Швеция, относятся к государствам, имеющим наиболее эффективную законодательную систему, благоприятствующую инвестициям в горнодобывающую промышленность. Потенциальных инвесторов привлекает значительный геологический потенциал, высокий уровень экономического развития и развитая инфраструктура в сочетании с прозрачной законодательной системой. Однако рост интереса к горнодобывающей промышленности привел к возникновению дискуссий по поводу роли законодательства в обеспечении вклада горнодобывающей промышленности в устойчивое развитие. В то же время был предпринят ряд добровольных инициатив в этом направлении. В статье приводится обзор отраслевого законодательства и организационной структуры управления недропользованием в Норвегии, Финляндии и Швеции. В процессе сравнительного анализа систем управления недропользованием в трех северных странах выявлены как общие черты, так и различия.

Ключевые слова: страны Северной Европы, недропользование, законы, органы управления.

INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF SUBSOIL MANAGEMENT: PRACTICES OF THE NORDIC COUNTRIES

L. V. Ivanova

PhD (Economics), Senior Researcher

G. P. Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of the RAS, Apatity

Abstract. The last few years have seen a lot of activity within the Nordic mining industry. The Nordic countries, particularly Norway, Finland and Sweden are viewed as some of the most lucrative jurisdictions in the world for mining investment. Potential investors are attracted by significant geological potential, healthy economic growth and good infrastructure coupled with transparent legal frameworks. The growing interest to the mining industry in turn led to discussions on the role of legislation in ensuring that mining contributes to sustainable development. At the same time, a number of voluntary sustainability initiatives have appeared. The article gives an overview of the sectoral legislation and organizational structure of subsoil management in Norway, Finland and Sweden. Comparative analysis of the subsoil management systems reveals both their similarities and differences.

Keywords: the Nordic countries, subsoil use, laws, management bodies.

Страны Северной Европы относятся к государствам, имеющим наиболее эффективную законодательную систему, благоприятствующую инвестициям в горнодобывающую промышленность. Потенциальных инвесторов привлекает значительный геологический потенциал, высокий уровень экономического развития и развитая инфраструктура в сочетании с прозрачной законодательной системой [1].

Норвегия является одним из крупнейших в мире производителей титана и железных руд. Главным государственным органом в сфере недропользования в Норвегии является Директорат

*Статья подготовлена на основе исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Норвежского исследовательского совета, проект № 230319 "The Arctic as a Mining Frontier: Sacrifice zones or sustainable development? (ARCTICFRONT)" («Арктика как граница горнодобывающей промышленности: жертвенная зона или устойчивые ландшафты?»).

горнодобывающей промышленности с представительством на Шпицбергене (Комиссар шахт), которое было включено в состав Директората в 2003 г.

Директорат – это государственное техническое подразделение, управляющее добычей минеральных ресурсов. Он входит в состав Министерства торговли и промышленности. Общий штат из 18 сотрудников следит за соблюдением законодательства, регистрирует заявления, утверждает горные планы и курирует горнодобывающую промышленность. Директорат также контролирует проведение ОВОС для планируемых горнодобывающих проектов.

Директорат был создан в 1986 г. в результате объединения пяти региональных агентств, занимавшихся вопросами горнодобывающей промышленности. Процесс реформирования был завершён в 1994 г.

Совместно с Норвежской геологической службой Директорат располагается в г. Тронхейм, он также имеет отдельный офис в г. Лонгйирбюен, административном центре норвежской провинции Свальбард (арх. Шпицберген) [2].

Норвежская геологическая служба – это правительственное агентство, отвечающее за геологическое картирование и изыскания. Помимо головного офиса в г. Тронхейм, она имеет представительство в г. Тромсё. Общий штат агентства – 225 чел. Норвежская геологическая служба также входит в состав Министерства торговли и промышленности.

Служба была создана в 1858 г. К ее основным функциям относятся сбор, переработка и распространение информации о физических, химических и минералогических характеристиках коренных пород, месторождений и подземных вод. Важными территориями изучения являются Арктика и континентальный шельф. Под девизом «Геология и общество» Геологическая служба предоставляет карты и геологическую информацию для национальных баз данных, ее деятельность базируется на четырех основных принципах [3]:

- устойчивая добавленная стоимость от геологических ресурсов;
- эффективное использование геологической научной информации в планировании землепользования (при землеустройстве);
- расширение знаний о геологических процессах в Норвегии;
- управление и распространение геологических данных и знаний.

Королевское норвежское министерство нефти и энергетики занимается вопросами энергетики, включая производство нефти и природного газа в Северном море. В его задачи входит обеспечение создания высокой стоимости посредством эффективного и экологически чистого управления энергетическими ресурсами Норвегии. Министерство функционирует в рамках действующего законодательства и подчинено парламенту [3].

В состав министерства входят следующие подразделения:

- политический штат;
- коммуникационный блок;
- отдел технологии и промышленности;
- отдел энергетики и водных ресурсов;
- отдел торговли и экономики промышленности;
- отдел администрации, бюджетов и бухгалтерии.

Министерство климата и окружающей среды несет ответственность за экологическую политику правительства [4].

Увеличение спроса на минеральное сырье в мировом масштабе привело к повышению цен и росту интереса к полезным ископаемым в Норвегии. В 2010 г. правительство страны представило новый «Закон о минералах», который заменил пять предыдущих законов. Данный акт явился важным шагом на пути упрощения процедур регулирования в секторе минерального сырья и создания прозрачных и предсказуемых рамочных условий для горнодобывающей промышленности. Основной целью закона является обеспечение социально ответственного управления и использования минеральных ресурсов в соответствии с принципами устойчивого развития. Согласно разделу 1, управление и использование минеральных ресурсов в соответствии с Законом должно гарантировать защиту следующих интересов:

- а) создание стоимости, промышленное и коммерческое развитие;
- б) поддержание культуры, коммерческой деятельности и общественной жизни народа саами;
- в) сохранение прилегающих территорий во время добычи полезных ископаемых;
- г) экологические последствия добычи;
- д) долгосрочное планирование в связи с последующим использованием или рекультивацией территории.

Закон регулирует деятельность по геологическим изысканиям и эксплуатации минерального сырья (раздел 3), распространяется на любую деятельность по эксплуатации месторождений полезных ископаемых и не распространяется на добычу сырья, которая является частью другого вида эксплуатации земли. Министерство торговли и промышленности может издавать уточняющие постановления по конкретным видам деятельности, регулируемым законом. Директорат горной промышленности (в составе Министерства нефти и энергетики) может издавать соответствующие постановления путем индивидуального решения.

Раздел 4 определяет географический охват «Закона о минералах». Закон распространяется на всю территорию Норвегии, за исключением Свальбарда. На морских акваториях закон не действует за пределами частной собственности.

В разделе 7 «Закона о минералах» приводится перечень минералов, использование которых регламентируется государством. «Минералы, находящиеся в собственности государства» включают:

а) металлы с удельным весом 5 г/см³ или более, включая хром, марганец, молибден, ниобий, ванадий, железо, никель, медь, цинк, серебро, золото, кобальт, свинец, платину, олово, цинк, цирконий, вольфрам, уран, кадмий, торий и руды этих металлов. Аллювиальное золото в эту категорию не входит;

б) титан, мышьяк и их руды;

в) пирротин и пирит.

«Минералы, находящиеся в собственности владельца земли» включают все минералы, которые не принадлежат государству в соответствии с разделом 7. Однако это положение не распространяется на нефть согласно закону № 21 от 4 мая 1973 г., регламентирующему разведку и эксплуатацию нефти на сухопутной части норвежской береговой территории [5].

Центральным органом управления горнодобывающей промышленностью в *Финляндии* является Финское агентство по безопасности и химикалиям в рамках Министерства занятости и экономики Финляндии. В его задачи входит мониторинг и соблюдение регламента в сфере технологий, использования химических веществ и опасных материалов, безопасности на рабочем месте, а также безопасности для производителя и потребителя. Однако безопасность продуктов питания, медикаментов и медицинской безопасности регламентируется деятельностью других ведомств (Evira, Fimea and Valvira соответственно).

Основными подразделениями Финского агентства по безопасности и химикалиям являются [6]:

- мониторинг мощностей и горных выработок;
- мониторинг продукции и оборудования;
- услуги по поддержке и развитию;
- мониторинг химической продукции.

Министр сельского хозяйства и окружающей среды возглавляет Министерство сельского и лесного хозяйства и Министерство окружающей среды. В состав министерств входят следующие подразделения: отдел окружающей природной среды; отдел антропогенной окружающей среды; отдел охраны окружающей среды; административный отдел; отдел международных отношений и ЕС и отдел коммуникаций.

Министерство окружающей среды несет ответственность за подготовку вопросов, которые предполагаются к вынесению на рассмотрение правительства и парламента и касаются местных сообществ, антропогенной окружающей среды, жилищных услуг, биоразнообразия, устойчивого использования природных ресурсов и охраны окружающей среды [7].

Административные подразделения Министерства окружающей среды включают Институт окружающей среды (SYKE) и Центр жилищных финансов и развития Финляндии (ARA).

При решении определенных вопросов министерство управляет деятельностью центров экономического развития, транспорта и окружающей среды (ELY Centers). Министерство также руководит и финансирует деятельность Parks & Wildlife Finland (парки и дикая природа Финляндии) в рамках Metsähallitus – государственного предприятия, управляющего территориями и акваториями, находящимися в государственной собственности.

В решении вопросов, касающихся природопользования, также участвует Министерство торговли и промышленности [8].

Объемы горнодобывающего производства в Финляндии за последнее десятилетие удвоились. Основным законом, регулирующим недропользование в стране, является закон о горнодобывающей промышленности, принятый в 2011 г., на его основе был принят ряд других законодательных актов, наиболее значимым из которых «Декрет о горной промышленности (2012 г.).

Закон регулирует эксплуатацию металлического минерального сырья, мыльного камня и мрамора, тогда как добыча гравия и песка и карьерная добыча природного камня регулируется законом об извлечении земли. Целью закона о горнодобывающей промышленности является разведка и добыча полезных ископаемых социально, экономически и экологически устойчивым способом. Осуществление разведочных и добычных проектов обеспечивается с учетом экологических аспектов, гражданских прав, участия муниципалитетов в процессе принятия решений, а также прав землевладельцев. Закон также учитывает Конституцию, другие действующие законы и специальные вопросы, касающиеся, например, народа саами в Северной Финляндии [9].

В Швеции ключевым законодательным актом в сфере недропользования является закон о минералах (1992 г.) с внесенными в 1999 г. изменениями. Закон регламентирует разведку и эксплуатацию месторождений, которые расположены на землях, находящихся в частной собственности недропользователя, или на землях, принадлежащих другим лицам, и содержат следующие концессионные минералы:

1) сурьма, мышьяк, бериллий, свинец, золото, иридий, железо в коренных породах, кобальт, медь, хром, ртуть, лантан и лантаноиды, литий, марганец, молибден, никель, ниобий, осмий, палладий, родий, рублидий, рутений, серебро, скандий, стронций, тантал, олово, титан, торий, уран, ванадий, висмут, вольфрам;

2) квасцы сланцевые, андалузит, апатит, брусит, полевошпат, графит, кианит, огнеупорная глина, марганец, пирротит, нефелиновые сиениты, силлиманит, уголь, каменная соль или другие подобные проявления соли; пирит, барит и волластонит;

3) нефть, газообразные углеводороды и алмазы.

Не упомянутые выше минералы принадлежат землевладельцу.

В разделе 2 говорится о том, что законом не регулируется использование акваторий моря, находящихся в государственной собственности [10].

Закон предоставляет право на разведку и эксплуатацию минеральных веществ и регламентирует предоставление и условия выдачи разрешений на разведку и концессий на эксплуатацию месторождений, вопросы компенсаций и т. п. Держатель концессии обязан выплачивать компенсацию за ущерб или использование земель в целях недропользования или других связанных с ним видов деятельности. Границы земли в зоне действия концессии, которую держатель концессии может использовать для эксплуатации месторождения полезных ископаемых, определяются процедурами, изложенными в разделе 1 главы 9 и дальнейших разделах. Глава 12 регламентирует совместное управление концессионными правами. Проведение геолого-разведочных работ запрещено на территории национальных парков или на территориях, где планируется создание национальных парков, а также на землях, относящихся к культурному наследию в соответствии с главой 7 Экологического кодекса. Правительство может издавать постановления, касающиеся проведения охранных мероприятий при прекращении подземных или открытых разработок и касающиеся мер контроля для защиты от оползней или оседания на шахтах, которые закрываются [11].

Соблюдение закона о минералах контролируется Горной инспекцией. Заявки на получение разрешений или концессий должны направляться в один из офисов Горной инспекции (в городах Лулео или Фалун).

Горная инспекция Швеции несет ответственность за выдачу разрешений на разведку и добычу полезных ископаемых, ее возглавляет Главный горный инспектор, который принимает решения по вопросам, регулируемым законом о минералах.

Горная инспекция является подразделением Геологической службы Швеции (SGU) – агентства, занимающегося вопросами коренных пород, почвы и грунтовых вод. Горная инспекция была создана в качестве государственного агентства в 1637 г. [12].

Геологическая служба Швеции предоставляет общую информацию в сфере геологии и о связанных с ней проблемах, а также проводит консультации по юридическим вопросам, касающимся политики в сфере минеральных ресурсов. У Геологической службы есть информационный офис в г. Мало в Северной Швеции, который обслуживает потребности геологоразведки.

Министерство окружающей среды и энергетики занимается вопросами правительственной политики в сфере окружающей среды, энергетики и климата. В его функции также входит решение вопросов, касающихся биологического разнообразия, химикалий, экологических циклов, охраны природы и леса, морских и водных систем, радиационной безопасности и международного экологического сотрудничества. Управление ведомством осуществляют два министра – министр климата и окружающей среды, который одновременно является заместителем премьер-министра, и министр энергетики.

В сентябре 2015 г. премьер-министр Швеции представил государственную политику на заседании парламента. Среди приоритетов политики были указаны климат, окружающая среда и энергетика [13].

Сравнительная характеристика наличия законодательных актов, прямо или косвенно регулирующих вопросы недропользования в странах Северной Европы, представлена в таблице.

Законодательство стран Северной Европы в сфере недропользования

Законодательный акт	Норвегия	Финляндия	Швеция
Закон о минеральных ресурсах	Да	Да	Да
Закон о планировании и строительстве	Да	Да	Да
Акт об использовании моторизованного транспорта на удаленных территориях	Да	Да	Да
Закон о загрязнении	Да	Да	Да
Закон о культурном наследии	Да	Да	Да
Закон о водных ресурсах	Редко	Да	Да
Оценка воздействия на окружающую среду	В законе о планировании и строительстве	Да	Согласовывается с лицензией на разведку
Законодательство об особо охраняемых природных территориях	Да	Два законодательных акта	Да
Законодательство, регулирующее вопросы коренных народностей	Да	Да	Да

В 2008 г Европейская комиссия разработала стратегию в отношении сырьевых ресурсов, которая называется «Инициатива "Сырье – удовлетворение наших критических потребностей для роста и создания рабочих мест в Европе"».

Использование одной и той же территории может регулироваться различными законодательными актами. «Инициатива "Сырье"» ЕС основана на принципе «одного окна». По мнению авторов инициативы, такой подход позволяет повысить прозрачность и предсказуемость, предотвращает «секторизм», может обеспечить наиболее нейтральное решение [14, 15].

На основании анализа можно сделать следующие выводы:

1. Во всех трех странах доступ к земле достаточно свободный, для проведения геолого-разведочных работ не требуется согласия землевладельца.

2. Важнейшим этапом на пути к разработке месторождения в Финляндии и Швеции является получение лицензии на эксплуатацию, в Норвегии – разрешение на строительство (за исключением провинции Финнмарк, где лицензия на эксплуатацию не менее важна). Законодательство всех трех стран во многом совпадает. Сходство законодательной базы объясняется историческими причинами.

3. Основным различием является содержание лицензии на проведение геолого-разведочных работ: в Швеции и Финляндии лицензия на эксплуатацию уточняет вопросы землепользования, также в ней существенное внимание уделяется экологическим вопросам. В Норвегии законодательство гораздо более фрагментированно.

4. Политика в отношении минерального сырья в Швеции и Финляндии значительно более откровенно, чем в Норвегии, нацелена на добычу полезных ископаемых. Общая политика является решающим фактором в отношении дискреционных решений, а большинство решений по вопросам землепользования и охраны окружающей среды являются таковыми, т. е. принимаются по усмотрению компании. Норвегия в настоящее время разрабатывает свою политику в отношении минерального сырья, и это, скорее всего, повысит уровень информированности о потенциале для увеличения добычи полезных ископаемых в стране.

Обзор правовых рамок горнодобывающей промышленности северных стран показал, что между ними есть много общего. Основной причиной такой ситуации является тот факт, что Норвегия Финляндия и Швеция имеют одинаковые климатические условия, схожие геологические условия и социальный контекст. Существенную роль играет влияние ЕС, поэтому экологическое

законодательство в странах Северной Европы является сопоставимым. Тем не менее, существуют различия. Прежде всего, это то, каким образом различные заинтересованные стороны, такие как коренные народности или муниципалитеты, вовлечены в процесс принятия решений. В Норвегии им для этого предоставляется больше возможностей, чем в Финляндии и Швеции.

Различия между странами Северной Европы можно объяснить несколькими причинами, основными из которых являются исторические и политические обстоятельства. Более широкие права народа саами в Норвегии, вероятно, связаны с недавними спорами вокруг эксплуатации природных ресурсов на севере. Учитывая то, что существуют широко обсуждаемые проблемы, связанные с деятельностью горнодобывающих компаний, можно предположить, что законодательство в дальнейшем будет подвергаться корректировке.

Литература

1. Speight R., Shabazz B. Mining Legislation in the Nordic Countries. URL: https://www.mayerbrown.com/files/News/7418d074-98d1-4090-ac03-5a88242488f1/Presentation/NewsAttachment/b2956d42-c52f-48bd-93b2-5ba75e375633/art_speight_shabazz_oct1813_mining-journal.pdf.
2. Norwegian Ministry of Trade and Industry. The Strategy for the Mining Industry. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/3fe548d142cd496ebb7230a54e71ae1a/strategyforthemineralindustry_2013.pdf.
3. Norwegian Geological Survey. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Norwegian_Geological_Survey.
4. Mineral Act. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/The-Minerals-Act-available-in-English/id606042/>.
5. Finnish Agency on Safety and Chemicals. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Finnish_Safety_and_Chemicals_Agency (accessed 22.09.2015).
6. Mining Act. URL: <https://www.google.ru/url?url=https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2011/en20110621>.
7. Guidelines in Swedish Mining Legislation. URL: <http://www.sgu.se/en/mining-inspectorate/legislation/guide-minerals-act/>.
8. Mining Inspectorate of Sweden. URL: www.bergsstaten.se.
9. The Raw Materials Initiative. URL: http://www.fairpolitics.eu/doc/fair_politics_eu/raw_materials_initiative/The%20RMI%20case%20updated.pdf.
10. European Commission. Policy and Strategy for Raw Materials. URL: http://ec.europa.eu/growth/sectors/raw-materials/policy-strategy/index_en.htm.
11. Smelror M., Dagestad B. Mining legislation in Norway, Finland and Sweden. URL: http://www.google.ru/url?url=http://ec.europa.eu/enlargement/taix/dyn/create_speech.jsp.
12. Mining in the Nordic countries. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:842595/FULLTEXT01.pdf>.
13. Hojem P. Mining in the Nordic Countries: A comparative review of legislation and taxation. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf;jsessionid=K2IALWnFS5OtnRh8pUHNb6ljlPB7awG7pu33II42.diva2-search3-vm&pid=diva2%3A842595&dswid=9098>.
14. NORM-related Mining in Nordic Countries: Legislation, practices and case studies. URL: <http://www.google.ru/url?url=http://www.nks.org/scripts/getdocument.php%3Ffile%3D111010213122095&rct=j&frm=1&q=&esrc=s&sa=U&ved=0CEEQFjAIAhUKEwi34tCZqefIAHUGiCwKHcpAC5o&usg=AFQjCNFLm5ZrEO7v6cqFvgnB1CuWptbEA>.
15. Growing Interest in Nordic Mineral Prospects – EMJ. URL: <http://www.e-mj.com/features/1361-growing-interest-in-nordic-mineral-prospects.html>.

References

1. Speight R., Shabazz B. Mining Legislation in the Nordic Countries. Available at: https://www.mayerbrown.com/files/News/7418d074-98d1-4090-ac03-5a88242488f1/Presentation/NewsAttachment/b2956d42-c52f-48bd-93b2-5ba75e375633/art_speight_shabazz_oct1813_mining-journal.pdf (accessed 02.09.2015).
2. Norwegian Ministry of Trade and Industry. The Strategy for the Mining Industry. Available at: https://www.regjeringen.no/contentassets/3fe548d142cd496ebb7230a54e71ae1a/strategyforthemineralindustry_2013.pdf (accessed 12.09.2015).

3. Norwegian Geological Survey. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Norwegian_Geological_Survey (accessed 02.09.2015).
4. Mineral Act. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/The-Minerals-Act-available-in-English/id606042/> (accessed 12.09.2015).
5. Finnish Agency on Safety and Chemicals. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Finnish_Safety_and_Chemicals_Agency (accessed 22.09.2015).
6. Mining Act. Available at: <https://www.google.ru/url?url=https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2011/en20110621> (accessed 24.09.2015).
7. Guidelines in Swedish Mining Legislation. Available at: <http://www.sgu.se/en/mining-inspectorate/legislation/guide-minerals-act/> (accessed 24.09.2015).
8. Mining Inspectorate of Sweden. Available at: www.bergsstaten.se (accessed 02.09.2015).
9. The Raw Materials Initiative. Available at: http://www.fairpolitics.eu/doc/fair_politics_eu/raw_materials_initiative/The%20RMI%20case%20updated.pdf (accessed 02.10.2015).
10. European Commission. Policy and Strategy for Raw Materials. Available at: http://ec.europa.eu/growth/sectors/raw-materials/policy-strategy/index_en.htm (accessed 02.09.2015).
11. Morten Smelror, Bård Dagestad,. Mining legislation in Norway, Finland and Sweden. Available at: http://www.google.ru/url?url=http://ec.europa.eu/enlargement/taix/dyn/create_speech.jsp (accessed 02.10.2015).
12. Mining in the Nordic countries. Available at: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:842595/FULLTEXT01.pdf> (accessed 16.10.2015).
13. Hojem P. Mining in the Nordic Countries: A comparative review of legislation and taxation. Available at: <http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf;jsessionid=K2IALWnFS5OtnRh8pUHNb6ljlP7awG7pu33II42.diva2-search3-vm&pid=diva2%3A842595&dsid=9098> (accessed 16.10.2015).
14. NORM-related Mining in Nordic Countries: Legislation, practices and case studies. Available at: <http://www.google.ru/url?url=http://www.nks.org/scripts/getdocument.php%3Ffile%3D111010213122095&rct=j&frm=1&q=&esrc=s&sa=U&ved=0CEEQFjAIAhUKEwi34tCZqefIAhUGiCwKHcpAC5o&usg=AFQjCNFLrn5ZrEO7v6cqFvgnB1CuWptbEA> (accessed 18.10.2015).
15. Growing Interest in Nordic Mineral Prospects – EMJ. Available at: <http://www.e-mj.com/features/1361-growing-interest-in-nordic-mineral-prospects.html> (accessed 18.10.2015).

УДК 330.334

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ И НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕЛЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ДОНБАССА УКРАИНЫ)

К. В. Павлов

докт. экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики и управления
Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Ижевск, Россия

В. И. Ляшенко

докт. экон. наук, профессор, зав. отделом экономики предпринимательства и регуляторной политики
Институт экономики промышленности НАН Украины, Донецк, Украина

Е. В. Котов

канд. экон. наук, старший научный сотрудник
Институт экономики промышленности НАН Украины, Донецк, Украина

Аннотация. В статье рассматривается методический подход к оценке уровня развития пост- и неоиндустриальной моделей модернизации экономики в региональном аспекте на основе использования различных индикаторов. Предложенный методический подход апробирован на основе использования статистических материалов о развитии экономики регионов Донбасса. В работе использованы положения и методы общей теории систем, индексный метод, метод факторного анализа, а также различные методы экономической и социальной статистики, применяемые на региональном уровне. Проведенные расчеты, связанные с оценкой социально-экономического развития различных регионов Донбасса на основе

предложенной методики, позволили дифференцировать выбранные для исследования города и территории на три группы: лидеры, середняки и аутсайдеры. Результаты расчетов также показали, что среди лидеров неиндустриального развития оказались также столицы исследуемых областей: это лидерство обеспечено концентрацией на их территории транспортных, финансовых, образовательных и научных центров, а также наличием сильного политического влияния в макрорегионе в целом. Необходимо также отметить, что в подавляющем большинстве районов и городов процессы пост- и неиндустриализации носят устойчивый «затухающий» характер, что требует внесения в стратегии развития областей и городов срочных и решительных мер по изменению сложившихся тенденций. В противном случае на данных территориях возможно ускорение процессов деиндустриализации, что приведет к дальнейшей деградации промышленного и человеческого капитала этих крупных областей.

Ключевые слова: региональный аспект, постиндустриальная и неиндустриальная модернизация, методический подход, оценка уровня, индексы, города и районы.

METHODOLOGY OF EVALUATION OF POSTINDUSTRIAL AND NEO-INDUSTRIAL MODEL OF MODERNIZATION AT THE REGIONAL LEVEL (CASE STUDY OF DONBASS, UKRAINE)

K. V. Pavlov

Dr. Sc. (Economics), Professor,

Head of Department of Economics and Management

Kamsky Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Izhevsk, Russia

V. I. Lyashenko

Dr. Sc. (Economics), Professor,

Head of Department of Business Economics and Regulatory Policy

Institute of Industrial Economics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Donetsk, Ukraine

E. V. Kotov

PhD (Economics), Senior Researcher

Institute of Industrial Economics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Donetsk, Ukraine

Annotation. The article discusses the methodical approach to assessment of the level of development of neo-industrial and post-industrial model of economic modernization in the regional context through the use of different indicators. The proposed methodological approach was tested through the use of statistical data on the development of regional economy of Donbass. The article used terms and methods of the general theory of systems, the index method, factor analysis, as well as various methods of economic and social statistics, applied at the regional level. The calculations associated with the assessment of socio-economic development of different regions of Donbass, based on the proposed method allowed to share selected for the study of the city and the territory into 3 groups: leaders, middle peasants and outsiders. The calculation results also showed that among the leaders of neo-industrial development have been well researched areas of the capital - is provided by the concentration of lead in their territory of transport, financial, educational and scientific centers, as well as the presence of a strong political influence in the macro-region as a whole. It should also be noted that the vast majority of regions and cities, and post-industrialization processes are sustainable neoindustrialization "fading" in nature, which requires inclusion in the strategy of development of the regions and cities of urgent and decisive actions to change the current trends. Otherwise, these areas may accelerate the processes of de-industrialization, which will lead to further degradation of industrial and human capital of these large areas.

Keywords: regional aspect, neo-industrial and post-industrial modernization, methodical approach, assessment of the level, indices, towns and districts.

В последнее время на постсоветском пространстве на разных уровнях управленческой иерархии все чаще говорят о необходимости осуществления модернизации и инновационного развития экономики. При этом следует учитывать, что модернизация может быть разных видов и форм. В частности, выделяют первичную, вторичную и интегрированную модернизацию [1], кроме того, выделяют пост- и неиндустриальную формы.

Под постиндустриальной модернизацией понимается переход от индустриального общества к обществу знаний. Эта концепция была разработана в 1970-х гг. и до сих пор еще не утратила своей актуальности [2]. Ее сущность заключалась в том, что постиндустриальное общество характеризуется уровнем развития услуг, их преобладанием над всеми остальными видами хозяйственной деятельности в общем объеме ВВП и соответственно численностью занятых в этой сфере (до 90 % работающего населения).

Неиндустриальная модернизация отражает органичность взаиморазвития индустриализации и постиндустриализации, направленного к наукоемкому передовому производству. Данная

концепция зародилась сравнительно недавно, хотя первые исследования на эту тему были начаты даже раньше исследований по проблемам постиндустриализации [3]. Одной из главных экономических черт, обозначенных в ней, является изменение структуры рабочего класса, а именно увеличение доли занятых умственным квалифицированным трудом. Однако, в отличие от концепции постиндустриального развития, основной задачей данной трансформации становится поддержание высоких темпов производства.

Еще одним важным аспектом постиндустриальной теории, охотно используемым в своих исследованиях современными неоиндустриалистами, является тезис о господстве крупных корпораций и постепенное их слияние с государством. На постсоветском пространстве идеи новой индустриализации активно продвигаются рядом авторов, в том числе С. С. Губановым [4]. По его мнению, именно неоиндустриализация приведет к объединению корпораций с государством и созданию на их основе крупных вертикально-интегрированных государственных корпораций. В конечном итоге будет построен общественный строй, именуемый государственным капитализмом. Далее будет рассмотрен методический подход к оценке уровня модернизации в региональном аспекте.

В подготовленном Всемирным банком докладе о мировом развитии [5] утверждается, что некоторые регионы развиваются успешно благодаря территориальным изменениям, которые характеризуются тремя измерениями:

- 1) увеличение плотности, проявляющееся в росте городов;
- 2) сокращение расстояний по мере того, как работники и бизнес мигрируют ближе к узлам высокой экономической плотности;
- 3) снижение степени разобщенности (увеличение сплоченности) по мере того, как повышается проницаемость экономических границ и расширяются выходы на внешние рынки, в том числе мировые, чтобы воспользоваться преимуществами масштабного производства и специализации.

Таким образом, исходя из данной концепции, любая стратегия развития региона должна решать три основные проблемы, связанные с урбанизацией, территориальным развитием и межрегиональной (международной) интеграцией.

Современная модель глобализации рассматривает мировую экономику как многоуровневую систему глобальных регионов и городов [6]. Верхний уровень составляет сеть «ворот в глобальный мир», которая представляет собой компактные территории «глобальных городов» – мегаполисов. Они, будучи в свое время старыми промышленными центрами, ныне выполняют функции транспортных узлов, финансовых центров, центров образования, науки и политического влияния, а также обеспечивают доступ к глобальной экономике обширным территориям, входящим в сферу их экономического и политического притяжения. В связи с этим актуальной стратегической задачей развития старопромышленной территории становится вхождение в многоуровневые сети глобальных городов и регионов.

В течение полугода после принятия Государственной стратегии регионального развития до 2020 г. всем регионам Украины предстоит большая работа по разработке собственных стратегий. Аналогичные документы придется разрабатывать и городам с численностью населения более 50 тыс. чел. В связи с этим актуализируется задача оценки состояния и перспектив развития региона и городов, расположенных на его территории, с учетом современных вызовов социально-экономическому развитию. Результаты оценки лягут в основу целей и задач Стратегии развития территории и целевых программ по ее практической реализации.

Оценка потенциала развития территории покажет уровень его зависимости от качества и скорости происходящих социально-экономических процессов и отношений. Поэтому стратегия развития территории должна строиться с учетом уже произошедших изменений, включать в себя инструменты и механизмы управления ими и ускорения процессов модернизации в соответствии с целями и приоритетами территориального развития [7].

В данном исследовании авторы предприняли попытку оценить процессы модернизации отдельных городов Луганской обл. в контексте пост- и неоиндустриального развития. Эти концепции социально-экономического развития доминируют в государственной политике многих стран мира, конкурируя между собой и определяя развитие отдельных из них. Так, стратегия развития промышленности Европейского союза построена на базе неоиндустриальной концепции. В марте 2010 г. в ЕС была принята новая европейская стратегия экономического развития «Европа 2020: Стратегия разумного, устойчивого и интегрирующего роста». Один из ее разделов посвящен

проблемам формирования и реализации новой промышленной политики Европы в условиях глобализации, он предусматривает решение ряда задач, направленных на диверсификацию промышленности, создание сильной и конкурентоспособной промышленной базы, развитие разумного регулирования конкуренции и стандартизацию, улучшение деловой среды и активное использование энергосберегающих технологий.

За основу при оценке процессов модернизации была взята методика, предложенная для стран в докладе о модернизации в мире [8], которая была адаптирована в Институте экономики промышленности НАН Украины для регионов и городов с поправкой на специфику системы статистического учета на постсоветском пространстве:

1. Показатель «Число ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР, на 10000 населения» был заменен показателем «Численность работников научных организаций на 10000 населения». При его определении к учету были взяты только специалисты, выполняющие научные и научно-технические работы (исследователи и техники).

2. Показатель «Число жителей, подающих заявки на патенты, на 1 млн жителей» был заменен показателем «Численность авторов рационализаторских предложений на 1 млн жителей».

3. Отказ от индикатора «Потребление энергии на душу населения» был вызван невозможностью получения статистической информации данного вида на уровне города.

4. В связи с тем, что отечественная система статистического учета на уровне города не рассчитывает ни общий показатель ВРП, ни показатель ВРП на душу населения, решено было от него отказаться. По тем же причинам пришлось отказаться и от индикатора «ВВП на душу населения в условиях паритета покупательной способности». В качестве замены использовался показатель ВРП города, рассчитанный как произведение ВРП на душу населения и численности жителей города. Такой же подход был применен и при определении показателя валовой добавленной стоимости в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг в силу тех же самых причин – отсутствия их статистического учета на уровне города.

5. Вышеназванные причины заставили отказаться от использования такого распространенного в развитых странах индикатора, как показатель энергетической эффективности. Он отражает эффективность энергетической сферы и рассчитывается как отношение ВВП на душу населения к потреблению энергии на душу населения.

6. Данных о распространенности сети Интернет среди жителей городов нет в связи с тем, что частные интернет-провайдеры не предоставляют свою информацию областным управлениям статистики.

7. Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении в разрезе городов не ведется статистическими управлениями, и поэтому при расчетах он был принят на уровне областного значения.

В результате учета ограничений отечественной статистической базы оценка пост- и неоиндустриальной модернизации производилась с помощью системы индикаторов, приведенных в табл.1. Часть индикаторов универсальна и поэтому используется при оценке как постиндустриальной стадии модернизации, так и неоиндустриальной. Для каждого оценочного индикатора для упрощения расчетов устанавливается его максимальное значение, которое не может превышать: для постиндустриальной модернизации – 120, для неоиндустриальной – 100. Если значение оценочного индикатора больше 100 (120), то значение принимается равным 100 (120) и это означает, что по данному индикатору полностью осуществлена пост- или неоиндустриальная модернизация (см. табл.1).

При выборе огромное внимание было уделено индикаторам, способствующим оценке не только состояния (например, объем ВРП города или доля материальной стоимости), но и формирующим основу для дальнейшего развития. В первую очередь это касается человеческого капитала, выраженного в уровне образования и возможностях задействования его креативного потенциала для развития территории. Так, рассматривая феномен креативной экономики в США, Ричард Флорида выделяет следующие ее количественные параметры [9]:

1. Систематическое инвестирование в креативность и форма затрат на НИОКР; начиная с 1950-х гг. инвестиции в НИОКР выросли с 5 до 250 млрд долл., что составляет более 800 % с учетом инфляции.

2. Стабильный рост практической отдачи от исследований в течение последнего столетия, особенно во второй его половине [10].

3. Количество патентов, ежегодно выдаваемых в США, с 1900 по 1950 гг. почти удвоилось – с 25 до 43 тыс., а затем более чем утроилось, составив 150 тыс. в 1999 г.

4. Существенное увеличение количества профессионалов, занятых креативной технической работой (инженеры, ученые): с 42 тыс. в 1900 г. до 625 тыс. в 1950 г. и 5 млн в 1999 г.; в 1900 г. на каждые 100 тыс. чел. в США приходилось 55 ученых и инженеров, в 1950 г. – 400, в 1980 г. более 1 тыс., в 1999 г. более 1800.

5. Резкое увеличение за последние 100 лет числа людей, работающих в области культуры и художественного творчества.

Таблица 1

Оценочные индикаторы пост- и неоиндустриальной модернизации

Группа индикаторов	Индикатор	Интерпретация индикатора
Постиндустриальная модернизация		
Инновации в знаниях	1. Финансирование инноваций в знаниях	Соотношение затрат на НИОКР и ВВП
	2. Человеческий вклад в инновации, знания	Число ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР, на 10000 населения
Передача знаний	3. Доля лиц со средним образованием	Доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения соответствующего возраста (6-17 лет)
	4. Доля лиц с высшим образованием	Доля студентов, получающих высшее образование, среди населения студенческого возраста (18-25 лет)
Качество жизни	5. Доля городского населения	Доля городского населения во всем населении
	6. Медицинские услуги	Число врачей на 1000 жителей
	7. Уровень детской смертности	Смертность детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся
	8. Ожидаемая продолжительность жизни	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
Качество экономики	9. ВРП города	ВВП, произведенный предприятиями и организациями города
	10. Доля добавленной стоимости в материальной сфере	Доля сельскохозяйственной и индустриальной добавленной стоимости в ВВП
	11. Доля труда в материальной сфере	Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве и промышленности
Неоиндустриальная модернизация		
Экономические индикаторы	1. ВРП города	ВВП, произведенный предприятиями и организациями города
	2. Доля добавленной стоимости в сфере услуг	Соотношение добавленной стоимости в сфере услуг и ВВП
	3. Доля занятых в сфере услуг	Соотношение занятых в сфере услуг и общей занятости
Социальные индикаторы	4. Доля городского населения	Доля городского населения во всем населении
	5. Медицинские услуги	Число врачей на 1000 жителей
	6. Ожидаемая продолжительность жизни	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
Индикаторы знаний	7. Финансирование инноваций в знаниях	Соотношение затрат на НИОКР и ВВП
	8. Совокупная доля студентов вузов	Доля студентов, получающих высшее образование, среди населения студенческого возраста (18-25 лет)

Каждому индикатору соответствует эталонное значение, с которым он сравнивается. Эталонные значения индикаторов, используемых при оценке пост- и неоиндустриальной модернизации, не изменяются. Результатом взвешивания индикаторов являются значения, отражающие его соответствие эталону, а среднееарифметическое данных значений представляют индексы пост- и неоиндустриальной модернизации [11].

В стандартизированном виде это выглядит следующим образом. Взвешивание индикатора производится по формуле:

а) для положительных (стимуляторов) индикаторов:

$$I_i = (PZ_{инд}/BZ_{инд})100; \quad (1)$$

б) для обратных (дестимуляторов) индикаторов:

$$I_i = (BZ_{инд}/PZ_{инд})100; \quad (2)$$

где I_i – индекс развития i -го оценочного индикатора; $PZ_{инд}$ – реальное значение i -го оценочного индикатора; $BZ_{инд}$ – базовое (стандартное) значение i -го оценочного индикатора.

Для постиндустриальной модернизации i равен 1-11, для неоиндустриальной – 1-8.

Положительные индикаторы (стимуляторы) – это индикаторы, рост значения которых ускоряет процессы модернизации. К обратным индикаторам (дестимуляторам) относятся индикаторы, рост значения которых сдерживает процессы модернизации. К дестимуляторам постиндустриальной модернизации относятся следующие индикаторы: уровень детской смертности, доля добавленной стоимости в материальной сфере и доля труда в материальной сфере. Все остальные индикаторы являются стимуляторами. При расчете неоиндустриальной модернизации дестимуляторы не используются.

После взвешивания индикаторов определяются индексы групп индикаторов и интегральный индекс стадии модернизации [12]. Индекс постиндустриальной модернизации определяется на основании четырех групп индикаторов, а неоиндустриальной – на основании трех. Формулы расчета индексов модернизации с учетом показателей, приведенных в табл. 1, выглядят следующим образом:

а) для постиндустриальной стадии модернизации:

$$ИПМ = (ИЗ + ПЗ + КЖ + КЭ)/4, \quad (3)$$

где ИПМ – индекс постиндустриальной модернизации; ИЗ – индекс инноваций в знаниях ($ИЗ = \sum I_i/2, i = 1-2$); ПЗ – индекс передачи знаний ($ПЗ = \sum I_i/2, i = 3-4$); КЖ – индекс качества жизни ($КЖ = \sum I_i/4, i = 5-8$); КЭ – индекс качества экономики ($КЭ = \sum I_i/3, i = 9-11$);

б) для неоиндустриальной модернизации:

$$ИНИМ = (ЭИ + СИ + ИЗ)/3, \quad (4)$$

где ИНИМ – индекс неоиндустриальной модернизации; ЭИ – индекс экономических индикаторов ($ЭИ = \sum I_i/3, i = 1-3$); СИ – индекс социальных индикаторов ($СИ = \sum I_i/3, i = 4-6$); ИЗ – индекс индикаторов знаний ($ИЗ = \sum I_i/2, i = 7-8$).

Постиндустриальная модернизация состоит из нескольких фаз, которые отражают стадию развития ее процессов (табл.2). Фаза развития для неоиндустриальной модернизации не определяется.

Таблица 2

Классификация фаз и значения сигнальных индикаторов постиндустриальной модернизации

Фаза	Доля добавленной стоимости в отраслях материального производства, %	Доля занятости в отраслях материального производства, %
Фаза расцвета	<20	<20
Фаза развития	≥20, <30	≥20, <30
Начальная фаза	≥30, <40	≥30, <40
Подготовительная фаза	≥40, <50	≥40, <50

Каждой фазе соответствуют следующие заданные значения: подготовительная фаза – 0; начальная фаза – 1; фаза развития – 2; фаза расцвета – 3. Расчет фазы, в которой находится развитие постиндустриальной модернизации, производится по формуле

$$\text{ФПМ} = (\text{Д}_{\text{ДСМП}} + \text{Д}_{\text{ЗАН}})/2, \quad (5)$$

где $\text{Д}_{\text{ДСМП}}$ – заданное значение фазы, определенное исходя из реального показателя добавленной стоимости материального производства (1-3); $\text{Д}_{\text{ЗАН}}$ – заданное значение фазы, определенное исходя из реального показателя доли занятости в материальном производстве в структуре общей занятости (1-3).

Проведенные расчеты позволили разделить выбранные для исследования города Луганской и Донецкой областей Украины на три группы: лидеры (> 70 пунктов), середняки (от 50 до 70 пунктов) и аутсайдеры (≤ 50 пунктов) (табл.3-4, расчеты и оценки осуществлялись еще в докризисный, довоенный период, подтверждая тем самым возможность использования предложенной методики*). Лидером постиндустриальной модернизации являлся город Луганск – интеллектуальный, производственный и культурный центр области. Среди середняков города Алчевск и Северодонецк, являющиеся крупными индустриальными центрами Луганской области, в каждом из которых производится более 22 % промышленной продукции региона.

На основе индикаторов (табл.2) была проведена оценка стадии развития постиндустриальной модернизации городов Луганской обл. Результаты показали, что все города находятся в подготовительной фазе. Аналогичная ситуация сложилась и среди промышленных городов Донецкой обл., лишь города Донецк и Славянск на «полшага» впереди «пелотона». Но и они, оторвавшись немного от преследователей, дальнейшего ускорения в сторону развития процессов постиндустриальной модернизации не проявляют [13]. Главным препятствием в ускорении процессов постиндустриальной модернизации городов обеих областей является ориентация их экономики на индустриальное развитие (см. табл.3).

Таблица 3

Индексы постиндустриальной модернизации
некоторых промышленных городов Донецкой и Луганской обл.

Луганская обл.	2000	2005	2010	2013	Донецкая обл.	2000	2005	2010	2013
<i>Лидеры</i>									
Луганск	58	72	71	71	Донецк	74	76	78	76
					Краматорск	66	72	71	76
<i>Середняки</i>									
Алчевск	55	62	67	66	Славянск	60	60	57	57
Северодонецк	55	68	59	56	Мариуполь	60	59	57	56
<i>Аутсайдеры</i>									
Свердловск	45	44	44	47	Артемовск	52	50	50	49
Стаханов	46	45	44	45	Енакиево	47	47	47	49
Рубежное	48	47	43	44	Макеевка	53	53	47	47
Антрацит	41	40	41	43	Авдеевка	42	45	43	43
Красный Луч	43	42	40	43	Горловка	53	43	41	41
Лисичанск	42	40	41	42	Красноармейск	38	41	36	37
Ровеньки	43	42	41	42	Харцызск	45	44	45	34

Среди лидеров неоиндустриального развития «столицы» каждой из исследуемых областей. Это лидерство обеспечено концентрацией на их территории транспортных, финансовых, образовательных и научных центров, наличием сильного политического влияния в регионе.

Согласно выбранному диапазону индекса модернизации, город Рубежное Луганской обл. вошел в группу городов-середняков по развитию неоиндустриальной модернизации (табл.4). Следует особо подчеркнуть, что все города, которые вошли в первые две группы (лидеры и середняки), достигли этого благодаря проведению на территории города научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, для которых необходимы квалифицированные кадры и соответствующие финансовые затраты [14].

*В связи с тем некоторые города Донецкой обл. за весь период исследования значительно меняли свой интегральный показатель, разделение по категориям производилось по индексу 2010 г.

Необходимо отметить, что в подавляющем количестве городов процессы пост- и неоиндустриализации носят устойчивый «затухающий» характер, что требует внесения в стратегии развития области и городов срочных и решительных мер по изменению сложившихся тенденций. В противном случае на данных территориях возможно ускорение процессов деиндустриализации, что приведет к дальнейшей деградации промышленного и человеческого капитала этих двух областей (см. табл.4).

Таблица 4

Индекс неоиндустриальной модернизации
некоторых промышленных городов Донецкой и Луганской областей

Луганская обл.	2000	2005	2010	2013	Донецкая обл.	2000	2005	2010	2013
Лидеры									
Луганск	69	69	71	71	Донецк	73	73	75	75
Середняки									
Алчевск	66	64	64	65	Краматорск	56	66	63	68
Северодонецк	63	62	59	60	Мариуполь	56	59	60	60
Рубежное	57	53	52	53	Славянск	50	56	53	57
					Макеевка	53	57	52	51
					Артемовск	48	51	51	51
Аутсайдеры									
Антрацит	50	48	50	50	Енакиево	46	47	49	50
Красный Луч	52	49	48	50	Авдеевка	40	41	43	44
Лисичанск	49	48	49	50	Горловка	52	46	44	43
Свердловск	50	48	49	50	Харцызск	44	45	46	37
Ровеньки	50	48	49	49	Красноармейск	35	42	35	36
Стаханов	51	48	49	49					

Стратегия развития Луганской обл. и ее промышленных городов должна была бы строиться (имеется в виду ситуация, если бы не было военных действий на этой территории) на основе модели неоиндустриализации, предполагающей развитие сферы высокотехнологичной индустрии, автоматизации и компьютеризации производительных сил, на замене физического труда умственным, что кардинальным образом поменяет характер труда и структуру трудового баланса города. Развитию подлежат отрасли и сектора экономики, использующие достижения фундаментальной и прикладной науки, инженерной и конструкторской мысли для увеличения доли автоматизации, компьютеризации и механизации рабочих мест, физического и умственного труда [15].

Переход на наукоемкие передовые технологии может спровоцировать революционные изменения в методах производства товаров. Это изменит всю основу конфигурирования городов, которые до сих пор формировались за счет крупного промышленного производства. Изменения выразятся в уходе от крупномасштабного производства к современному индивидуальному (рис.1). В свою очередь, индивидуализация повлечет за собой отказ от некоторых технологических процессов, которые были отлажены до совершенства в индустриальную эпоху [16].

Доминирующий тип производства, при котором большим объемом выпуска изготавливается периодически повторяющаяся партия изделий в рамках ограниченной номенклатуры, уступит место современному индивидуальному производству, которое осуществляется отдельным человеком (индивидом) на совершенном компактном высокотехнологичном оборудовании (типа 3D-принтеров), но уже с новыми более качественными характеристиками, чем это было при переходе к серийному производству в эпоху индустриализации.

Первые подвижки в этом уже есть, например, создание 3D-принтеров* – устройств, использующих метод послойного создания физического объекта по цифровой 3D-модели, привело

*Возможности 3D-принтеров уже сейчас поражают воображение. С их помощью производят обувь, действующие пистолеты, протезы для человека, домашнюю утварь и многое другое. Сферы применения продукции, произведенной с помощью 3D-технологий, постоянно расширяются. Так, в Университете Южной Калифорнии был разработан 3D-принтер, способный построить отдельный дом площадью в 250 м² в течение суток [18].

к тому, что каждый сможет сделать себе именно то, что ему нужно, прямо на дому или в ближайшей мастерской. Естественно, для их использования необходим очень важный нематериальный фактор – знания, позволяющие пользоваться этой технологией. Эти неоиндустриальные* технологии дают возможность переносить производственные возможности если не домой, то в ближайший сервисный пункт. В результате мы можем снова вернуться к ремесленничеству, но уже в новой его форме (рис.2).

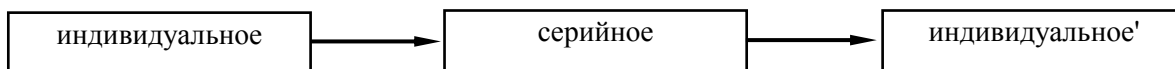

Рис.1. Трансформация типов производства от индустриального к постиндустриальному типу воспроизводства

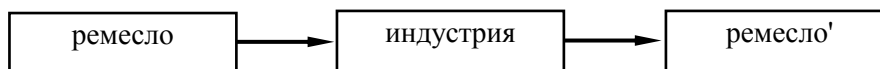

Рис.2. Эволюция производства товаров в общественно-экономической цепочке «Средневековье – индустриальное общество – неоиндустриальное общество»

Переход социально-экономического развития Донецкой и Луганской областей и их городов в новое качественное состояние зависит от эффективности взаимодействия и уровня консолидации усилий власти, крупных корпораций, науки и общества, оформленных в виде долгосрочной стратегии развития региона и городов и детализированных в кратко- и среднесрочных программах по реализации основных стратегических направлений развития [17]. На данный момент это единственный инструмент модернизации местных органов власти, который при правильном использовании может в ближайшем будущем дать существенный социально-экономический эффект.

Наилучшим способом реализации такого программно-стратегического подхода в Донбассе будет сотрудничество в рамках государственно-частного партнерства следующих структур – отечественных крупных корпораций (СКМ, ДТЭК, Метинвест, Донецксталь, ИСД, Group DF и т. п.), международных аудиторско-консалтинговых фирм высокого уровня (Эрнст энд Янг, Прайс Вотерхаус Куперс и т. п.) и отечественных экспертно-научных организаций НАН и МОН Украины (Институт экономики промышленности, Институт экономико-правовых исследований, Донецкий национальный технический университет, Донецкий национальный университет, Донецкий государственный университет управления, Национальный институт стратегических исследований и его Донецкий филиал, Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, Восточно-Украинский национальный университет им. В. Даля, Луганский национальный аграрный университет и т. п.) и органов городского самоуправления. Это взаимодействие может быть оформлено в форме соответствующего консорциума (см. рис.3).

Опыт такого эффективного взаимодействия в Донбассе есть. В результате многолетнего сотрудничества Донецкого горисполкома с Институтом экономики промышленности НАН Украины была подготовлена Стратегия социально-экономического развития города Донецка** на период до 2020 г., которая успешно реализовывалась (до начала военных действий) через ряд долгосрочных программ [19]. Стратегия развития г. Луганска была разработана в сотрудничестве с Национальным институтом стратегических исследований. В Донецке на основании Стратегии развития города до 2020 г. городским советом совместно с Институтом экономики промышленности НАН Украины были разработаны: Программа инвестиционного развития города Донецка на период до 2020 г., Комплексная программа «Энергосбережение в г. Донецке на 2010-2015 года», Целевая программа

*В эпоху индустриализации, когда требовалась максимизация объединения рабочей силы и централизация управления, промышленность составляла единственное содержание понятия индустрии. С развитием постиндустриализации термин «индустрия» стал применяться и к другим отраслям, таким как туризм, кинематограф, образование, здравоохранение или сфера развлечений. Здесь термин «индустрия» используется как синоним массовости производства или оказания услуг.

**В 2008 г. разработанный проект Стратегии социально-экономического развития города Донецка на период до 2020 года завоевал I место в конкурсе аналогичных документов местного самоуправления, проходившем в Москве.

развития и поддержки малого и среднего предпринимательства в городе на период до 2020 года, Общие методические положения по развитию элементов региональной инфраструктуры микрострахования и гарантирования кредитов малому предпринимательству и ряд других. Необходимо уделить пристальное внимание изучению проблем получения агломерационного эффекта от взаимодействия городов региона [19-21]. Это касается развития вертикальных и горизонтальных механизмов использования возможностей городов-ядер, способных оказать положительное влияние на города-спутники в виде роста производственного и интеллектуального потенциалов, развития производственной и социальной инфраструктуры, становления новых перспективных отраслей производства городской агломерации.

Государственно-частное партнерство – консорциум

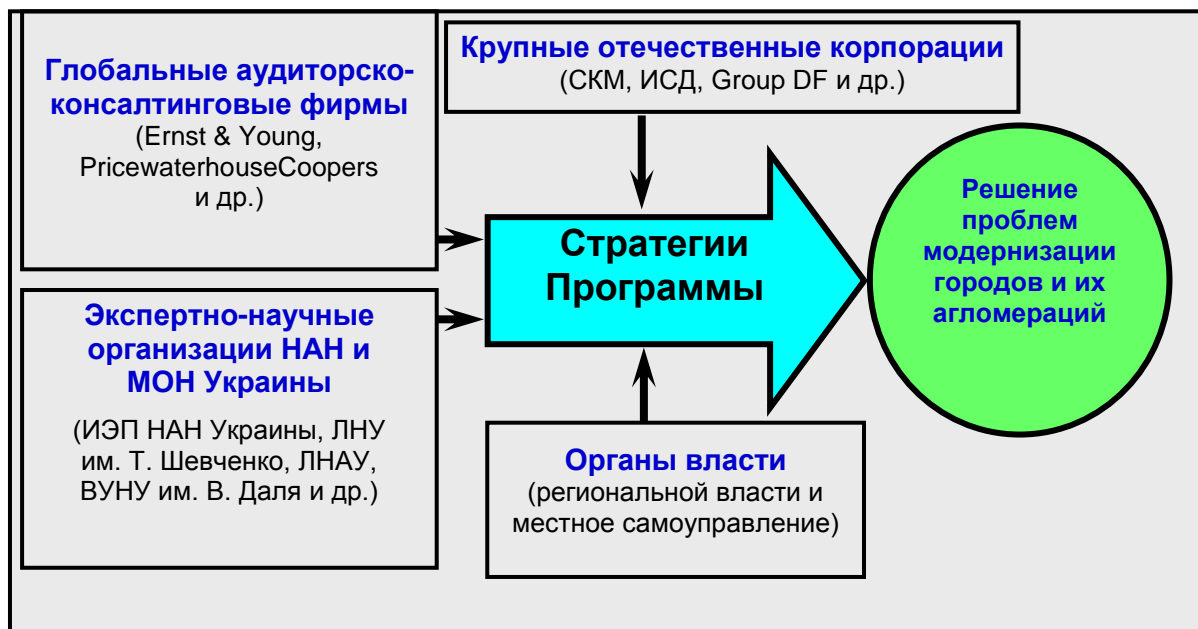

Рис.3. Схема взаимодействия субъектов

Литература

1. Павлов К. В. Модернизация и инновационное развитие экономики на разных уровнях управленческой иерархии: монография. Ижевск, 2014. 344 с.
2. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. М.: Академия, 2004. 578 с.
3. Новое индустриальное общество: пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. М.: АСТ; Транзиткнига; СПб.: Тегга Fantastica, 2004. 602 с.
4. Губанов С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Кн. мир, 2012. 224 с.
5. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию: обзор // Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). М.: Весь Мир, 2010. 48 с.
6. Ворота в глобальную экономику / А. Андерссон, Д. Андерссон. М., 2001. 464 с.
7. Оценка уровня модернизации городов и регионов при разработке стратегий опережающего развития / Е. В. Котов, В. И. Ляшенко // Устойчивое развитие экономики: опережающее развитие / В. А. Подсолонко [и др.]. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 610 с.
8. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
9. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. / Р. Флорида. М.: Классика-XXI, 2007. 421 с.
10. Аганбегян А. Г., Михеева Н. Н., Фетисов Г. Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион:экономика и социология. 2012. № 4. С. 7-44.
11. Антонова О. И. Региональная дифференциация смертности от внешних причин // Вопросы статистики. 2007. № 10. С. 17-22.

12. Зубаревич Н. В. Выход из кризиса: региональная проекция // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 67-83.
13. Замараев Б., Киюцевская А., Назарова А., Суханов Е. Замедление экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 8. С. 4-34.
14. Замараев Б., Назарова А., Суханов Е. Финансовые ограничения вслед за инвестиционной паузой // Вопросы экономики. 2014. № 10. С. 4-43.
15. Оболенский В. Внешнеэкономические связи России: некоторые уроки глобального кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 87-100.
16. Чернявский А. В. Проблемы сбалансированности региональных бюджетов и пути их решения // Финансы. 2014. № 8. С. 21-25.
17. Михеева Н. Н. Структурные факторы региональной экономики: измерения и оценка // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 11-32.
18. Гигантский 3D-принтер строит дом за 24 часа. URL: <http://naked-science.ru/article/hi-tech/gigantskii-3d-printer-stroit-d>
19. Стратегия социально-экономического развития города Донецка на период до 2020 года: монография / А. А. Лукьянченко [и др.] / НАН Украины; Ин-т экономики промышленности; Донецкий городской совет. Донецк, 2008. 308 с.
20. Амоша А. И., Котов Е. В., Ляшенко В. И. Ответственность отечественных корпораций в развитии малого бизнеса в контексте стратегии модернизации промышленных городов // Вісник Донецького державного університету управління «Менеджер». 2013. № 3(65). С. 9-20.
21. Амоша А. И., Котов Е. В., Ляшенко В. И. Развитие малого бизнеса – ведущая форма социальной ответственности крупных отечественных корпораций в модернизации городов своего присутствия // Політика корпоративної соціальної відповідальності в контексті сталого соціально-економічного розвитку: матеріали І Міжнар. наук.-практ. конф. (секція 2 «Стратегія інституційного розвитку соціально орієнтованої економіки України»), м. Донецьк, 5-6 грудня 2013 р. / Донецький державний університет управління. Донецьк: ДонДУУ, 2013. С. 19-22.
22. Котов Е. В., Ляшенко В. И. Оценка социально-экономического потенциала модернизации промышленного региона // Актуальные проблемы социально-экономического развития государства, регионов, предприятий и предпринимательства: монография. Львів: Українська академія друкарства, 2013. С. 105-108.

References

1. Pavlov K. V. *Modernizacija i innovacionnoe razvitie jekonomiki na raznyh urovnjah upravlencheskoj ierarhii* [Modernization and innovative development of the economy at different levels of the management hierarchy], Izhevsk, Publ. Institut komp'juternyh issledovanij, 2014, 344 p. (In Russ.).
2. Bell D. *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo* [The coming post-industrial society], Moscow, Publ. Akademiya, 2004. 578 p. (In Russ.).
3. Gjelbrejt Dzh. *Novoe industrial'noe obshhestvo*: per. s angl. [New Industrial State: Trans. from English], Moscow, AST; Tranzitkniga; Saint-Petersburg: Tegga Fantastisa, 2004. 602 p. (In Russ.).
4. Gubanov S. S. *Derzhavnyj proryv. Neoindustrializacija Rossii i vertikal'naja integracija* [Sovereign breakthrough. Neoindustrialization Russia and vertical integration], Moscow: Knizhnyj mir, 2012, 224 p. (In Russ.).
5. Doklad o mirovom razvitii 2009. Novyj vzgljad na ekonomicheskiju geografiju. Obzor [World Development Report 2009 Reshaping Economic Geography. Browse. Program of the United Nations Development (UNDP)]. Programma razvitija Organizacii Ob'edinennyh Nacij (PROON), Moscow, Publ. Ves' Mir, 2010, 48 p. (In Russ.).
6. Andersson A., Andersson D. *Vorota v global'nuju ekonomiku* [Gate into the global economy], Moscow, 2001. 464 p. (In Russ.)
7. Kotov E. V., Ljashenko V. I. Ocenka urovnja modernizacii gorodov i regionov pri razrabotke strategij operezhajushhego razvitija [Assessment of the level of modernization of cities and regions in developing strategies advanced development]. *Ustojchivoe razvitie ekonomiki: operezhajushhee razvitie*, Simferopol', DIAJPI, 2013, 610 p. (In Russ.).

8. Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001-2010), per. s angl. pod obshej redakciej N. I. Lapina [A survey report on the modernization of the world and China (2001-2010)], Moscow, Ves' Mir, 2011. 256 p. (In Russ.).
9. Florida R. *Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee*, per. s angl, Moscow, Klassika-XXI, 2007. 421 p. (In Russ.).
10. Aganbegjan A. G., Miheeva N. N., Fetisov G. G. Modernizacija real'nogo sektora ekonomiki: prostranstvennyj aspect [Modernization of real sector of economy: spatial aspect]. *Region: ekonomika i sociologija*, 2012, no. 4, pp. 7-44. (In Russ.).
11. Antonova O. I. Regional'naja differenciacija smertnosti ot vneshnih prichin [Regional differentiation of mortality from external causes]. *Voprosy statistiki*, 2007, no. 10, pp. 17-22. (In Russ.).
12. Zubarevich N. V. Vyhod iz krizisna: regional'naja proekcija [The post-crisis development: regional aspects]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 4, pp. 67-83. (In Russ.).
13. Zamaraev B., Kijucevskaja A., Nazarova A., Suhanov E. Zamedlenie ekonomicheskogo rosta v Rossii [The economic slowdown in Russia]. *Voprosy ekonomiki*, 2013, no. 8, pp. 4-34. (In Russ.).
14. Zamaraev B., Nazarova A., Suhanov E. Finansovye ogranichenija vsled za investicionnoj pauzoi [Financial restrictions follow the investment pause]. *Voprosy ekonomiki*, 2014, no.10, pp. 4-43. (In Russ.).
15. Obolenskij V. Vneshneekonomicheskie svyazi Rossii: nekotorye uroki global'nogo krizisa [Foreign economic relations of Russia: some lessons from the global crisis]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no., pp. 87-100. (In Russ.).
16. Chernjavskij A. V. Problemy sbalansirovannosti regional'nyh bjudzhetov i puti ih reshenija [The problems of balanced regional budgets and their solutions]. *Finansy*, 2014, no. 8, pp. 21-25. (In Russ.).
17. Miheeva N. N. Strukturnye faktory regional'noj ekonomiki: izmerenija i ocenka [Structural factors of regional economy: measurement and evaluation]. *Prostranstvennaja ekonomika*, 2013, no.1, pp. 11-32. (In Russ.).
18. Gigantskij 3D-printer stroit dom za 24 chasa. Available at: <http://naked-science.ru/article/hi-tech/gigantskii-3d-printer-stroit-d> (In Russ.).
19. Luk'yanchenko A. A., Grishin G. A., Amosha A. I. *Strategija sotsial'no-ekonomicheskogo razvitija goroga Donetska na period do 2020 goda*, NAN Ukrainy, Institut ekonomiki promyshlennosti, Donec'kij gorodskoj sovet, Donetsk, 2008, 308 p. (In Russ.).
20. Amosha A. I., Kotov E. V., Ljashenko V. I. Otvetstvennost' otechestvennyh korporacij v razvitii malogo biznesa v kontekste strategii modernizacii promyshlennyh gorodov [The responsibility of domestic corporations in the development of small business in the context of the strategy of modernization of industrial cities]. *Visnik Donec'kogo derzhavnogo universitetu upravlinnja "Menedzher"*, 2013, no. 3(65), pp. 9-20. (In Russ.).
21. Amosha A. I., Kotov E. V., Ljashenko V. I. Razvitie malogo biznesa – vedushhaja forma social'noj otvetstvennosti krupnyh otechestvennyh korporacij v modernizacii gorodov svoego prisutstvija [Development of small business – the leading form of social responsibility of large domestic corporations in modernization of towns, where they operate]. *Politika korporativnoji social'noji vidpovidal'nosti v konteksti stalogo social'no-ekonomicheskogo rozvitku: materialy I Mizhnar. nauk.-prakt. konf. (sekcija 2 "Strategija institucionnogo rozvitku social'no orientovanoji ekonomiki Ukrajini")* [Strategy of institutional development of socially oriented economy of Ukraine (m. Donec'k, 5-6 grudnja 2013 r.)], Donetsk, Donec'kij derzhavnij universitet upravlinnja, 2013, pp. 19-22. (In Russ.).
22. Kotov E. V., Ljashenko V. I. Ocenka social'no-ekonomicheskogo potenciala modernizacii promyshlennogo regiona [Evaluation of socio-economic potential of an industrial region modernization]. *Aktual'nye problemy social'no-ekonomicheskogo razvitija gosudarstva, regionov, predpriyatij i predprinimatel'stva*, Lviv, Ukrajins'ka akademija druzkarstva, 2013, pp. 105-108. (In Russ.).

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАН, УЧАСТВУЮЩИХ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ*

А. В. Козлов

докт. экон. наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики и промышленной политики регионов

И. М. Зайченко

канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики и промышленной политики регионов

В. Б. Магаршак

студент магистерской программы обучения мировой экономики и промышленной политики регионов
Инженерно-экономический институт, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье описано нормативно-правовое положение стран, участвующих в освоении Арктики. Определена степень приближенности иностранных государств к Арктической зоне, проведен анализ расстановки сил, перспектив и возможностей стран в Арктическом регионе с точки зрения запасов ресурсов. На основе изучения стратегий стран, их технической обеспеченности, векторов политической направленности и перспектив дальнейшего развития в Арктике составлена классификация стран по принципу их притязаний на арктические территории.

Ключевые слова: Арктическая зона, российская Арктика, страны, участвующие в освоение Арктики, балансировка интересов в Арктике, международный правовой режим Арктики.

STRATEGIC INTERESTS OF THE COUNTRIES, PARTICIPATING IN DEVELOPMENT OF THE ARCTIC

A. V. Kozlov

**Dr. Sc. (Economics), Professor,
Head of Department of World Economy and Industrial Policy of Regions**

I. M. Zaychenko

PhD (Economics), Associate Professor, Department of World Economy and Industrial Policy of Regions

V. B. Magarshak

**Master Program Student of Department of World Economy and Industrial Policy of Regions
Institute of Industrial Economics and Management, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University, St. Petersburg, Russia**

Abstract. The article describes the regulatory and legal status of the countries involved in the development of the Arctic zone. There was defined the degree of proximity of foreign countries to the Arctic zone, the placement of forces, the prospects and opportunities for the countries in the Arctic Region in terms of resource stocks are analyzed. On basis of investigation of the countries' strategies, their technical support, vectors of the political orientation and prospects for further development in the Arctic zone, the countries are classified according to the principle of their claims to Arctic territory.

Keywords: *The Arctic, Russian Arctic zone, countries, participating in development of the Arctic, balance of interests in the Arctic, international legal frameworks for the Arctic.*

Сегодня Арктическая зона затрагивает интересы очень многих стран, даже тех, которые располагаются на противоположной части земного шара. Повышенное внимание к Арктике объясняется, в первую очередь, огромными запасами полезных ископаемых, в том числе обширными запасами нефти и газа в различных морях Северного Ледовитого океана. Каждая страна желает

* Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-38-00009) «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ» Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

получить долю богатств Арктики. Из-за отсутствия единого регулирующего нормативно-правового акта возникает множество проблем, касающихся делимитации арктических пространств. Некоторые из них решились путем подписания двустороннего договора, означающего полное согласие обеих сторон с прописанными в нем условиями, а некоторые не решены до сих пор.

Несмотря на суровые климатические условия, освоение Арктики началось достаточно давно, первые поселения на этих землях появились за 10 тыс. лет до н. э., с течением времени русские и иностранные первопроходцы открывали новые территории, совершали длительные походы. Уже с того периода страны присваивали себе открытые земли, острова, архипелаги. Основными этапами освоения Арктики до XX в. можно назвать:

- плавания русских поморов по притокам рек в середине XIV-XVII вв.;
- XVII в. – открытие пролива между Азией и Америкой (С. Дежнев);
- XVIII в. – ряд крупных работ российских исследователей (Великая северная экспедиция).

В то время еще никто не знал, что подо льдами Арктики находится 83 млрд баррелей нефти, которые составляют 13 % от мировых неразведанных запасов, а также 1550 трлн м³ природного газа [1]. На северных территориях позже обнаружили залежи полезных ископаемых и начали разработку месторождений важнейших ресурсов минерального сырья, в том числе платиновых металлов, медно-никелевых руд, титана, тантала, ниобия, редкоземельных металлов, железа, фосфора, полиметаллов, флюорита, хрома, марганца, золота, алмазов.

Поэтому Северный полюс издавна привлекает внимание путешественников и исследователей, которые, преодолевая невероятные трудности, открывали холодные арктические земли и острова. Это были представители разных народов мира: американцы, голландцы, норвежцы, итальянцы и многие другие, чьи имена навечно остались в названиях островов, гор, ледников, морей. Среди них немало и наших соотечественников: Федор Литке, Семен Челюскин, братья Лаптевы, Георгий Седов, Владимир Русанов [2].

Начало XX в. ознаменовалось тем, что арктические страны приступили к разработке новых собственных стратегий по освоению северных территорий. В 1982 г. была подписана Конвенция ООН по морскому праву, в ней сформулированы понятия внутренних вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа, архипелажных вод, открытого моря [3]. Все спорные вопросы, связанные с разделением территорий, также решаются в соответствии с положениями, прописанными в данной Конвенции.

Со временем стали создаваться и различные межрегиональные и неправительственные организации. К межрегиональным организациям можно отнести Арктический совет, в который входят девять межправительственных и межпарламентских организаций; среди неправительственных организаций можно выделить Союз по сохранению Приполярной Арктики, Международный арктический научный комитет и Всемирный фонд дикой природы. Особое внимание уделяется вопросам экологии и безопасности международного сотрудничества.

В соперничестве-сотрудничестве, прежде всего, участвуют пять «официальных» арктических держав: Россия, Канада, США, Норвегия и Дания [4]. Эти страны имеют побережья на Северном Ледовитом океане, а значит, обладают преимущественными правами на разработку ресурсов Арктики.

Свои притязания на арктические территории высказывают и так называемые приарктические государства, территории которых не имеют прямого выхода к Северному Ледовитому океану, но находятся в непосредственной близости к Полярному кругу (Исландия) или в Заполярье (Швеция и Финляндия). На этом основании их включили в Арктический совет (АС) и Совет Баренцева/Евро-Арктического региона (СБЕР), которые являются ведущими субрегиональными организациями. На арктические земли претендуют и международные организации (НАТО, Евросоюз, организации стран Северной Европы). С недавних пор они довольно активно включились в арктические дела. Не стоит забывать о неарктических государствах (прежде всего, странах Восточной Азии), которые в последнее время стали проявлять интерес к освоению Арктики (рис. 1).

Превосходство российских арктических территорий неоспоримо. Экономика российской Арктики производит более 10 % ВВП страны и более 20 % экспорта [5]. На втором месте находится Аляска, которая входит в первую десятку штатов Америки по величине дохода на душу населения. Далее следует группа северных стран – Швеция, Финляндия и Норвегия. Территории, являющиеся арктическими, в данных странах производят 6.16, 7.85 и 4.71 % соответственно от общего ВВП страны [6]. Наименьшее значение валового внутреннего продукта у Гренландии, Фарерских островов, Исландии и северных районов Канады. Безусловно, странам-конкурентам очень сложно противостоять в этой борьбе России.

Анализируя потенциал промышленности территорий, входящих в состав российской Арктики, можно сделать вывод, что основной промышленный и экспортный потенциалы России сконцентрированы лишь в части территорий, что свидетельствует о неравномерности развития арктических и северных районов страны. Так, в структуре промышленности можно выделить две территориальных группы:

- старопромышленные регионы (Мурманская и Архангельская области, Красноярский край – Норильский промышленный и Таймырский муниципальный районы);
- арктические регионы нового промышленного освоения (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, арктические районы Республики Саха (Якутия)).

Рис.1. Степень приближенности государств и организаций к Арктике

Следует также отметить и относительно низкий уровень следующих важнейших характеристик промышленного развития регионов российской Арктики, а именно:

- производительность труда в Республике Карелия, Архангельской и Мурманской областях;
- активность малого бизнеса в таких регионах, как Карелия, Коми, Саха (Якутия), Архангельская обл., Красноярский край, Ямало-Ненецкий АО;
- инвестиционная привлекательность Карелии, Архангельской и Мурманской областей;
- бюджетные доходы в Карелии, Архангельской обл. и Красноярском крае;
- экспортная деятельность предприятий-резидентов на всех арктических территориях, за исключением Архангельской обл. и Красноярского края;
- финансовые результаты деятельности крупного и среднего бизнеса в республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия), в Архангельской и Мурманской областях;
- инновационная активность в целом во всех территориальных образованиях российской Арктики.

Несмотря на наличие комплексной государственной программы, посвященной социально-экономическому развитию Арктической зоны РФ [7], немало дискуссий вызывают и правовые аспекты осуществления деятельности на арктических территориях. Единый нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы, связанные с освоением российской Арктики, на сегодняшний день отсутствует. Интересы Российской Федерации в области международно-правового урегулирования вопросов раздела дна Северного Ледовитого океана представляет Министерство иностранных дел [8].

В мировом сообществе также отсутствуют международные соглашения (в отличие от Антарктики), закрепляющие единое общепризнанное понятие «Арктика», на международном уровне правовой статус арктического пространства прямо не регламентирован. Частично правовой режим Арктики определяется актами национального законодательства арктических стран и международно-правовыми соглашениями по отдельным аспектам [9].

Все это и обуславливает необходимость активизации государственной арктической политики России как внутренней, так и внешней, в частности, создания условий для устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны РФ, нивелирования региональных и отраслевых диспропорций, создания системы государственной социально-экономической поддержки арктических территорий и официального союза арктических регионов России, в рамках которого произойдет формирование новых институтов и механизмов развития российской Арктики.

Официально российские притязания на арктический сектор датируются 20 сентября 1918 г., когда была создана депеша, в которой сообщалось, что частью России являются острова Генриетты, Жаннетты, Беннетты, Геральд, Уединения, Новосибирские, Врангеля, Новая Земля, Колгуев, Вайгач и другие, составляющие российскую территорию «ввиду того, что их принадлежность к территориям Империи является общепризнанной в течение столетий» [10].

Позже права СССР в ведении деятельности на арктических территориях обеспечивались и другими законодательными актами, концептуальные положения которых далее перешли в российское законодательство о государственной границе и континентальном шельфе.

Что касается иностранных государств, то Канада – первая страна, которая юридически закрепила за собой часть арктического сектора. В 1909 г. правительство Канады официально объявило своей собственностью все земли и острова (открытые и еще не открытые), лежащие к западу от Гренландии. В 1921 г. Канада объявила, что все земли к северу от континентальной части находятся под ее суверенитетом, а в 1925 г. были внесены дополнения в закон о Северо-Западных территориях, который запретил иностранным государствам заниматься какой-либо деятельностью в пределах канадских арктических земель и островов без разрешения правительства Канады. На сегодняшний день арктическая область Канады включает в себя бассейн территории Юкон, земли севернее 60° с. ш. и область прибрежных зон Гудзонова залива и залива Джеймса. Площадь владений приравнивается к 1430 млн км² [11].

Современная арктическая территория США включает в себя земли к северу от Полярного круга, к северу и западу от границы, сформированной реками Юкон, Кусковим и Поркупайн, а также цепь Алеутских островов, все смежные моря, Северный Ледовитый океан, море Бофорта, Берингово и Чукотское моря в том числе. Площадь арктических территорий США равна 126 млн км² [10].

Норвегия в национальных нормативно-правовых актах не дает определения своих арктических территорий. Однако при подписании «Руководства по проведению морских работ по нефти и газу в Арктике» (1997) «Королевство фьордов» определило, что для целей этого руководства ее арктическую область размером 746 тыс. км² формируют определенные районы Норвежского моря [12].

Арктическая территория Дании включает в себя Гренландию и Фарерские острова. Распространение суверенитета Дании на Гренландию было закреплено в 1933 г. Постоянной палатой международного правосудия. Площадь полярных территорий составляет 372 тыс. км² [10]. Отчасти этим объясняется и получение Гренландией права распоряжения недрами своего шельфа, который скрывает энергоресурсы на десятки миллионов евро.

В отличие от Канады и России, США, Норвегия и Дания не принимали специальных актов по прилегающим арктическим районам, однако законодательство этих стран о континентальном шельфе, экономических и рыболовных зонах распространяется и на арктические районы.

Принцип учета прав и интересов государств по отношению к их арктическим побережьям, сформированный в документах Канады и России, называют секторальным. Изначально он не вызывал возражений у других стран и был принят. Признание действовало до тех пор, пока технологическое развитие не позволило приступить к разведке и разработке природных ресурсов Арктики. Против секторального принципа выступают, прежде всего, США. Исходя из своих военно-стратегических и других интересов, США полагают, что данный принцип может существенно ограничить возможности их военно-морских сил в Арктике. Власти США придерживаются мнения, что к водному пространству арктических морей, за исключением 12-мильных территориальных вод, применимы только правовые нормы, регулирующие режим открытого моря. Вдобавок ко всему, США оказывают давление на Канаду, с целью пересмотра ее секторальной политики, чтобы избежать риска правовой зависимости в арктическом секторе Канады.

Относительно морских территорий сложность решения правового режима Северного Ледовитого океана и прибрежных арктических морей обусловлена разными подходами к определению этого участка земного шара: с одной стороны, он рассматривается как открытое море, для которого существуют свои международно-правовые аспекты; с другой стороны, Северный Ледовитый океан – это, по большей части, ледяная поверхность, которая может рассматриваться как отдельный вид государственной территории пяти прилегающих к ней стран. Это и объясняет различия в подходах арктических государств.

Тем не менее, основным источником общего международного права применительно к морским пространствам является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [3]. Все арктические государства, за исключением США, являются ее участниками. США участвуют в Женевских конвенциях ООН по морскому праву 1958 и 1960 гг. [3]. Часть положений Женевских конвенций

с некоторыми изменениями и уточнениями включена в Конвенцию ООН 1982 г. Согласно Конвенции ООН 1982 г., в пространстве Мирового океана выделяются внутренние морские воды, территориальное море, прилежащая зона, архипелажные воды, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, открытое море, район морского дна. Конвенция содержит и ряд положений, относящихся к проливам, используемым для международного судоходства.

В сентябре 1996 г. Россия, Канада, США, Норвегия, Дания, а также Исландия, Финляндия и Швеция подписали в Оттаве Декларацию о создании Арктического совета – новой региональной международной организации, среди целей которого можно выделить:

- обеспечение сотрудничества, координации и взаимодействия арктических государств, при активном участии коренных народов Севера и других жителей арктических территорий;
- контроль и координацию по выполнению экологических программ;
- разработку, координацию и контроль выполнения программ развития;
- распространение информации, поощрение интереса и образовательных инициатив по вопросам, связанным с освоением Арктики.

Несмотря на то, что при разработке Декларации вопросы военной безопасности и демилитаризация арктических пространств рассматривались как основные, сейчас Арктический совет не регулирует данные аспекты. Страны, которые не являются арктическими, могут принимать участие в работе Арктического совета лишь в качестве наблюдателей.

В 2008 г. представителями пяти арктических государств была принята Илулиссатская декларация 2008 г. [13]. В ней, в частности, отражен тот факт, что общее международное право позволяет разрешать все проблемы, возникающие между странами при ведении деятельности на арктических территориях, начиная от защиты морской среды до принципов свободы судоходства. А это значит, что необходимость в разработке «нового всеобъемлющего правового режима для Арктического океана» отсутствует. Несмотря на то, что в ряде стран приняты собственные нормативно-законодательные акты, законодательство арктических государств в полной мере соответствует положениям Конвенции ООН 1982 г. [3]. Так, например, в нашей стране разработаны и введены в действие законы: «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (1998) [14], «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» (1998) [15] и «О континентальном шельфе Российской Федерации» (1995) [16]. В других арктических государствах действуют подобные нормативно-правовые акты, которые принципиально не отличаются от российских (табл.).

Из таблицы видно, что в Арктике действует общее международное право. Нормативно-правовые акты, которые позже были разработаны арктическими странами относительно осуществления правового режима на морских пространствах, находящихся в их юрисдикции и под их суверенитетом, не противоречат положениям Конвенции 1982 г.

Правовое положение стран Арктического региона

Название	Год	Страна	Уровень регулирования
1	2	3	4
Санкт-Петербургская конвенция с Англией относительно разграничения обоюдных пространств владений России и Англии в Северной Америке	1825	Россия, Англия	Двусторонний договор
Конвенция об уступке Аляски	1867	Россия, США	То же
Соглашение о сохранении белых медведей	1973	Дания, Канада, Норвегия, СССР, США	Региональный
Соглашение о сотрудничестве в отношении охраны окружающей среды	1983	Канада, Дания	Двусторонний договор
Соглашение относительно контроля за трансграничной перевозкой опасных отходов	1986	Канада, США	То же
Соглашение о сотрудничестве в Арктике	1988	Канада, США	" "
Соглашение о сотрудничестве в борьбе	1989	СССР, США	" "

с загрязнением в Беринговом и Чукотских морях в чрезвычайных ситуациях			
--	--	--	--

1	2	3	4
Соглашение о линии разграничения морских пространств	1990	СССР, США	Двусторонний договор
Договор о согласии и сотрудничестве	1992	Россия, Канада	То же
Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды	1992	Россия, Дания	" "
Декларация о дружбе и сотрудничестве	1992	Россия, Канада	" "
Соглашение о сотрудничестве по вопросам окружающей среды	1993	Россия, Канада	" "
Соглашение о сотрудничестве в отношении охраны окружающей среды	1983	Канада, Дания	" "
Соглашение о сотрудничестве в области защиты окружающей среды	1997	Канада, Чили	" "
Соглашение правительств стран – членов СБЕР о сотрудничестве в области предупреждения, готовности реагирования на чрезвычайные ситуации	2008	Норвегия, Россия, Финляндия, Швеция	Региональный
Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане	2010	Россия, Норвегия	Двусторонний договор
Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике	2011	Страны – участники Арктического совета	Региональный

Далее был проведен анализ расстановки сил, перспектив и возможностей стран в Арктическом регионе с точки зрения запасов ресурсов. Как было указано выше, только пять стран (США, Канада, Норвегия, Россия, Дания) имеют исключительные экономические зоны. Общие запасы нефти и газа в национальных секторах следующие [17]:

- Россия – 105 млрд т топлива (условного);
- Норвегия – 65 млрд т топлива (условного);
- Дания – 65 млрд т топлива (условного);
- Канада – 61 млрд т топлива (условного);
- США – 40 млрд т топлива (условного).

Россия – бесспорный лидер по этому показателю, остальные страны довольно плотно расположились друг за другом. Пятой страной в этот список можно включить Исландию, у которой 16 млрд т топлива (условного). Ниже, на рис.2 и 3 представлены запасы нефти и газа стран, участвующих в освоении Арктики соответственно.

И вновь неоспоримое лидерство у России. Второе место занимают Соединенные Штаты Америки, затем следует Дания, потом Канада и замыкает пятерку Норвегия.

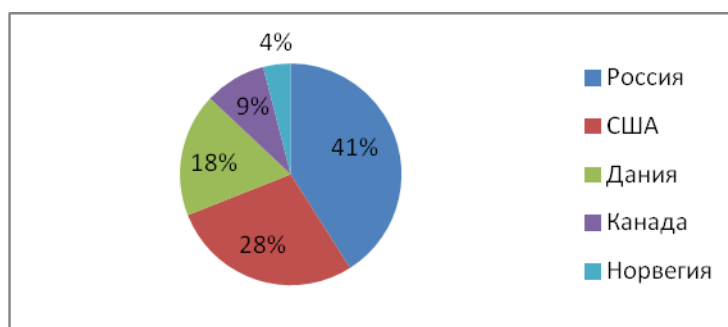

Рис.2. Распределение запасов нефти по национальным секторам Арктики

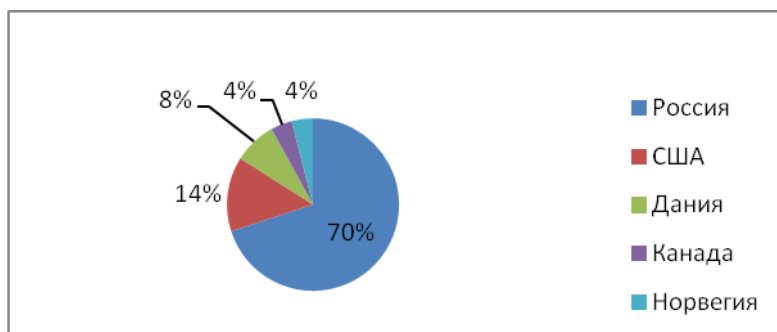

Рис.3. Распределение запасов газа по национальным секторам Арктики

У России нет конкурентов по показателям ресурсного потенциала. На ее арктических территориях находятся десятки месторождений нефти и природного газа, многие из них еще не разработаны. Шельфовые углеводороды – основа будущей энергобезопасности страны, ее серьезный козырь на мировом арктическом пространстве и каркас российской экономики. Проанализировав данные, представленные на рис.2 и 3, можно сделать вывод о том, что Россия имеет огромные перспективы по добыче природных ресурсов. Нельзя забывать про месторождения на суше, вести их добычу проще и дешевле, чем бурить на шельфе, но для этого необходимо иметь соответствующее оборудование. Крайне важным индикатором является и экономическое развитие регионов, их финансовая обеспеченность. Поэтому одно дело – иметь внушительные запасы ресурсов, а другое – вести их добычу. На рис.4 представлены географические точки, на которых ведутся работы по добыче нефти и газа.

Рис.4. Места мировой добычи нефти и газа [18]

Здесь у России уже нет былого преимущества. США и Норвегия идут практически наравне. Необходимо обратить внимание на то, что Дания и Канада не осуществляют добычу нефти в арктическом регионе, но имеют опыт геологоразведки.

По данным статьи [19], доля России по добыче нефти в Арктике составляет приблизительно 10 %, в то время как у Норвегии – около 33 %, а у США – 57 %. США также являются лидером по производству сланцевой нефти, которая в ближайшем будущем может стать заменителем нефти обыкновенной.

Россия, имея такие потенциальные запасы ресурсов, не является лидером по добыче нефти, что, в первую очередь, объясняется крайне несбалансированной государственной политикой страны в отношении арктических территорий, а также монополизацией бизнеса. В результате, введено в эксплуатацию только одно месторождение – «Приразломное» компании «Газпром» в Печорском море, на котором добыча нефти ведется с прошлого года [20].

Газ на шельфе Арктики Россия вообще не добывает. Хотя опыт освоения сложных месторождений у России есть. Это проекты Сахалин-1 и Сахалин-2, которые не относятся к Арктическому шельфу [21]. В целом эти международные проекты можно считать удачными, несмотря на некоторые конфликты сторон. Сахалин-2 – единственный в России проект, производящий на экспорт сжиженный природный газ.

На основе изучения стратегий стран, их технической обеспеченности, векторов политической направленности и перспектив дальнейшего развития в Арктике была составлена схема.

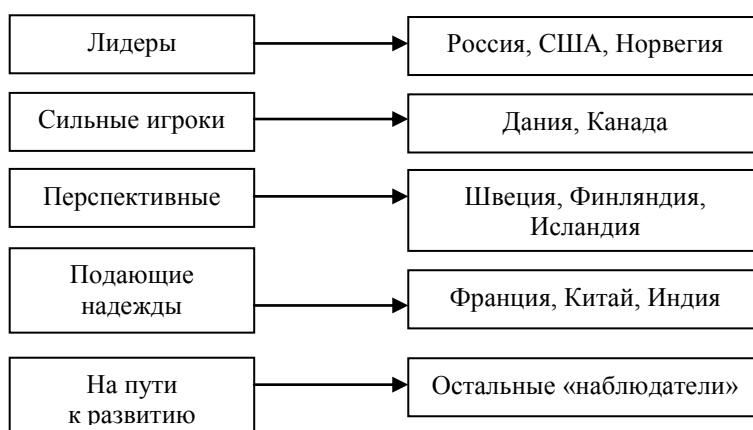

Рис.5. Соотношение «сил» стран, участвующих в освоении Арктики

Нелегко выделить какого-то одного лидера: у России – высокий ресурсный потенциал, существуют крупные порты, сильный флот и значительная концентрация военных сил, но, к сожалению, низкое соотношение добычи к количеству запасов, у США и Норвегии – все наоборот. Грамотная государственная политика, высокое процентное соотношение добычи нефти и газа к общей мировой добыче, повышенное внимание к экологическим вопросам, но небольшой по отношению к России ресурсный потенциал, меньшая развитость инфраструктуры. Дания и Канада имеют официальный статус арктических стран, но большинство их социально-экономических показателей намного ниже, чем у России, Норвегии и США, а также эти страны не ведут добычу нефти в Арктике. Швеция, Финляндия и Исландия имеют собственные стратегии развития, являются членами Арктического совета. Их можно назвать полноправными участниками в сфере решения различных арктических вопросов. Из «наблюдателей» можно выделить Францию, Индию и Китай, так как эти страны имеют наиболее перспективные возможности развития в арктическом секторе, являются более активными, чем другие страны-наблюдатели, в поисках возможных партнеров и составлении собственных стратегий, а также имеют достаточно высокую степень развитости национальной экономики.

В заключение можно сказать, что основными интересами России в Арктике являются:

- использование арктических пространств в качестве стратегической ресурсной базы, обеспечивающей достижение высоких показателей социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на основе стратегии комплексного развития и программно-целевого управления [22, 23];
- сохранение биологического разнообразия растительного и животного мира Арктики;
- поддержание на достойном уровне системы экологической безопасности уникальных морских и сухопутных территорий;
- использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной артерии РФ в Арктике, а также сохранение Арктики в качестве зоны мира и арены международного сотрудничества с иностранными государствами.

Помимо стран-участниц в освоении Арктики свои стратегические интересы на арктических территориях имеют и так называемые приарктические, а также другие государства из Европы и Средней Азии. Многие из них имеют собственную стратегию развития, обусловленную социально-политическими интересами страны на международной арене.

Литература

1. Загорский А. В. Арктика: зона мира и сотрудничества. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.
2. Север – наш!: [Национальное интернет-издание о северных и арктических территориях России]. 2015. 15 сент. (№ 1148). URL: <http://severnash.ru/library/1614-kakoe-budushee-u-arktiki.html> (дата обращения: 01.09.2015).
3. Конвенция ООН по морскому праву. URL: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf/ (дата обращения: 03.09.2015).

4. Конышев В. И., Сегунин А. А. Канадская стратегия в Арктике и Россия: возможно ли взаимопонимание? // Арктика и Север. 2012. № 8. URL: <http://narfu.ru/upload/iblock/242/01.pdf>. (дата обращения: 03.09.2015).
5. Энергия Арктики / М. О. Моргунова, А. Я. Цуневский; под науч. ред. В. В. Бушуева. М.: Энергия, 2012. 84 с.
6. Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: в 3 т. Т. 3 / под ред. И. С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2013. 663 с.
7. Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года: государственная программа Российской Федерации: утверждена постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21357/
8. Arctic info: информ. портал. URL: <http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Article/pravovoi-rejim-arktiki>. (дата обращения: 02.09.2015).
9. Джунусова Д. Н. Международно-правовые особенности использования континентального шельфа Арктики: дис. ... канд. юрид. наук. 2007. URL: <http://www.dissercat.com/content/mezhdunarodno-pravovye-osobennosti-ispolzovaniya-kontinentalnogo-shelfa-arktiki#ixzz3lk8snR4i/>.
10. Ковалев А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13407261070.pdf> (дата обращения: 04.09.2015).
11. Барциц И. Российский арктический сектор: правовой статус. URL: http://observer.materik.ru/observer/N12_00/12_15.htm (дата обращения: 05.09.2015).
12. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: в 3 т. Т. 1 / Рос. совет по междунар. делам / под. общ. ред. И. С. Иванова. М.: Аспект пресс, 2013.
13. The Pulissat declaration Arctic ocean. URL: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Pulissat_Declaration.pdf2
14. О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (ред. от 13.07.2015). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19643/ (дата обращения: 07.09.2015).
15. Об исключительной экономической зоне Российской Федерации: федер. закон от 17 дек. 1998 г. № 191-ФЗ (ред. от 14.10.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21357/ (дата обращения: 07.09.2015).
16. О континентальном шельфе Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 1995 г. № 187-ФЗ (ред. от 02.05.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8560/ (дата обращения: 07.09.2015).
17. Национальные энергетические стратегии в условиях глобализации. Энергетика как платформа инновационного развития / под ред. С. В. Жукова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 100 с.
18. Ласкутова А. Арктические регионы хотят бурить и добывать. URL: <http://www.nakanune.ru/service/print.php?articles=10253> (дата обращения: 07.09.2015).
19. Базалева Р., Казначеев П. Освоение Арктического шельфа. Регулирование и налогообложение нефтяных компаний в США, России и Норвегии // Экономическая политика. 2015. Т. 10, № 2. С. 110-132.
20. Международная общественная организация «Гринпис России». URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/protect-the-arctic/10reasons/>. (дата обращения: 11.09.2015).
21. Правосудов С. Государственный подход // Корпоративный журнал ОАО «Газпром». 2014. № 10. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/17/006646/gazprom-magazine-2014-10.pdf/> (дата обращения: 09.09.2015).
22. Козлов А. В., Гутман С. С., Зайченко И. М. Программа развития Арктической зоны Российской Федерации на основе комплекса региональных индикаторов // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2014. № 11. С. 110-120.
23. Федосеев С. В., Череповицын А. Е. Оценка совокупного стратегического потенциала базовых отраслей промышленности Арктической зоны хозяйствования России // Вестник Мурманского гос. техн. ун-та. 2014. Т. 17, № 3. С. 598-605.

References

1. Zagorskij A. V. *Arktika: zona mira i sotrudnichestva*. Moscow, IMEHMO RAN, 2011, 195 p. (In Russ).
2. Sever – nash! Nacional'noe internet-izdanie o severnyh i arkticheskikh territoriyah Rossii, 2015, 15 sentyabrya, no. 1148. Available at: <http://severnash.ru/library/1614-kakoe-buduschee-u-arktiki.html/> (accessed 01.09.2015). (In Russ).
3. Konvenciya OON po morskemu pravu. Available at: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (data obrashcheniya 03.09.2015). (In Russ).
4. Konyshov V. I., Segunin A. A. Kanadskaya strategiya v Arktike i Rossiya: vozmozhno li vzaimoponimanie? [Russia and Canada's strategy in Arctics: mutual understanding possible?]. *Arktika i Sever* [Arctics and North.], 2012, no 8. Available at: <http://narfu.ru/upload/iblock/242/01.pdf>. (accessed 03.09.2015). (In Russ).
5. Morgunova M. O., Cunevskij A. Ya. *Ehnergiya Arktiki*, Moscow, Ehnergiya, 2012, 84 p. (In Russ).
6. Arkticheskij region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva, v 3 tomah. Moscow, Aspekt Press, 2013, vol. 3, 663 p. (In Russ).
7. Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda, Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii (utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 21 aprelya 2014 g, No 366. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ (accessed 07.09.2015). (In Russ).
8. Informacionnyj portal Arctic info. Available at: <http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Article/pravovoi-rezim-arktiki/> (accessed 02.09.2015). (In Russ).
9. Dzhunusova D. N. *Mezhdunarodno-pravovye osobennosti ispol'zovaniya kontinental'nogo shel'fa Arktiki. Diss. kand. yurid. nauk*, Moscow, 2007. Available at: [http://www.dissertat.com/content/mezhdunarodno-pravovye-osobennosti-ispolzovaniya-kontinentalnogo-shelfa-arktiki#ixzz3lk8snR4i./](http://www.dissertat.com/content/mezhdunarodno-pravovye-osobennosti-ispolzovaniya-kontinentalnogo-shelfa-arktiki#ixzz3lk8snR4i/) (accessed 05.09.2015).
10. Kovalev A. Mezhdunarodno-pravovoj rezhim Arktiki i interesy Rossii. Available at: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13407261070.pdf> (accessed 04.09.2015). (In Russ).
11. Barcic I. Rossijskij arkticheskij sektor: pravovoj status. Available at: http://observer.materik.ru/observer/N12_00/12_15.htm/ (accessed 05.09.2015).
12. *Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva*, v 3 tomah, Moscow, Aspekt press, 2013, vol. 1. (In Russ).
13. The Ilulissat declaration Arctic ocean. Available at: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf2/ (accessed 09.09.2015).
14. O vnutrennih morskikh vodah, territorial'nom more i prilozhashchej zone Rossijskoj Federacii, federal'nyj zakon ot 31.07.1998, No 155-FZ (red. ot 13.07.2015). Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19643/ (accessed 07.09.2015). (In Russ).
15. Ob isklyuchitel'noj ehkonomicheskoy zone Rossijskoj Federacii, federal'nyj zakon ot 17.12.1998, No 191-FZ (red. ot 14.10.2014). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21357/ (accessed 07.09.2015). (In Russ).
16. O kontinental'nom shel'fe Rossijskoj Federacii, federal'nyj zakon ot 30.11.1995, No 187-FZ (red. ot 02.05.2015). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8560/ (accessed 07.09.2015). (In Russ).
17. *Nacional'nye ehnergeticheskie strategii v usloviyah globalizacii. Ehnergetika kak platforma innovacionnogo razvitiya*, Moscow, IMEHMO RAN, 2014, 100 p. (In Russ).
18. Laskutova A. Arkticheskie regiony hotyat burit' i dobyvat'. Available at: <http://www.nakanune.ru/service/print.php?articles=10253>. (accessed 07.09.2015). (In Russ).
19. Bazaleva R., Kaznacheev P. Osvoenie Arkticheskogo shel'fa. Regulirovanie i nalogooblozhenie neftyanyh kompanij v SSHA, Rossii i Norvegii. *Ehkonomicheskaya politika*, 2015, vol. 10, no. 2. pp. 110-132. (In Russ).
20. Mezhdunarodnaya obshchestvennaya organizaciya. Grinpis Rossii. Available at: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/protect-the-arctic/10reasons/> (accessed 11.09.2015). (In Russ).
21. Pravosudov S. Gosudarstvennyj podhod [Natal approach]. *Korporativnyj zhurnal OAO "Gazprom"* [OAO "Gazprom" corporate magazine.], 2014, no. 10. Available at: <http://www.gazprom.ru/f/posts/17/006646/gazprom-magazine-2014-10.pdf> (accessed 09.09.2015). (In Russ).
22. Kozlov A. V., Gutman S. S., Zajchenko I. M. Programma razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii na osnove kompleksa regional'nyh indikatorov [Program of development of Arctic zone of Russian Federation on the basis of complex regional indicators]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Zabaykal State University Herald.], 2014, no. 11, pp. 110-120. (In Russ).
23. Fedoseev S. V., Cherepovicyn A. E. Ocenka sovokupnogo strategicheskogo potenciala bazovyh otraslej promyshlennosti Arkticheskoy zony hozyajstvovaniya Rossii [Overall estimation of industrial strategic potential

of Arctic geographical area belonging to Russia]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Murmansk State Technical University Herald], 2014, vol. 17, no. 3, pp. 598-605. (In Russ).